T 31/88
mom 2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(ВСЕМІРНАЯ ХРЕСТОМАТІЯ).

ТОМЪ II.

Иванъ Сергѣевичъ ТУРГЕНЕВЪ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Москва.

Типографія Вильде. Верхняя Кисловка, собственный домъ

1882.

КНИГА ИМЕЕТ: б 10 бр

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1949 г.
23	1	т2			1 пор	И	511/725	

Литературная

„Дѣтская Библіотека“

(всемірная хрестоматія)

томъ II.

Иванъ Сергѣевичъ

Тургеневъ

и

его сочиненія.

Москва.

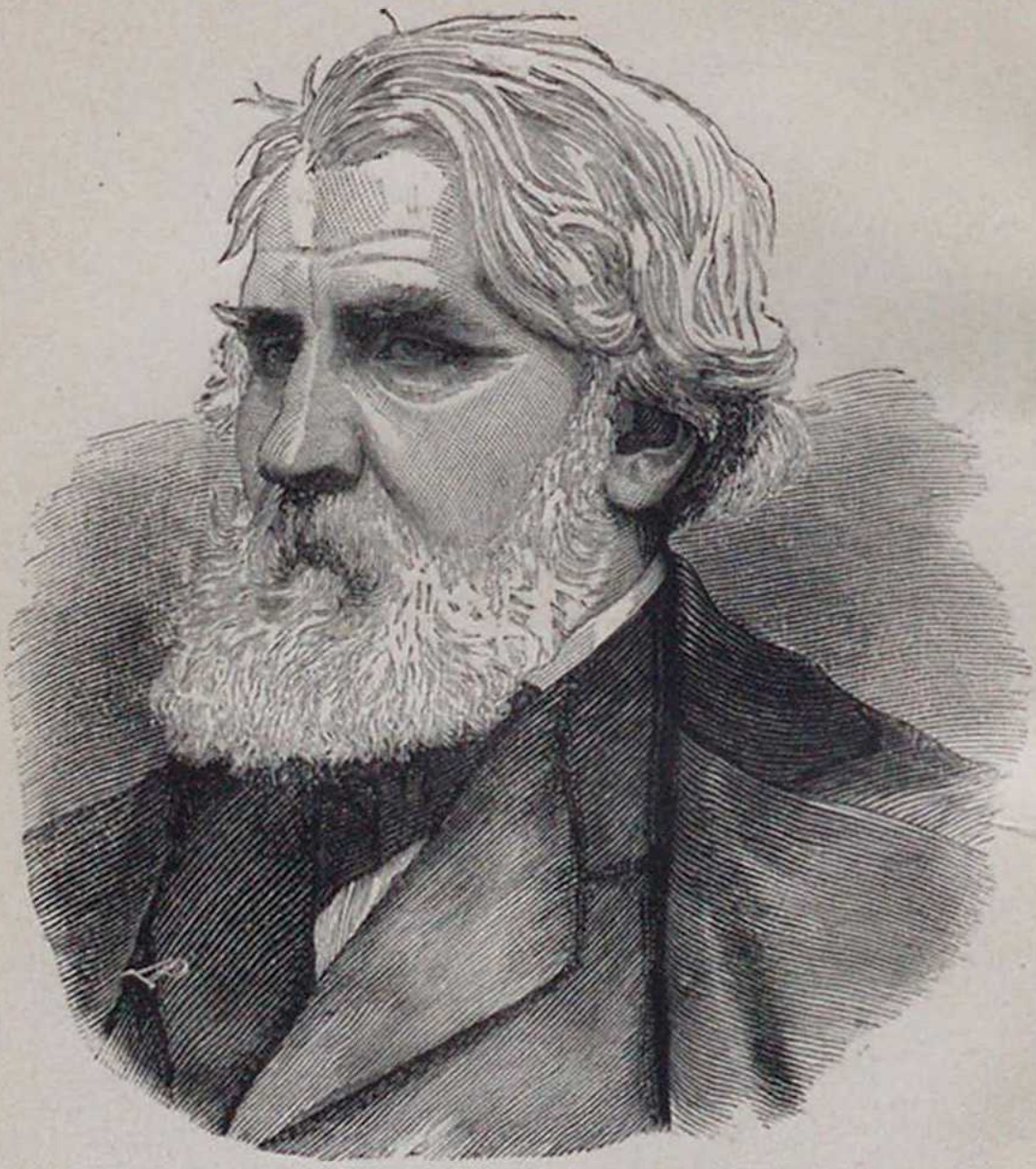
Типографія Вильде. Верхняя Кисловка, собственный домъ

1882.

Дозволено цензурою. Москва 16 Октября 1882 г.

57814-0

2015147568



Иванъ Сергѣевичъ

Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ

ТУРГЕНЕВЪ

и

его сочиненія.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ

и

его сочиненія.

Однимъ изъ самыхъ лучшихъ и симпатичныхъ нашихъ современныхъ писателей считается Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Онъ родился 28 Ноября 1818 года въ губернскомъ городѣ Орлѣ. Родители Ивана Сергѣевича принадлежали къ классу богатыхъ помѣщиковъ. Отца его звали Сергѣемъ Николаевичемъ, а мать Варварою Петровною. Въ 1822 году, когда Ивану Сергѣевичу было всего только 4 года, отецъ взялъ его съ собою за границу и проѣздомъ чрезъ Швейцарію, вздумалъ по охотиться на медвѣдя, берлогу котораго ему вызвались указать крестьяне. Отправившись осматривать

берлогу, Сергѣй Николаевичъ взялъ съ собою и маленькаго своего сына И. С., подойдя къ берлогѣ, Сергѣй Николаевичъ сталъ разговаривать съ своими проводниками и не замѣтилъ, какъ его крошка сынъ подбѣжалъ къ берлогѣ и, желая въ свою очередь разсмотрѣть медвѣдя, наклонился надъ ямой и потерявъ равновѣсіе полетѣлъ головою внизъ прямо на медвѣдя. Къ счастію малютка зацѣпился своимъ платьемъ за сукъ близъ лежащаго сухаго дерева и Сергѣй Николаевичъ, услыша его отчаянный крикъ, успѣлъ схватить его за ногу и вытащить изъ берлоги. По возвращеніи изъ за границы, семейство Тургеневыхъ на долго поселилось въ родовомъ своемъ имѣніи, находящемся въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской Губерніи. Здѣсь воспитаніемъ и образованіемъ маленькаго Тургенева занимались учителя и гувернеры изъ иностранцевъ. Въ 1828 году, Иванъ Сергѣевичъ переселился съ своими родителями жить въ Москву, гдѣ послѣ усиленныхъ занятій

разными науками, на 16-мъ году своей жизни поступилъ въ Московскій Университетъ, а черезъ годъ (въ 1835 году) перешелъ въ Петербургскій Университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ наукъ, имѣя тогда 19 лѣтъ отъ роду. Иванъ Сергѣевичъ еще во время своего нахожденія въ Университете сталъ писать стихи, но они ему не удавались и изъ множества написанныхъ имъ стихотвореній попали въ печать только три-четыре стихотворенія, между которыми была очень недурна Поэма „Параша". По окончаніи курса въ Университетѣ, Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ за границу и около двухъ лѣтъ слушалъ лекціи исторіи и философіи въ Берлинѣ. Вернувшись изъ за границы, онъ поступилъ на государственную службу въ канцелярію Министра Внутреннихъ дѣлъ. Живя въ Петербургѣ, Иванъ Сергѣевичъ познакомился съ кружкомъ извѣстныхъ писателей и особенно сошелся съ извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ, завѣдывавшимъ тогда

редакціею журнала „Современникъ“. По просьбѣ Бѣлинскаго, Иванъ Сергѣевичъ написалъ для „Современника“ небольшой разсказъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ „Хорь и Калинычъ“. Это прелестное произведеніе, вошедшее потомъ въ составъ „Записокъ охотника“, произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на всю читающую публику и убѣдило самаго автора въ его талантѣ и литературномъ призваніи. Въ маленькомъ этомъ разсказѣ Иванъ Сергѣевичъ, чрезвычайно рельефно, нарисовалъ два совершенно противуположные типа зажиточныхъ крестьянъ Калужской губерніи. Мужикъ прозванный Хоремъ, типъ крестьянина умнаго, практичнаго, хорошо знающаго людей и условія жизни. Калинычъ же на оборотъ—человѣкъ не практичный, не гоняющійся за выгодами, но за то страстно любящій природу—короче: идиликъ. Вотъ какъ Иванъ Сергѣевичъ разсказываетъ о знакомствѣ своемъ съ этими людьми:

„Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ Калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, не смотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Нинну*; заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*, и завелъ у себя въ домѣ французкую кухню, тайна которой, по понятіямъ его по-

вара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба—грибами, макароны—порохомъ; за то ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ: — пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ.... Онъ отсюда близехонько.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она

состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А Ѳедя! дома Хорь? спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ, Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.—Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой

парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю. — „Все дѣти Хоря!“ замѣтилъ Полутыкинъ. — „Все Хорьки“, подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо; „да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ..... Смотри-же, Вася“, продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру:—„духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смот-

ри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!“ — Остальные Хорьки усмѣхнулись отъ выходки Ѳеди. — „Подсадить Астронома!“ торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя, не безъ удовольствія, поднялъ на воздухъ принужденно улыбаясь собаку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ возжи лошади. Мы покатили. — „А вотъ это моя контора“, сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой низенькій домикъ: — „хотите зайдти?“ — „Извольте.“ — „Она теперь упразднена“, замѣтилъ онъ, слѣзая: — „а все посмотрѣть стоитъ.“ — Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ съ задворья. — „Здравствуй, Миняичъ“, проговорилъ г-нъ Полутыкинъ: „а гдѣ же вода?“ — Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. „Отвѣдайте“, сказалъ мнѣ Полутыкинъ: — „это у меня хорошая, ключевая вода“. Мы выпили по ста-

кану, при чемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ.—„Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать“, замѣтилъ мой новый пріятель. „Въ этой конторѣ я продалъ купцу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну.— Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ:—отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла: вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ?— Да ужь такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужь не извольте, а оброкъ положите, ка-

кой сами знаете. — Пятьдесятъ рублевъ въ годъ!—Извольте.—Да безъ недоимокъ у меня, смотри.—Извѣстно, безъ недоимокъ..... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужь ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, эй, откупись!... А, онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ; денегъ, дескать, нѣту... Да, какъ-бы не такъ!...

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: „Калинычъ!“ — „Сейчасъ, батюшка, сейчасъ“, раздался голосъ со двора: —„лапоть подвязываю.“ — Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой. Это

былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто бралъ рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченье дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заста-

вилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. — Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери, онъ ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ мы встали и опять

пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. „Калинычъ—добрый мужикъ“, сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ: — „усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ..... Какое ужь тутъ хозяйство,—посудите сами“. —Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г-нъ Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный — самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы

вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ.... Онъ со мной все какъ-будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то.....Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора.

— Послушай-ка, Хорь, говорилъ я ему: —отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю.... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ, замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина....

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя:—кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода! борода — трава: скосить можно.

— Ну, такъ что-жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ по маленьку маслишкомъ,

да дегтишкомъ...Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

„Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ-на-умѣ“, подумалъ я. — Нѣтъ, сказалъ я вслухъ: — телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ послать тебѣ простыню и положить подушку. — Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста: —сюда, бабы!... А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья про-

шла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать... я наконецъ задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился; да и, сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: —пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.—„Что у тебя за рослый народъ!“ замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ откусывая крошечный кусокъ сахару:—на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вотъ одинъ, пострѣлъ, не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который по прежнему прислонился къ двери.—Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Ѳедя: —мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что-ли?

— Ну, ужъ ты... ужъ я тебя знаю! кольца серебряныя носишь...

Ѳедя покачалъ головой...

— Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ,—и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Стирикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей" отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами

четырьмя позднѣе обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть: обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь

любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же—къ людямъ, къ обществу; Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ: изъ его разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ

деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ—полтора рубля ассигнаціями; въ долгъ—три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ-три-недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только-что скошенъ, стало быть, заплатить есть чѣмъ, онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ, и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ уныніе; ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спроситъ у плутоватаго мѣщанина-продавца: „а что, малый, коса-то не больно того?“—

Такихъ разсказовъ я, человѣкъ нео-

пытный и въ деревнѣ не „живалый“ (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ; онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я бывалъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку: — „Что, у нихъ это тамъ есть также, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ-же?....“—„А! ахъ, Господи, твоя воля!“ восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло-бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ.“—Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣро-

ятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій, именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положеніе. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго

мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ—умѣлъ. „Этому шалопаю грамота далась“, замѣтилъ Хорь:—„у него и пчелы отродясь не мерли“—„А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?“—Хорь помолчалъ.—„Ѳедя знаетъ.“—„А другіе?“—„Другіе не знаютъ.“—„А что?“—Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина.—„Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай“, говорилъ Калинычъ.—„А что-жъ онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?“ возражалъ тотъ.—„Эка, сапоги!.. на что мнѣ сапоги? Я мужикъ...“—Да вотъ и я мужикъ, а вишь....„При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи.—„Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!“ отвѣчалъ Калинычъ.—„Ну, хотьбы на лапти далъ: вѣдь, ты съ нимъ на

охоту ходишь; чай, что день, то лапти.“— „Онъ мнѣ даетъ на лапти.“—„Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ.“—Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, причемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „доля ты моя, доля!“ Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ: „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... За то, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копается — телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что „надо-де избѣ жильемъ пахнуть.“

— Посмотри-ка, возразилъ я ему:—какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что, спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть?—„Есть.“ —„Далеко отсюда?“—„Верстъ сто.“—„Что же ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ“—„Живу “—„А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?“—„Признаться, да.“—„И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще.“

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. „Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ, сказалъ я... Прощай, Ѳедя.“—„Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ.“ Мы поѣхали, заря только-что разгоралась.—„Славная погода завтра будетъ“, замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо.

—„Нѣтъ, дождь пойдетъ“, возразилъ мнѣ Калинычъ: — „утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ.“ — Мы поѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ, да глядѣлъ на зорю“...

Вотъ этотъ-то первый прелестный разсказъ Ивана Сергѣевича, обратившій на себя вниманіе какъ всей періодической печати того времени, такъ и читающей публики— и рѣшилъ дальнѣйшую литературную дѣятельность его. Иванъ Сергѣевичъ оставилъ свою службу въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отправился въ Парижъ, гдѣ всецѣло и посвятилъ себя литературѣ. Ровно чрезъ два года въ печати явился цѣлый рядъ превосходныхъ разсказовъ его, подъ общимъ заглавіемъ „Записки Охотника,“ которые сразу поставили его во главѣ русскихъ художниковъ - бѣлетристовъ. Въ “Записки Охотника„ вошло 25 небольшихъ разсказовъ, лучшими изъ которыхъ считаются

„Бѣжинъ лугъ“, „Бирюкъ“, „Пѣвцы“ „Живыя мощи“ „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ „Чертопхановъ и Недопюскинъ“ „Смерть Чертопханова„ „Два помѣщика“, „Уѣздный Лѣкарь“ и, „Касьянъ съ Красивой Мечи“. Но особенною поэтичностію отличается „Бѣжинъ Лугъ“.

Иванъ Сергѣевичъ, бывши на охотѣ въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской Губерніи, разъ заблудился въ лѣсу. „А между тѣмъ ночь приближалась, говоритъ И. С.,—и росла, какъ грозовая туча; казалось вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ высоты лилась темнота.

Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорошка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро черпѣло и утихало,—одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ

на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ: за нимъ, съ каждымъ многовеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣдиѣвшее небо стало опять синѣть, — но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ. Что я было принялъ за рощу оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. „Да гдѣ-же это я?“ повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изо всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазами и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣ-

довало идти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мной. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками: на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—казалось, они сползлись туда для тайнаго совѣщанія,—и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—на-удалую.... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ-роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣ-

стахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка обгибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой

кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы....

Я узналъ наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина Луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, ото-

звали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпригиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу,

скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подѣлъ къ нимъ. Они спросили меня откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ-будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того кру!а быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ;—острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя

длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что̀ дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума.... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной.... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ-же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ

было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сопливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыковеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ-бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлушка, Ильюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь-же познакомить съ ними читателя.)

Первому, старшему изо всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полу-веселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая

рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги—не отцовскіе. У втораго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый,—что̀ и говорить!—а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расхо-

дились,—онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ,—на его языкѣ покрайней мѣрѣ,—не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я

сперва было и незамѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикурнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

И такъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все-также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ-

бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

—Ну, и что-жь ты, такъ и видѣлъ домоваго?

—Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица: —а слышалъ... Да и не я одинъ.

—А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

—Въ старой рольнѣ*).

—А развѣ вы на фабрику ходите?

—Какже, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ**).

—Вишь ты—фабричные!...

—Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? спросилъ Ѳедя.

**) „Рольней“ или „черпальней“ на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

*) „Лисовщики“ гладятъ, скоблятъ бумагу.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что̀ съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевачь, то есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ, говоритъ: что̀, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить что̀, молъ, ребята, ну, какъ домовой прійдетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ

наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то *) спущены. Дивимся мы: — кто-жь это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ.... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ, — дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего.... Вдругъ, глядь, у одного чана форма **) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; по-

*) „Дворцомъ“ называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

**) Сѣдка, которой бумагу чернятъ.

томъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно ткнъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужь какже мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ! промолвилъ Павелъ. Чего-жъ онъ раскашлялся;

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что, спросилъ Ѳедя: — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки: — должно быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, говорилъ Костя тонкимъ голоскомъ: — послушайте-ка, намеднесь что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да; знаемъ.

— Знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ. Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужь онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найдти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ: кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется!.. А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ, — все,

братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный.... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужь Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ.... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается.... Ахъ, ты этакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ.... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь?“ А русалка-то какъ

взговорить ему: „не креститься-бы тебѣ“, говоритъ, „человѣче, жить-бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся-же и ты до конца дней.“ Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйдти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанья: — да какже это можетъ этакая нечисть христіанскую душу спортить, — онъ-же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты! сказалъ Костя. И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на палатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невесе-

лымъ?... А знать онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! подхватилъ Ильюша. Какже! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя: — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: — рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, — и какъ-будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ-будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій

свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули....

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ:— чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся.) Что-же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, началъ Ильюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужь нечистое мѣсто такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли*) водются.

*) По Орловскому змѣи.

— Ну что такое случилось? сказывай....

— А вотъ-что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ.... Вотъ, на дняхъ, зоветъ прикащикъ псаря Ермила: говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ: собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за пошто́й, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужь онъ хмѣленъ. А ночь; и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ.... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ

Ермилъ: съѣмъ возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки.... Ну а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало. Ермилу то исарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, — говоритъ: „бяша, бяша“! А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: „бяша, бяша“....

Не успѣлъ разскащикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павдуша съ

крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся.... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!“.... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ-бы выжидая, что-то будетъ.... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружекъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? спросили мальчики.

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:—такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка.... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что-ли, волковъ-то? спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, отвѣчалъ Павелъ: да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожу.

— А какіе ты намъ, Ильюшка, страхи разсказывалъ, заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходы-

лось быть запѣвалой (самъ-же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство).—Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое

— Варнавицы?... Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ.

— Что́ молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ-же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что-жь тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:—разрывъ-травы.—А на что тебѣ, батюшка Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?—Давитъ, говоритъ,

могила давитъ, Трофимычъ: вонъ хочется, воинъ...

— Вишь какой! замѣтилъ Ѳедя: — мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! промолвилъ Костя: — я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья.... Но а въ родительскую субботу ты можешь и живаго увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну и видѣла она кого-нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какже. Перво-на-перво она сидѣла дол-

го, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ-будто собачка этакъ залаетъ гдѣ-то.... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ....

— Тотъ, что умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ... А узнала его Ульяна.... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? спросилъ Ѳедя.

— Ей-Богу, сама.

— Ну что-жь, вѣдь она еще не умерла.

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа,

во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возмись бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо въ это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ. Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлушка, промолвилъ Костя: —не праведная-ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя: —что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное? *)

---

*) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

— Какъ солнца-то не стало видно? Какже.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говоритъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть", говоритъ, „наступило свѣтопреставленіе". Такъ щи и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку **) увидятъ.

— Какого это Тришку? спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Ильюша: — ну, братъ, откелева-же

**) Ва повѣрьи о „Тришкѣ" вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужь точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который прійдетъ; а прійдетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужь будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять христьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадютъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладоши затрепещется—они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христьянскій.... ну а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужь такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ: —такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и прійдетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою-же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ.“ Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ

нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли.... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколькомгновеній, повторился уже далѣе....

Костя вскрикнулъ...„Что это?“

— Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, повторилъ Костя... А что такое Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью*) выходитъ, — тамъ, вѣдь, есть бучило; **) знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жало-

---

*) Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

**) Бучяло—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

стливо: у-у..... у-у..... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ-бы и заплакалъ... Что-бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, замѣтилъ Павлуша:—такъ можетъ быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, возразилъ Костя, разширивъ свои и безъ того огромные глаза... Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, продолжалъ Павелъ, — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой.)—Экъ ее! невольно произнесъ Костя: —словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, под-

хватилъ Ильюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ..

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что-ли? насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: но а другіе видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны.... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ....

— Эхъ ты! воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами: — пфу!

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ;—не понимаю!

— Не бранись: смотри, услышитъ, замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани: —гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся!

— Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и нескоро опустились.

— А что, Ваня, ласково заговорилъ Ѳедя: —что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?....

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть? сказалъ Ѳедя:— онъ остережется.

Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ?.. Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, „шуршали,“ какъ говорится у насъ.

— А правда-ли, спросилъ Костя: — что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ не рехнулась какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ.... Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ.)

— А говорятъ, продолжалъ Костя: — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Оттого самого.

— А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

Какого Васю? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ, отвѣчалъ Костя:—въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужь какой-же мальчикъ былъ! ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужь какъ-же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ онъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещится. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на земь и станетъ его кликать: „вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ вернись, соколикъ!“—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ-же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужь одна Васина

шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: —прійдетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ, -- вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

— А вотъ Павлуша идетъ, молвилъ Ѳедя.

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята, началъ онъ, помолчавъ: —неладно дѣло.

— А что? спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда“. Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! проговорили мальчики, крестясь,

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, прибавилъ Ѳедя... А мы только-что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять:—судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ-бы сбираясь спать.

— Что это? спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову. Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда-жь они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все также великолѣпна, какъ и прежде.... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло,—въ немъ снова какъ-будто разливалась сырость.... Не долги лѣтнія ночи!... Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями..... Собаки тоже дремали, лошади, сколько я могъ различить, при чуть-брезжущемъ, слабо-льющемся свѣтѣ звѣзъ, тоже лежали, понуривъ головы.... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; осырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошолъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойдти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной пыльной

дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъподъ рдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодаго, горячаго свѣта.... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ....

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ-же году Павла не стало Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

Изъ „Записокъ Охотника“, мы приведемъ здѣсь еще три прелестныхъ разсказа И. С. Тургенева, а именно: „Чертопхановъ и Недопискинъ“, „конецъ Чертопханова“ и „Живыя Мощи“.

ЧЕРТОПХАНОВЪ И НЕДОПЮСКИНЪ.

Въ жаркій лѣтній день возвращался я однажды съ охоты на телѣгѣ; Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшія собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то и дѣло сгонялъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась вслѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабистѣе, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся и глянулъ кругомъ... „Э“!, заговорилъ онъ: — „да здѣсь должны быть тетерева. Слѣземте-ка“. Мы остановились и вошли въ „площадь“. Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ, и началъ-было заряжать ружье, какъ вдругъ позади меня, поднялся

громкій трескъ и раздвигая кусты руками подъѣхалъ ко мнѣ верховой. А „паазволь-то узнать“, заговорилъ онъ надменнымъ голосомъ:—„по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь“? Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ носъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобнаго. Вообразите себѣ, любезные читатели, маленькаго человѣка, бѣлокураго, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ и длиннѣйшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ въ желтый, истасканный архалукъ съ черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоносая, рыжая лошадь шаталась подъ нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзыя собаки, худыя и криволапыя, тутъ-же вертѣлись у ней подъ

ногами. Лицо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумазбродной отвагой и гордостью непомѣрной, небывалой; его блѣдно-голубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились какъ у пьянаго; онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щеки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства— ни дать ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять, отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь, продолжалъ онъ:—на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-азвольте узнать, возразилъ онъ: —я съ дворяниномъ имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чертопхановымъ, Пантелеемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытянулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдавила одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на земь, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пищала, уцѣпился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и бросилась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ въ припрыжку, однако наконецъ-таки попалъ въ сѣдло, какъ изступленный завертѣлъ ногайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. Не успѣло я еще прійдти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертопханова, какъ вдругъ, почти безо всякаго шуму, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣкъ лѣтъ сорока, нты маленькой вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ головы зеленый, кожа-

ный картузъ и тоненькимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ-ли я верховаго на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать? продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ и не надѣвая картуза.

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ

Онъ чмокнулъ губами, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и поплелся рысцой—трюхи, трюхи, по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнакомецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое, какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади

торчали жиденькія русыя косицы; глазки словно осокой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконныя его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ виднѣлись жирненькія икры.

— Кто это? спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопюскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертопханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Не богатый; да вѣдь и у Чертопханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ за чѣмъ-же онъ у него поселился?

— А, вишь, подружились. Другъ безъ дружки ни куда... Вотъ ужь подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

Мы вышли изъ кустовъ; вдругъ подлѣ насъ „затявкали“ двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно

высокимъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили изъ опушки собаки, гончія и борзыя, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертопхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался; изъ разинутаго рта изрѣдка вырывались отрывистые, безсмысленные звуки; онъ мчался выпуча глаза и бѣшено сѣкъ ногайкой несчастную лошадь. Борзыя „приспѣли“... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты... Борзыя пронеслись. „Бе-е-ги, бе-е-ги“! съ усиліемъ словно косноязычный, залепеталъ замиравшій охотникъ: — „родимый, береги“! Ермолай выстрѣлилъ.... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсовавшагося пса. Гончія тотчасъ подвалились.

Турманомъ слетѣлъ Чертопхановъ съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными за-

клинаніями вырвалъ у нихъ истерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку.... погрузилъ и загоготалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ. „Го-го-го-го-го-го-го-го-го!“ завопилъ вторично Чертопхановъ.... „Го-го-го-го“, спокойно повторилъ его товарищъ.

— А вѣдь по-настоящему лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ, замѣтилъ я, указывая Чертопханову на измятый овесъ.

— Мое поле, отвѣчалъ, едва дыша, Чертопхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный, по охотничьимъ правиламъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю.—А васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ тѣмъ-же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ:—благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— Па-азвольте узнать.... забылъ.... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ... Да гдѣ-же этотъ Ѳомка, Тихонъ Иванычъ? съ сердцемъ продолжалъ онъ: — безъ него бѣляка затравили.

— А подъ нимъ лошадь пала, съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

— Какъ пала? Обрассанъ палъ? Пфу, пфить!... Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертопхановъ ударилъ лошадь нагайкой по мордѣ и поскакалъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза — за себя и за товарища, и опять поплелся рысцей въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство.... Что могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ что я узналъ.

Чертопхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ

во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумазброднымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку „по непріятности“, тѣмъ чиномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто курица не птица. Происходилъ онъ отъ старинаго дома, нѣкогда богатаго; дѣды его жили пышно, по степному; то-есть принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на-убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже раззоренное; онъ въ свою очередь тоже сильно „пожуировалъ“ и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику Пантелею заложенное сель-

цо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужескаго и семидесятью шестью женскаго пола, да четырнадцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ раззорился: „хозяйственный разсчетъ“ его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ „разбойниковъ“, какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: „и приличнѣе и дешевле“, говаривалъ онъ: „хозяйственный разсчетъ!“ Съ этой пагуббой мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его и раззорила. За то потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ такую огромную, семейственную карету, что, не смотря на дружныя усилія согнанныхъ

со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъже косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ, безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть-бы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять,—куполъ опять обрушился; онъ третій разъ—куполъ рухнулъ въ третій разъ. Призадумался мой Еремѣй Лукичъ: дѣло, думаетъ, не ладно...колдовство проклятое замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли—а куполъ всё таки не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестроивать началъ, и все изъ хозяйственнаго разсчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольни

комъ, а на серединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами.... Вычиталъ онъ однажды въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку Харьковскаго помѣщика Хряка-Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой-же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью Харьковскаго помѣщика наизустъ. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ-ли они, что тамъ написано? Прикащикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того-же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго разсчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его номеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ

ужь и кричитъ: такой-то номеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай съ Богомъ!

Однако, не смотря на порядокъ и хозяйственный разсчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ; послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича, — онъ бы не вынесъ этого удара, — а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лѣкаря; но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

Пантелей узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой „непріятности“. Ему только-что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самого дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ

руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву: рцы выговаривалъ: арцы, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны на счетъ воспитанія Пантюши ограничились однимъ мучительнымъ усиліемъ: въ потѣ лица наняла она ему въ гувернеры отставнаго солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ: ну, думала она коли откажется—пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другаго учителя найду? Ужь и этого насилу, насилу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ какъ человѣкъ смѣтливый, тотчасъ воспользо-

вался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи „курса наукъ“, Пантелей поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей половиной.

Пантелей, при первомъ извѣстіи о нездоровьи, прискакалъ сломя-голову, однако не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почтительнаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! не многіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелей одичалъ, ожесточился. Изъ человѣка честнаго, щедраго и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдями, — богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался, — и неслыханно-

дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями: я, молъ, столбовой дворянинъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ становаго, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣется, власти, съ своей стороны, ему тоже не спускали и при случаѣ давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка онъ былъ страшная, и со втораго слова предлагалъ рѣзаться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертопханова разбѣгались, голосъ прерывался... „А, ва-ва-ва-ва-ва“, лепеталъ онъ, „пропадай моя голова!“... и хоть на стѣну! Да и сверхъ того, человѣкъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣется, не ѣздилъ.... И при всемъ томъ душа въ немъ была добрая, даже великая, по своему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой. „Какъ?“ говорилъ онъ, неистово стуча по собственной головѣ: —

„моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертопхановъ...“

Тихонъ Иванычъ Недопюскинъ не могъ, подобно Пантелею Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г Недопюскинъ-отецъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился какъ рыба объ ледъ, не доѣдалъ не досыпалъ, кланялся, хлопоталъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копѣйкой, дѣйствительно „невинно“ пострадалъ по службѣ и умеръ наконецъ не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Че-

ловѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки—отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахоточная: были и дѣти; къ счастію они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію; „купецкая щеголиха“, вышедшей послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ приключеній, за отставного стряпчаго. Г. Недопюскинъ-отецъ успѣлъ было еще при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но, тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ холодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую: при одномъ видѣ начальника онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. Равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая природа вла-

гаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостію и любовію вылѣпила она изъ Тихона, сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣнивое, мягкое, воспріимчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно-тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ.. вылѣпила, тщательно отдѣлала и—предоставила своему произведенію выростать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ оно выросло, это произведеніе, начало, какъ говорится, „жить“. Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступила иначе; она не мучила его — она имъ забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кокшайскъ, изъ

одной унизительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ „мажордомы“ къ сварливой и желчной барынѣ-благодѣтельницѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрягѣ-кущу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи лупоглазаго барина, стриженнаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику... Словомъ, судьба заставила бѣднаго Тихона выпить по каплѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ праздnаго барства..,. Сколько разъ, наединѣ, въ своей комнатѣ, отпущеный наконѣцъ„ съ Богомъ“ натешившійся въ сласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая съ стыдомъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ на другой-же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастія въ городѣ, сыскать себѣ хоть писарское мѣстечко или ужь за одинъ

разъ умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ, во-вторыхъ, робость разбирала, а въ третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? „Не дадутъ“, шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, „не дадутъ!“ И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тѣмъ мучительнѣе было его положеніе, что таже заботливая природа не потрудилась надѣлить его хоть малой толикой тѣхъ способностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло забавника почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ на выворотъ, ни балагурить и любезничать въ непосредственномъ сосѣдствѣ расходившихся арапниковъ; выставленный нагишомъ на двадцати-градусный морозъ, онъ иногда простужался; желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошенныхъ мухоморовъ и сыроѣшекъ съ уксусомъ. Господь

вѣдаетъ, что бы сталось съ Тихономъ, если-бы послѣдній изъ его благодѣтелей, разбогатѣвшій откупщикъ, не вздумалъ въ веселый часъ приписать въ своемъ завѣщаніи: а Зезѣ (Тихону тожь) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣевку со всѣми угодьями. Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся гвалтъ, судъ нагрянулъ, опечаталъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе; прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ: оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему на встрѣчу. „Помѣщикъ! вотъ онъ, новый помѣщикъ!“ кричали прочіе наслѣдники.—„Вотъ ужь того“, подхватилъ одинъ, извѣстный шутникъ и острякъ, „вотъ ужь точно можно сказать...

вотъ дѣйствительно... того... что называется.... того.... наслѣдникъ". И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастію. Ему показали завѣщаніе,—онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три ручья. Хохотъ собранья превратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣевка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ; никто о ней не сожалѣлъ сильно, такъ почему-же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наслѣдникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамычъ Штоппель, не вытерпѣлъ, пододвинулся бокомъ къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ плечо. ,,Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь", заговорилъ онъ презрительно-небрежно, ,,состояли у почтеннаго Ѳедора Ѳедоровича въ должности потѣшнаго, такъ сказать, прислужника?" Господинъ изъ

Петербурга выражался языкомъ нестерпимо чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслышалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли: острякъ снисходительно улыбался. Г. Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамычъ язвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю, продолжалъ онъ:—правда не всякій, можно сказать, согласился бы такимъ образомъ зарррработывать себѣ насущный хлѣбъ; но de gustibus non est disput ndum, то-есть, у всякаго свой вкусъ.... Не правда-ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, но прилично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите, подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собра-

нія: — какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастіемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, en famille. Не правда-ли, господа, мы здѣсь en famille?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по французски и потому ограничился однимъ одобрительнымъ легкимъ кряхтѣніемъ. За то другой наслѣдникъ, молодой человѣкъ, съ желтоватыми пятнами на лбу, поспѣшно подхватилъ: „вуй, вуй, разумѣется“.

— Можетъ быть, снова заговорилъ г. Штоппель: — вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, кверху?

Недопюскинъ съ тоской поглядѣлъ кругомъ — всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или можетъ быть, вы на носу....

— Перестаньте! перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ: — какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка!

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертопхановъ. Въ качествѣ четвероюроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригласительное письмо на родственный съѣздъ. Во все время чтенія, онъ какъ всегда, держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте, повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

Г. Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, неказистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертопхановъ, не важная птица, отвѣчалъ ему тотъ на ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что за командиръ? проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза.—Вы что за птица, позвольте спросить?

Чертопхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханье.

— Дз--дз-дз-дз, зашипѣлъ онъ словно удавленный, и вдругъ загремѣлъ: — кто я? кто я? Я Пантелей Чертопхановъ, столбовой дворянинъ, мой прапращуръ царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ такого отпора.

— Я птица, я, я птица.... О, о, о!...

Чертопхановъ ринулся впередъ; Штоппель отскочилъ въ большомъ волненіи, гости бросились на-встрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться чрезъ платокъ! кричалъ разсвирѣпѣвшій Пантелей: — или проси извиненія у меня, да и у него....

— Просите, просите извиненія, бормота-

ли вокругъ Штоппеля встревоженные наслѣдники: — онъ вѣдь такой сумасшедшій, — готовъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ, залепеталъ Штоппель; — я не зналъ....

— И у него проси! возопилъ неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, прибавилъ Ростиславъ Адамычъ обращаясь къ Недопюскину, который самъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Чертопхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ благопріобрѣтенной деревни Безселендѣевки.

Съ того самого дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселендѣевка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова). Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное

благоговѣніе. Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонялся во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ. „Легкое-ли дѣло!“ думалъ онъ иногда про себя, „съ губернаторомъ говоритъ, прямо въ глаза ему смотритъ.... вотъ-те Христосъ,—такъ и смотритъ!

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изнеможенія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было худо воспитаніе Чертопханова, все-же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихона оно могло показаться блестящимъ. Чертопхановъ, правда, по русски читалъ мало, по французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ; „Vous pareez fransais, Monsieur?“ отвѣчалъ: жэ не разумѣю, и подумавъ немного, прибавилъ: па;—но все-таки онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Вольтеръ, преострый сочинитель и что Фридрихъ Великій прусскій король на военномъ поприщѣ тоже

отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго и лучшаго кабеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ....

.....

Лишившись своего вѣрнаго друга Недопюскина, Чертопхановъ опять запилъ, и на этотъ разъ уже гораздо посерьезнѣе. Дѣла его вовсе подъ-гору пошли. Охотиться стало не на что, послѣднія денежки перевелись, послѣдніе людишки поразбѣжались. Одиночество для Пантелея Еремѣича наступило совершенное: не съ кѣмъ было слово перемолвить, не то, что душу отвести. Одна лишь гордость въ немъ не умалилась. Напротивъ: чѣмъ хуже становились его обстоятельства, тѣмъ надмѣннѣе и высокомѣрнѣе и неприступнѣе становился онъ самъ. Онъ совсѣмъ одичалъ подъ-конецъ. Одна утѣха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, сѣрой масти, донской породы, прозваный имъ Малекъ-Аделемъ, дѣйствительно замѣчательное животное.

Достался ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ:

Проѣзжая однажды верхомъ по сосѣдней деревнѣ, Чертопхановъ услыхалъ мужичій гамъ и крикъ толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, безпрестанно поднимались и опускались дюжія руки.

— Что тамъ такое происходитъ? спросилъ онъ свойственнымъ ему начальственнымъ тономъ у старой бабы, стоявшей у порога своей избы.

Опершись о притолку и какъ бы дремля, посматривала баба въ направленіе кабака. Бѣлоголовый мальчишка въ ситцевой рубашкѣ, съ кипарисным крестикомъ на голой грудкѣ, сидѣлъ, растопыря ножки и сжавъ кулачонки, между ея лаптями: цыпленокъ тутъ же долбилъ задеревенѣлую корку ржаного хлѣба.

— А Господь вѣдаетъ, батюшка, отвѣчала старуха — и, наклонившись впередъ,

положила свою сморщенную, темную руку на голову мальчишки:—слышно, наши ребята жида бьютъ.

— Какъ жида? какого жида?

— А Господь его вѣдаетъ, батюшка. Проявился у насъ жидъ какой-то; и отколѣ его принесло — кто его знаетъ? Вася, иди, сударикъ, къ мамѣ: кшъ, кшъ, поскудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ея паневу.

— Такъ вотъ его и бьютъ, сударь ты мой.

— Какъ бьютъ? за что?

— А не знаю, батюшка. Стало, за дѣло. Да и какъ не бить? Вѣдь онъ, батюшка, Христа распялъ!

Чертопхановъ гикнулъ, вытянулъ лошадь нагайкой по шеѣ, помчался прямо на толпу—и продравшись въ нее, началъ той же самой нагайкой безъ разбору лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ: — Само...управство!

Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать — а не част...ны...я ли...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...онъ!!!

Двухъ минутъ не прошло, какъ уже вся толпа отхлынула въ разныя стороны—и на землѣ, передъ дверью кабака, оказалось небольшое, худощавое, черномазое существо въ нанковомъ кафтанѣ, растрепанное и истерзанное... Блѣдное лицо, закатившіеся глаза, раскрытый ротъ... Что это? замираніе ужаса или уже самая смерть?

— Это вы зачѣмъ жида убили? громогласно воскликнулъ Чертопхановъ, грозно потрясая нагайкой.

Толпа слабо загудѣла въ отвѣтъ. Иной мужикъ держался за плечо, другой за бокъ, третій за носъ.

„Здоровъ драться-то!“ послышалось въ заднихъ рядахъ.

„Съ нагайкой-то! этакъ-то всякій!“ промолвилъ другой голосъ.

— Жида зачѣмъ убили? спрашиваю я

васъ, азіаты оглашенные! повторилъ Чертопхановъ.

Но тутъ лежавшее на землѣ существо проворно вскочило на ноги, и забѣжавъ за Чертопханова, судорожно ухватилось за край его сѣдла.

Дружный хохотъ грянулъ среди толпы.

„Живучъ!“ послышалось опять въ заднихъ рядахъ.—„Та же кошка“!

— Васе высокоблагоуродіе, заступитесь, спасите, лепеталъ между тѣмъ несчастный жидъ, всею грудью прижимаясь къ ногѣ Чертопханова:—а то они убьютъ, убьютъ меня, васе высокоблагоуродіе!

— За что они тебя? спросилъ Чертопхановъ.

— Да ей зе Богу не могу сказать!—Тутъ вотъ у нихъ скотинка помирать стала.... такъ они и подозрѣваютъ ... а я зе...

— Ну! Это мы разберемъ послѣ! перебилъ Чертопхановъ — а теперь ты держись за сѣдло да ступай за мною.—А вы! при-

бавилъ онъ, обернувшись къ толпѣ — вы знаете меня?—Я помѣщикъ Пантелей Чертопхановъ, живу въ сельцѣ Безсоновѣ,—ну и значитъ, жалуйтесь на меня, когда заблагоразсудится—да и на жида кстати!

— Зачѣмъ жаловаться? проговорилъ съ низкимъ поклономъ сѣдобородый, степенный мужикъ, ни дать не взять древній патріархъ.—(Жида онъ впрочемъ тузилъ не хуже другихъ).—Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость знаемъ хорошо; много твоей милостью довольны, что поучилъ насъ!

— Зачѣмъ жаловаться! подхватили другіе;—а съ нехриста того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ не уйдетъ!—Мы его, значитъ, какъ зайца въ полѣ...

Чертопхановъ повелъ усами, фыркнулъ—и поѣхалъ шагомъ къ себѣ въ деревню, сопровождаемый жидомъ, котораго онъ освободилъ такимъ же образомъ отъ его притѣснителей, какъ нѣкогда освободилъ Тихона Недопюскина

IV.

Нѣсколько дней спустя, единственный уцѣлѣвшій у Чертопханова казачокъ доложилъ ему, что къ нему прибылъ какой-то верховой и желаетъ поговорить съ нимъ. Чертопхановъ вышелъ на крыльцо и увидалъ своего знакомаго жидка, верхомъ на прекрасномъ донскомъ конѣ, неподвижно и гордо стоявшемъ посреди двора. — На жидкѣ не было шапки: онъ держалъ ее подъ мышкой, ноги онъ вдѣлъ не въ самыя стремена, а въ ремни стремянъ; разорванныя полы его кафтана висѣли съ обѣихъ сторонъ сѣдла. Увидавъ Чертопханова, онъ зачмокалъ губами, и локтями задергалъ, и ногами заболталъ. Но Чертопхановъ не только не отвѣчалъ на ого привѣтъ, а даже разсердился; такъ весь и вспыхнулъ вдругъ: паршивый жидъ смѣетъ сидѣть на такой прекрасной лошади... какое неприличіе!

— Эй ты, эѳіопская рожа! закричалъ онъ — сейчасъ слѣзай, если не хочешь, чтобы тебя стащили! Въ грязь!

Жидъ немедленно повиновался, свалился мѣшкомъ съ сѣдла — и, придерживая одной рукой поводъ, улыбаясь и кланяясь, подвинулся къ Чертопханову.

— Чего тебѣ? съ достоинствомъ спросилъ Пантелей Еремѣичъ.

— Васе благородіе, извольте посмотрѣть, каковъ конёкъ? промолвилъ жидъ, не переставая кланяться.

— Н....да....лошадь добрая. Ты откуда се досталъ? Укралъ, должно быть?

— Какъ зе мозно, васе благородіе! — Я цестный зидъ, я не укралъ, а для васего благодія досталъ, точно! И узъ старался я, старался! За то и конь! Такого коня по всему Дону другого найти никакъ невозможно:—Посмотрите, васе благородіе, что это за конь такой! Вотъ позалуйте, сюда! — Тпру... тпру... повернись, стань зе бокомъ! —

А мы сѣдло снимемъ.—Каковъ! Васе благородіе?

— Лошадь добрая, повторилъ Чертопхановъ съ притворнымъ равнодушіемъ,—а у самого сердце такъ и заколотилось въ груди. Очень ужъ онъ былъ страстный охотникъ до „конскаго мяса“ и зналъ въ немъ толкъ.

— Да вы, васе благородіе, его погладьте! По сейкѣ его погладьте, хи-хи-хи! Вотъ такъ.

Чертопхановъ, словно нехотя, положилъ руку на шею коня, хлопнулъ по ней раза два, потомъ провелъ пальцами отъ холки по спинѣ и, дойдя до извѣстнаго мѣстечка надъ почками, слегка, по-охотницки, подавилъ это мѣстечко.—Конь немедленно выгнулъ хребетъ, и, оглянувшись искоса на Чертопханова своимъ надменнымъ черным глазомъ, фыркнулъ и переступилъ передними ногами.

Жидъ засмѣялся и въ ладоши слегка захлопалъ.—Хозяина признаетъ, васе благородіе, хозяина!

— Ну, не ври, съ досадой перебилъ Чертопхановъ.—Купить мнѣ у тебя этого коня... не на что, а подарковъ я еще не то, что отъ жида—а отъ самого Господа Бога не принималъ!

— И какъ зе я смѣю вамъ что-нибудь дарить, помилосердуйте! воскликнулъ жидъ;— вы купите, васе благородіе... а денезекъ— я подозду.

Чертопхановъ задумался.

— Ты что возьмешь? промолвилъ онъ наконецъ сквозь зубы.

Жидъ пожалъ плечами.—А что самъ заплатилъ. Двѣсти рублей.

Лошадь стоила вдвое—а, пожалуй, что и втрое противъ этой суммы.

Чертопхановъ отвернулся въ сторону и зѣвнулъ лихорадочно.

— А когда... деньги? спросилъ онъ, насильственно нахмуривъ брови и не глядя на жида.

— А когда будетъ васему благородію угодно.

Чертопхановъ голову назадъ закинулъ, но глазъ не поднялъ.—Это не отвѣтъ. Ты говори толкомъ, Иродово племя!—Одолжаться я у тебя стану, что ли?

— Ну сказемъ такъ — поспѣшно проговорилъ жидъ — черезъ шесть мѣсяцевъ.... согласны?

Чертопхановъ ничего не отвѣчалъ.

Жидъ старался заглянуть ему въ глаза.— Согласны? Приказете на конюшню поставить?

— Сѣдло мнѣ не нужно, произнесъ отрывисто Чертопхановъ. — Возьми сѣдло — слышишь?

— Какзе, какзе, возьму, возьму, залепеталъ обрадованный жидъ и взвалилъ сѣдло себѣ на плечо.

— А деньги, продолжалъ Чертопхановъ... черезъ шесть мѣсяцевъ. — И не двѣсти, а двѣсти-пятьдесятъ. Молчать! Двѣсти-пятьдесятъ, говорю тебѣ! За мною.

Чертопхановъ все не могъ рѣшиться поднять глаза. Никогда такъ сильно въ немъ

не страдала гордость. — „Явно что подарокъ“, думалось ему; „изъ благодарности чортъ подноситъ!“ И обнялъ бы онъ этого жида и побилъ бы его..

— Васе бмагородіе, началъ жидъ пріободрившись и осклабясь — надобы, по русскому обычаю, изъ полы въ полу...

— Вотъ еще что вздумалъ?—Еврей... а русскіе обычаи!—Эй! кто тамъ? Возьми лошадь, сведи на конюшню.—Да овса ему засыпь. Я сейчасъ самъ приду, посмотрю. И знай: имя ему—Малекъ-Адель!

Чертопхановъ взобрался-было на крыльцо, но круто повернулъ на каблукахъ, и, подбѣжавъ къ жиду, крѣпко стиснулъ ему руку. — Тотъ наклонился и губы уже протянулъ—но Чертопхановъ отскочилъ назадъ, и промолвивъ въ полголоса: „Никому не сказывай!“ исчезъ за дверью.

V.

Съ самаго того дня — главнымъ дѣломъ, главной заботой, радостью въ жизни Чертопханова — сталъ Малекъ-Адель. Онъ полюбилъ его такъ, какъ не любилъ самой Маши, привязался къ нему больше чѣмъ къ Недопюскину. — Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь, просто порохъ — а степенство какъ у боярина! — Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безотвѣтный; а прокормить его ничего не стоитъ: коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой глодаетъ. Шагомъ идетъ — какъ въ рукахъ несетъ; рысью что въ зыбкѣ качаетъ, а поскачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Никогда то онъ не запыхается: потому — отдушинъ много. Ноги — стальныя; чтобы онъ когда спотыкнулся — и въ поминѣ этого не бывало. — Перескочитъ ровъ ли, тынъ ли — это ему ни почемъ; а ужъ умница

какая. На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; прикажешь ему стоять и самъ уйдешь—онъ не ворохнется; только-что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: „здѣсь-молъ я“.—И ничего-то онъ не боится: въ самую темять, въ мятель дорогу сыщетъ; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызетъ! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкой ее по лбу—тюкъ! только она и жила. — Съ амбиціей конь: плеткой развѣ-что для красы надъ нимъ помахивай—а сохрани Богъ его тронуть. Да что тутъ долго толковать: — сокровище, а не лошадь!

Примется Чертопхановъ расписывать своего Малекъ-Аделя—откуда рѣчи берутся. А ужъ какъ онъ его холилъ и лелѣялъ?— Шерсть на немъ отливала серебромъ — да ни старымъ, а новымъ, что съ темнымъ глянцемъ; повести по ней ладонью—тотъ же бархатъ. Сѣдло, чепрачекъ, уздечка—вся какъ есть сбруя до того была ладно пригнана,

въ порядкѣ, вычищена—бери карандашъ и рисуй! Чертопхановъ—чего больше? самъ, собственноручно, и чолку заплеталъ своему любимцу, и гриву и хвостъ мылъ пивомъ и даже копыта не разъ мазью смазывалъ...

Бывало, сядетъ онъ на Малекъ-Аделя и поѣдетъ—не по сосѣдямъ—онъ съ ними попрежнему не зналси—а черезъ ихъ поля, мимо усадебъ... Полюбуйтесь-моль издали, дураки! А то прослышитъ, что гдѣ-нибудь охота проявилась—въ отъѣзжее поле богатый баринъ собрался,—онъ сейчасъ туда—и гарцуетъ въ отдаленіи, на горизонтѣ, удивляя всѣхъ зрителей красотой и быстротою своего коня и близко никого къ себѣ и не подпуская. Разъ какой-то охотникъ даже погнался за нимъ со всей свитой; видитъ, что уходитъ отъ него Чертопхановъ, и началъ онъ ему кричать изо всей мочи, на всемъ скаку: „Эй, ты! Слушай! Бери, что хочешь за свою лошадь? Тысячи не пожалѣю! Жену отдамъ, дѣтей! Бери послѣднее! „

Чертопхановъ вдругъ осадилъ Малекъ-Аделя. Охотникъ подлетѣлъ къ нему.—Батюшка, кричитъ, говори: чего желаешь? Отецъ родной!

— Коли ты царь, промолвилъ съ разстановкой Чертопхановъ (а онъ отъ роду и не слыхивалъ о Шекспирѣ), подай мнѣ все твое царство за моего коня—такъ и того не возьму! Сказалъ, захохоталъ, поднялъ Малекъ-Аделя на дыбы, повернулъ имъ на воздухѣ, на однихъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ или юлою—и маршъ-маршъ. Такъ и засверкалъ по жневью. А охотникъ (князь, говорятъ, былъ богатѣйшій) шапку о-земь—да какъ грянется лицомъ въ шапку. Съ полчаса такъ пролежалъ.

И какъ было Чертопханову не дорожить своимъ конемъ? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство несомнѣнное, послѣднее превосходство надъ всѣми его сосѣдями?

VI.

Между тѣмъ время шло, срокъ платежа приближался—а у Чертопханова не только двухъсотъ-пятидесяти рублей, не было и пятидесяти. Что было дѣлать, чѣмъ помочь?—„Чтожъ?“ рѣшился онъ наконецъ, „коли не смилостивится жидъ, не захочетъ еще подождать — отдамъ я ему домъ и землю—а самъ на коня, куда глаза глядять? Съ голоду умру — а Малекъ-Аделя не отдамъ?“ Волновался онъ очень и даже задумывался; но тутъ судьба—въ первый и въ послѣдній разъ — сжалилась надъ нимъ, улыбнулась ему: какая-то дальная тетка, самое имя которой было неизвѣстно Чертопханову, оставила ему по духовному завѣщанію сумму огромную въ его глазахъ, цѣлыхъ двѣ тысячи рублей?—И получилъ онъ эти деньги въ самую, какъ говорится, пору: за день до прібытія жида. Чертопхановъ чуть не обе-

зумѣлъ отъ радости — но и не подумалъ о водкѣ: съ самаго того дня, какъ Малекъ-Адель поступилъ къ нему, онъ капли въ ротъ не бралъ. Онъ побѣжалъ въ конюшню и облобызалъ своего друга съ обѣихъ сторонъ морды надъ ноздрями, тамъ гдѣ кожа такъ нѣжна бываетъ у лошадей. — Теперь ужъ не разстанемся! восклицалъ онъ, хлопая Малекъ-Аделя по шеѣ, подъ расчесанной гривой. Вернувшись домой, онъ отсчиталъ и запечаталъ въ пакетъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Потомъ помечталъ, лежа на спинѣ и покуривая трубочку о томъ, какъ онъ распорядится съ остальными деньгами — а именно, какихъ онъ раздобудетъ собакъ: настоящихъ костромскихъ и непремѣнно краснопѣгихъ. Побесѣдовалъ даже съ Перфишкой, которому обѣщалъ новый казакинъ съ желтыми по всѣмъ швамъ басонами—и легъ спать въ блаженнѣйшемъ настроеніи духа.

Ему привидѣлся нехорошій сонъ: будто онъ выѣхалъ на охоту только не на Малекъ-

Аделѣ, а на какомъ-то странномъ животномъ въ родѣ верблюда; на встрѣчу ему бѣжитъ бѣлая-бѣлая какъ снѣгъ лиса.... Онъ хочетъ взмахнуть арапникомъ, хочетъ натравить на нее собакъ—а вмѣсто арапника у него въ рукахъ мочалка, и лиса бѣгаетъ передъ нимъ и дразнитъ его языкомъ. Онъ соскакиваетъ съ своего верблюда, спотыкается, падаетъ... и падаетъ прямо въ руки жандарму, который зоветъ его къ генералъ-губернатору, и въ которомъ онъ узнаетъ Яффа...

Чертопхановъ проснулся. Въ комнатѣ было темно; вторые пѣтухи только что пропѣли...

Гдѣ-то, далеко-далеко, проржала лошадь.

Чертопхановъ приподнялъ голову... Еще разъ послышалось тонкое-тонкое ржаніе.

— Это Малекъ-Адель ржетъ! подумалось ему... Это его ржаніе! Но отчего же такъ далеко? Батюшки мои... Не можетъ быть...

Чертопхановъ вдругъ весь похолодѣлъ, мгновенно спрыгнулъ съ постели, ощупью

отыскалъ сапоги, платье, одѣлся — и захвативъ изъ-подъ изголовья ключъ отъ конюшни, выскочилъ на дворъ.

VII.

Конюшня находилась на самомъ концѣ двора; одной стѣной она выходила въ поле. Чертопхановъ не съ разу вложилъ ключъ въ замокъ—руки у него дрожали—и не тотчасъ повернулъ ключъ.... Онъ постоялъ неподвижно, притаивъ дыханіе: хоть бы что шевельнулось за дверью! „Малешка! Малецъ!“ крикнулъ онъ въ полголоса: тишина мертвая! Чертопхановъ невольно дернулъ ключомъ: дверь скрыпнула и отворилась... Стало быть, не была заперта. Онъ шагнулъ черезъ порогъ — и снова кликнулъ своего коня — на этотъ разъ полнымъ именемъ: Малекъ-Адель! Но не отозвался вѣрный товарищъ, только мышь прошуршала по соломѣ. Тогда Чертопхановъ бросился въ то

изъ трехъ стойлъ конюшни, въ которомъ помѣщался Малекъ-Адель. Онъ попалъ прямо въ это стойло, хотя кругомъ такая стояла тьма, что хоть глазъ выколи... Пусто! Голова закружилась у Чертопханова; словно колоколъ загудѣлъ у него подъ черепомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то—но только засипѣлъ, и шаря руками вверху, внизу, по бокамъ, задыхаясь, съ подгибавшимися колѣнками, перебрался изъ одного стойла въ другое... въ третье, почти до верху набитое сѣномъ, толкнулся въ одну стѣну, въ другую, упалъ, перекатился черезъ голову, приподнялся и вдругъ опрометью выбѣжалъ черезъ полураскрытую дверь на дворъ...

— Украли! Перфишка! Перфишка! Украли! заревѣлъ онъ благимъ матомъ.

Казачокъ Перфишка кубаремъ, въ одной рубашкѣ, вылетѣлъ изъ чулана, въ которомъ спалъ...

Словно пьяные столкнулись оба— и баринъ, и единственный его слуга, посреди

двора; словно угорѣлые, завертѣлись онъ другъ передъ другомъ. Ни баринъ не могъ растолковать въ чемъ дѣло; ни слуга не могъ понять, чего требовалось отъ него.— „Бѣда! бѣда!“ лепеталъ Чертопхановъ; „бѣда! бѣда!“ повторялъ за нимъ казачокъ. „Фонарь! подай, зажги фонарь! Огня! Огня!“ вырвалось наконецъ изъ замиравшей груди Чертопханова. Перфишка бросился въ домъ.

Но зажечь фонарь, добыть огня было не легко: сѣрныя спички въ то время считались рѣдкостью на Руси; въ кухнѣ давно погасли послѣдніе уголья—огниво и кремень не скоро нашлись и плохо дѣйствовали. Съ зубовнымъ скрежетомъ вырвалъ ихъ Чертопхановъ изъ рукъ оторопѣлаго Перфишки, сталъ высѣкать огонь самъ: искры сыпались обильно, еще обильнѣе сыпались проклятія и даже стоны—но, трутъ либо не загорался, либо погасалъ, несмотря на дружныя усилія четырехъ напряженныхъ щекъ и губъ. Наконецъ, минутъ черезъ пять, не раньше,

затеплился сальный огарокъ на днѣ разбитаго фонаря, и Чертопхановъ, въ сопровожденіи Перфишки, ринулся въ конюшню, поднялъ фонарь надъ головою, оглянулся...

Все пусто.

Онъ выскочилъ ва дворъ, обѣжалъ его во всѣхъ направленіяхъ—нѣтъ коня нигдѣ. Плетень, окружавшій усадьбу Пантелея Еремѣича давно пришелъ въ ветхость и во многихъ мѣстахъ накрѣнился и приникалъ къ землѣ... Рядомъ съ конюшней онъ совсѣмъ повалился, на цѣлый аршинъ въ ширину. Перфишка указалъ на это мѣсто Чертопханову.

— Баринъ, посмотрите-ка сюда: этого сегодня не было. Вонъ и колья торчатъ изъ земли: знать ихъ кто вывернулъ.

Чертопхановъ подскочилъ съ фонаремъ, повелъ имъ по землѣ....

— Копыта, копыта, слѣды подковъ, слѣды, свѣжіе слѣды, забормоталъ онъ скороговоркой.—Тутъ его перевели, тутъ, тутъ!

Онъ мгновенно перепрыгнулъ черезъ плетень и съ крикомъ: „Малекъ-Адель! Малекъ-Адель!“ побѣжалъ прямо въ поле.

— Перфишка остался въ недоуменьи у плетня. Свѣтлый кружокъ отъ фонаря скоро исчезъ въ его глазахъ, поглощенный густымъ мракомъ беззвѣздной и безлунной ночи. Все слабѣй и слабѣй раздавались отчаянные возгласы Чертопханова....

VIII.

Заря уже занялась, когда онъ возвратился домой. Образа человѣческаго не было на немъ, грязь покрывала все платье, лицо приняло дикій и страшный видъ, угрюмо и тупо глядѣли глаза. Сиплымъ шопотомъ прогналъ онъ отъ себя Перфишку и заперся въ своей комнатѣ. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости—но онъ не легъ въ постель, а присѣлъ на стулъ у двери и схватился за голову.

— Украли!... украли!

Но какимъ образомъ умудрился воръ украсть ночью, изъ запертой конюшни, Малекъ-Аделя? Малекъ-Аделя, который и днемъ никого чужого къ себѣ не подпускалъ—украсть его безъ шума, безъ стука? И какъ растолковать, что ни одна дворняшка не пролаяла? Правда, ихъ было всего двѣ, два молодыхъ щенка, и тѣ отъ холоду и голоду въ землю зарывались—но все-таки.

„И что я стану теперь дѣлать безъ Малекъ-Аделя? думалось Чертопханову. Послѣдней радости я теперь лишился—настала пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да гдѣ такую другую лошадь найти?“

— Пантелей Еремѣичъ! Пантелей Еремѣичъ! послышался робкій возгласъ за дверью.

Чертопхановъ вскочилъ на ноги.

— Кто это? закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Это я, казачокъ вашъ, Перфишка.

— Чего тебѣ? Аль нашелся, домой прибѣжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Пантелей Еремѣичъ; а тотъ жидовинъ, что́ его продалъ....

— Ну?

— Онъ пріѣхалъ.

— Го-го-го-го-го! загоготалъ Чертопхановъ—и разомъ распахнулъ дверь. —Тащи его сюда, тащи! тащи!

При видѣ внезапно появившейся, всклокоченной, одичалой фигуры своего „благодѣтеля“, жидъ, стоявшій за спиною Перфишки, хотѣлъ было дать стречка; но Чертопхановъ въ два прыжка настигъ его, и какъ тигръ вцѣпился ему въ горло.

— А! за деньгами пришелъ! за деньгами! захрипѣлъ онъ, словно не *онъ* душилъ, а *его* душили; ночью укралъ, а днемъ за деньгами пришелъ? А? А?

— Помилуйте, ва...се благо...родіе, застоналъ-было жидъ.

— Сказывай, гдѣ моя лошадь? Куда ты ее дѣлъ? Кому сбылъ? Сказывай, сказывай, сказывай же!

Жидъ уже и стонать не могъ; на посинѣвшемъ его лицѣ исчезло даже выраженіе испуга. Руки опустились и повисли; все его тѣло, яростно встряхиваемое Чертопхановымъ, качалось взадъ и впередъ, какъ тростникъ.

— Деньги я тебѣ заплачу, я тебѣ заплачу, сполна, до послѣдней копѣйки, кричалъ Чертопхановъ — а только я задушу тебя, какъ послѣдняго цыпленка, если ты сейчасъ не скажешь мнѣ...

— Да вы уже задушили его, баринъ, смиренно замѣтилъ казачокъ Перфишка.

Тутъ только опомнился Чертопхановъ

Онъ выпустилъ шею жида; тотъ такъ и грохнулся на полъ. Чертопхановъ подхватилъ его, усадилъ на скамью, влилъ ему въ горло стаканъ водки — привелъ его въ чувство. И приведши его въ чувство, вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

Оказалось, что жидъ о кражѣ Малекъ-Аделя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Да и съ какой стати было ему красть лошадь, которую онъ же самъ досталъ для „почтеннѣйшаго Пантелея Еремѣича?“

Тогда Чертопхановъ повелъ его въ конюшню.

Вдвоемъ они осмотрѣли стойла, ясли, замокъ на двери, перерыли сѣно, солому, перешли потомъ на дворъ; Чертопхановъ указалъ жиду слѣды копытъ у плетня—и вдругъ ударилъ себя по ляшкамъ.

— Стой! воскликнулъ онъ. Ты гдѣ лошадь купилъ?

— Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, на Верхосенской ярмаркѣ, отвѣтилъ жидъ.

— У кого?

— У казака.

— Стой! Казакъ этотъ изъ молодыхъ былъ или старый?

— Среднихъ лѣтъ, степенный человѣкъ.

— А изъ себя каковъ? На видъ каковъ? Небось плутъ продувной?

— Должно быть, плутъ, васе благородіе.

— И что, какъ онъ тебѣ говорилъ, плутъ-то этотъ—лошадью онъ владѣлъ давно?

— Помниться, говорилъ, что давно.

— Ну такъ и некому было украсть, какъ именно ему.—Ты посуди, слушай, стань сюда... какъ тебя зовутъ?

Жидъ встрепенулся и вскинулъ своими черными глазенками на Чертопханова.

— Какъ *меня* зовутъ?

— Ну да: какъ твоя кличка?

— Мошель Лейба.

— Ну, посуди, Лейба, другъ мой — ты умный человѣкъ—кому какъ не старому хозяину дался бы Малекъ-Адель въ руки. Вѣдь онъ и осѣдлалъ его, и взнуздалъ, и попону съ него снялъ — вонъ она на сѣнѣ лежитъ.... Просто, какъ дома распоряжался. Вѣдь всякого другого, не хозяина, Малекъ-Адель подъ ноги бы смялъ. Гвалтъ поднялъ бы такой, всю деревню бы переполошилъ. Согласенъ ты со мною?

— Согласенъ-то согласенъ, васе благородіи...

— Ну и значитъ, надо прежде всего отыскать казака того.

— Да какъ зе отыскать его, васе благородіе. Я его всего только разочекъ видѣлъ— и гдѣ зе онъ теперь — и какъ его зовутъ? Ай, вай, вай! прибавилъ жидъ горестно потрясая пейсиками.

— Лейба! закричалъ вдругъ Чертопхановъ, — Лейба, посмотри на меня. Вѣдь я разсудка лишился, я самъ не свой.... Я руки на себя наложу, если ты мнѣ не поможешь.

— Да какъ зе я могу....

— Поѣдемъ со мною — и станемъ вора того розыскивать.

— Да куда зе мы поѣдемъ?

— По ярмаркамъ, по большимъ трахтамъ, по малымъ трахтамъ, по конокрадамъ, по городамъ, по деревнямъ, по хуторамъ— всюду, всюду? А на счетъ денегъ ты не безпокойся: я, братъ, наслѣдство получилъ.

Послѣднюю копѣйку просажу—а ужъ добуду своего друга! И не уйдетъ отъ насъ казакъ, нашъ лиходѣй. — Куда онъ — туда и мы. Онъ подъ землю—и мы подъ землю. — Онъ къ дьяволу — а мы къ самому сатанѣ.

— Ну зацѣмъ зе къ сатанѣ, замѣтилъ жидъ; можно и безъ него.

— Лейба, подхватилъ Чертопхановъ, — Лейба, ты хотя еврей и вѣра твоя поганая—а душа у тебя лучше иной христіанской. Сжалься ты надо мною. Одному мнѣ ѣхать не зачѣмъ, одинъ я этого дѣла не обломаю. Я горячка—а ты голова, золотая голова. Племя ваше ужъ такое: безъ науки все постигло. Ты, можетъ, сомнѣваешься: откуда-молъ у него деньги? Пойдемъ ко мнѣ въ комнату — я тебѣ и деньги всѣ покажу. Возьми ихъ, крестъ съ шеи возьми — только отдай мнѣ Малекъ-Аделя, отдай, отдай!

Чертопхановъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ: потъ градомъ катился съ его лица—и, мѣшаясь со слезами, терялся въ его усахъ.

Онъ пожималъ руки Лейбѣ, онъ умолялъ, онъ чуть не цѣловалъ его... Онъ пришелъ въ изступленіе. Жидъ попытался-было возражать, увѣрять, что ему никакъ невозможно отлучиться, что у него дѣла..... Куда! Чертопхановъ и слышать ничего не хотѣлъ. Нечего было дѣлать: согласился бѣдный Лейба.

На другой день Чертопхановъ вмѣстѣ съ Лейбой выѣхалъ изъ Безсонова на крестьянской телѣгѣ. Жидъ являлъ видъ нѣсколько смущенный, держался одной рукой за грядку и подпрыгивалъ всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ на трескомъ сидѣньи; другую руку онъ прижималъ къ пазухѣ, гдѣ у него лежала пачка ассигнацій, завернутыхъ въ газетную бумагу; Чертопхановъ сидѣлъ какъ истуканъ, только глазами поводилъ кругомъ и дышалъ полной грудью; за поясомъ у него торчалъ кинжалъ.

— Ну, злодѣй-разлучникъ, берегись теперь! пробормоталъ онъ, выѣзжая на большую дорогу.

Домъ свой онъ поручилъ казачку Перфишкѣ и бабѣ-стряпухѣ, глухой и старой женщинѣ, которую онъ призрѣлъ у себя изъ состраданія.

— Я къ вамъ вернусь на Малекъ-Аделѣ, крикнулъ онъ имъ на прощанье — или ужъ вовсе не вернусь.

— Ты бы хоть замужъ за меня пошла, что ли! сострилъ Перфишка, толкнувъ стряпуху локтемъ въ бокъ. Все равно — намъ барина не дождаться, а то вѣдь со скуки пропадешь.

IX.

Минулъ годъ... цѣлый годъ: никакой вѣсти о Пантелеѣ Еремѣичѣ не доходило. Стряпуха умерла; самъ Перфишка собирался уже бросить домъ да отправиться въ городъ, куда его сманивалъ двоюродный братъ, жившій подмастерьемъ у парикмахера — какъ вдругъ распространился слухъ, что баринъ

возвращается. Приходскій дьяконъ получилъ отъ самого Пантелея Еремѣича письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи прибыть въ Безсоново и просилъ его предувѣдомить прислугу—для устроенія надлежащей встрѣчи. Слова эти Перфишка понялъ такъ, что надо-молъ хоть пыль немножечко постереть—впрочемъ, большой вѣры въ справедливость извѣстія онъ не возымѣлъ; пришлось ему однако убѣдиться, что дьяконъ-то сказалъ правду—нѣсколько дней спустя, Пантелей Еремѣичъ самъ, собственной особой, появился на дворѣ усадьбы, верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Перфишка бросился къ барину—и, придерживая стремя, хотѣлъ-было помочь ему слѣзть съ коня; но тотъ соскочилъ самъ и, кинувъ вокругъ торжествующій взглядъ, громко воскликнулъ: „Я сказалъ, что отыщу Малекъ-Аделя—и отыскалъ его, на зло врагамъ и самой судьбѣ.“ Перфишка подошелъ къ нему къ ручкѣ, но Чертопхановъ не об-

ратилъ вниманія на усердіе своего слуги. Ведя за собою Малекъ-Аделя въ поводу, онъ направился большими шагами къ конюшнѣ. Перфишка попристальнѣе посмотрѣлъ насвоего барина—и заробѣлъ: „Охъ, какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ въ теченіи года — и лицо какое стало строгое и суровое.“ А, кажется, слѣдовало бы ПантелеюЕремѣичу радоваться, что, вотъ-молъ, достигъ таки своего; да онъ и радовался, точно... и все-таки Перфишка заробѣлъ, даже жутко ему стало. Четопхановъ поставилъ коня въ прежнее его стойло, слегка хлопнулъ его по крупу и промолвилъ: „Ну вотъ ты и дома опять. Смотри же!“... Въ тотъ же день онъ нанялъ надежнаго сторожа изъ безтягольныхъ бобылей, помѣстился снова въ своихъ комнатахъ и зажилъ попрежнему...

Не совсѣмъ однако попрежнему... Но объ этомъ впереди.

На другой день послѣ своего возвращенія, Пантелей Еремѣичъ призвалъ къ себѣ Пер-

фишку, и за неимѣніемъ другого собесѣдника, принялся разсказывать ему — не теряя, конечно, чувства собственнаго достоинства и басомъ — какимъ образомъ ему удалось отыскать Малекъ-Аделя. Въ теченіи разсказа Чертопхановъ сидѣлъ лицомъ къ окну и курилъ трубку изъ длиннаго чубука, а Перфишка стоялъ на порогѣ двери, заложивъ руки за спину — и, почтительно взирая на затылокъ своего господина, слушалъ повѣсть о томъ, какъ послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ и разъѣздовъ, Пантелей Еремѣичъ наконецъ попалъ въ Ромны на ярмарку, уже одинъ, безъ жида Лейбы, который, по слабости характера, не вытерпѣлъ и бѣжалъ отъ него; какъ, на пятый день, уже собираясь уѣхать, онъ въ послѣдній разъ пошелъ по рядалъ телѣгъ и вдругъ увидалъ, между тремя другими лошадьми, привязаннаго къ хребтуку — увидалъ Малекъ-Аделя! Какъ онъ тотчасъ его узналъ — и какъ Малекъ-Адель его узналъ, сталъ

ржать и рваться и копытомъ рыть землю.— И не у казака онъ былъ, продолжалъ Чертопхановъ, все не поворачивая головы и тѣмъ же басовымъ голосомъ,—а у цыгана-барышника; я, разумѣется, тотчасъ вклепался въ свою лошадь и пожелалъ насильно ее возвратить; но бестія цыганъ заоралъ какъ ошпаренный на всю площадь, сталъ божиться, что купилъ лошадь у другого цыгана — и свидѣтелей хотѣлъ представить... Я плюнулъ—и заплатилъ ему деньги: чортъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ главное то дорого, что друга я своего отыскалъ и покой душевный получилъ. А то вотъ я, въ Карачевскомъ уѣздѣ, по словамъ жида Лейбы, вклепался-было въ казака — за моего вора его принялъ, всю рожу ему избилъ; а казакъ-то оказался поповичемъ — и безчестія съ меня содралъ—сто двадцать рублевъ. Ну, деньги дѣло наживное, а главное: Малекъ-Адель опять у меня! Я теперь счастливъ— и буду наслаждаться спокойствіемъ. А для

тебя, Порфирій, одна инструкція: какъ только ты, чего Боже оборони, завидишь въ окрестностяхъ казака, такъ сію же секунду, ни слова не говоря, бѣги и неси мнѣ ружье, а я ужъ буду знать, какъ мнѣ поступить!

Такъ говорилъ Пантелей Еремѣичъ Перфишкѣ; такъ выражались его уста; но на сердцѣ у него не было такъ спокойно, какъ онъ увѣрялъ.

Увы! въ глубинѣ души своей онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что приведенный имъ конь былъ дѣйствительно Малекъ-Адель!

X.

Настало трудное время для Пантелея Еремѣича. Именно спокойстіемъ-то онъ наслаждался меньше всего. Правда, выпадали хорошіе дни: возникшее въ немъ сомнѣніе казалось ему чепухой; онъ отгонялъ нелѣпую мысль какъ назойливую муху и даже смѣ-

ялся надъ самимъ собою; но выпадали также дни дурные: неотступная мысль снова принималась изподтишка точить и скрести его сердце, какъ подпольная мышь—и онъ мучился ѣдко и тайно. Въ теченіи памятнаго дня, когда онъ отыскалъ Малекъ-Аделя — Чертопхановъ чувствовалъ одну лишь блаженную радость... но на другое утро, когда онъ подъ низкимъ навѣсомъ постоялаго дворика сталъ сѣдлать свою находку, близъ которой провелъ всю ночь—что-то въ первый разъ его кольнуло... Онъ только головой мотнулъ—однако сѣмя было заброшено. Въ теченіи обратнаго путешествія домой (оно продолжалось съ недѣлю) сомнѣнія въ немъ возбуждались рѣдко: онѣ стали сильнѣй и явственнѣй, какъ только онъ вернулся въ свое Безсоново, какъ только очутился въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежній, несомнѣнный Малекъ-Адель... Дорогой онъ ѣхалъ больше шагомъ, въ раскачку, глядѣлъ по сторонамъ, покуривалъ табакъ изъ коро-

тенькаго чубучка и не о чемъ не размышлялъ, развѣ возьметъ да подумаетъ про себя: „Чертопхановы чего захотятъ — ужь добьются! шалишь!“ и ухмыльнется, ну, а съ прибытіемъ домой пошла статья другая. Все это онъ берегъ, конечно, про себя; одно ужъ самолюбіе не позволило бы ему выказать свою внутреннюю тревогу. Онъ бы „перервалъ пополамъ“ всякаго, кто бы хоть отдаленно намекнулъ на то, что новый Малекъ-Адель, кажись, не старый; онъ принималъ поздравленія съ „благополучной на ходкой“ отъ немногихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, но онъ не искалъ этихъ поздравленій, онъ пуще прежняго избѣгалъ столкновеній съ людьми — знакъ плохой. Онъ почти постоянно, если можно такъ выразиться, экзаменовалъ Малекъ-Аделя; уѣзжалъ на немъ куда-нибудь подальше въ поле и ставилъ его на пробу; или уходилъ украдкой въ конюшню, запиралъ за собою дверь и, ставши передъ самой голо-

вой коня, заглядывалъ ему въ глаза, спрашивалъ шопотомъ: „Ты ли это? Ты ли? Ты ли?...“ а не то, молча его разсматривалъ, да такъ пристально, по цѣлымъ часамъ, то радуясь и бормоча: „Да! онъ! конечно онъ!“—то недоумѣвая и даже смущаясь.

И не столько смущали Чертопханова физическія несходства *этого* Малекъ-Аделя съ *тѣмъ*... впрочемъ, ихъ насчитывалось немного: у *того* хвостъ и грива словно были пожиже, и уши острѣй, и бабки короче, и глаза свѣтлѣй — но это могло только такъ казаться; а смущали Чертопханова несходства, такъ сказать, нравственныя. Привычки у *того* были другія, вся повадка была не та. Напримѣръ: *тотъ* Малекъ-Адель всякій разъ оглядывался и легонько ржалъ, какъ только Чертопхановъ входилъ въ конюшню; а *этотъ* жевалъ себѣ сѣно, какъ ни въ чемъ не бывало—или дремалъ, понуривъ голову. Оба не двигались съ мѣста, когда хозяинъ соскакивалъ съ сѣдла; но *тотъ*, когда его

звали, тотчасъ шелъ на голосъ—а *этотъ* продолжалъ стоять, какъ пень. *Тотъ* скакалъ также быстро, но прыгалъ выше и дальше; *этотъ* шагомъ шелъ вольнѣе, а рысью трясче—и „хлябалъ“ иногда подковами—то-есть, стучалъ задней о переднюю: за тѣмъ никогда такого сраму не водилось—сохрани Богъ. *Этотъ*, думалось Чертопханову, все ушами прядетъ, глупо такъ — а *тотъ*-напротивъ: заложилъ одно ухо назадъ—да такъ и держитъ — хозяина наблюдаетъ. *Тотъ*, бывало, какъ увидитъ, что около него нечисто — сейчасъ задней ногой стукъ въ стѣнку стойла, а *этому* ничего— хоть по самое брюхо навали ему навозу. *Тотъ*, если, напримѣръ: противъ вѣтра его поставить—сейчасъ всѣми легкими вздохнетъ и встряхнется, а *этотъ* знай пофыркиваетъ; *того* сырость дождевая безпокоила — *этому* она ни почемъ... Грубѣе этотъ, грубѣе! И пріятности нѣтъ какъ у того, и тутъ на поводу —что́ и говорить. Та была лошадь милая—а эта...

Вотъ что думалось иногда Чертопханову и горечью отзывались въ немъ эти думы. За то, въ другое время—пуститъ онъ своего коня во всю прыть по только-что вспаханному полю или заставитъ его соскочить на самое дно размытаго оврага и по самой кручѣ выскочить опять, и замираетъ въ немъ сердце отъ восторга, громкое гиканіе вырывается изъ устъ, и знаетъ онъ, знаетъ навѣрное, что это подъ нимъ настоящій, несомнѣнный Малекъ-Адель, ибо какая другая лошадь въ состояніи сдѣлать то, что́ дѣлаетъ эта?

Однако и тутъ не обходилось безъ грѣха и бѣды. Продолжительные поиски за Малекъ-Аделемъ стоили Чертопханову много денегъ; о костромскихъ собакахъ онъ уже не помышлялъ и разъѣзжалъ по окресностямъ въ одиночку, попрежнему. Вотъ въ одно утро, Чертопхановъ верстахъ въ пяти отъ Безсонова наткнулся на ту самую княжескую охоту, передъ которой онъ такъ моло-

децки гарцовалъ года полтора тому назадъ. И надо-жъ было случиться такому обстоятельству: какъ и въ тотъ день, такъ и теперь — русакъ возьми да вскочи передъ собаками изъ-подъ межи на косогорѣ.—Ату его, ату! Вся охота такъ и понеслась, и Чертопхановъ понесся тоже—только не вмѣстѣ съ нею, а шаговъ отъ нея на двѣсти въ сторону — точно также какъ и тогда. Громадная водомоина криво прорѣзала косогоръ, и поднимаясь все выше и выше, постепенно съуживаясь, пересѣкала путь Чертопханову. Тамъ, гдѣ ему приходилось перескочить ее — и гдѣ онъ полтора года тому назадъ дѣйствительно перескочилъ ее — въ ней все еще было шаговъ восемь ширины да сажени двѣ глубины. Въ предчувствіи торжества, столь чуднымъ образомъ повтореннаго торжества,—Чертопхановъ загоготалъ побѣдоносно, потрясъ нагайкой — охотники сами скакали, а сами не спускали глазъ съ лихого наѣздника—конь его летѣлъ стрѣлою—вотъ

уже водомоина передъ самымъ носомъ— ну, ну, разомъ, какъ тогда!...

Но Малекъ-Адель круто уперся, вильнулъ налѣво и поскакалъ *вдоль* обрыва, какъ ни дергалъ ему Чертопхановъ голову на бокъ, къ водомоинѣ....

Струсилъ, значитъ, не понадѣялся на себя.

Тогда Чертопхановъ, весь пылая стыдомъ и гнѣвомъ, чуть не плача, опустилъ поводья и погналъ коня прямо впередъ, въ гору, прочь, прочь отъ тѣхъ охотниковъ, чтобы только не слышать, какъ они издѣваются надъ нимъ, что-бы только исчезнуть поскорѣе съ ихъ проклятыхъ глазъ!

Съ изсѣченными боками, весь облитый мыльной пѣной, прискакалъ домой Малекъ-Адель, и Чертопхановъ тотчасъ заперся у себя въ комнатѣ.

— Нѣтъ, это не онъ, это не другъ мой! Тотъ бы шею сломилъ—а меня бы не выдалъ.

Окончательно „доѣхалъ“, какъ говорится,

Чертопханова слѣдующій случай. Верхомъ на Малекъ-Аделѣ пробирался онъ однажды по задворкамъ поповской слободки, окружавшей церковь, въ приходѣ которой состояло сельцо Безсоново. Нахлобучивъ на глаза папаху, сгорбившись и уронивъ на луку сѣдла обѣ руки, онъ медленно подвигался впередъ: на душѣ у него было нерадостно и смутно. Вдругъ его кто-то окликнулъ.

Онъ остановилъ коня, поднялъ голову и увидалъ своего корреспондента, дьякона. Съ бурымъ треухомъ на бурыхъ, въ косичку заплетенныхъ волосахъ, облеченный въ желтоватый нанковый кафтанъ, подпоясанный гораздо ниже тальи голубенькимъ обрывочкомъ, служитель алтаря вышелъ свое „одо́ньишко“ провѣдать—и улицезрѣвъ Пантелея Еремѣича, почелъ долгомъ выразить ему свое почтеніе — да кстати хоть что-нибудь у него выпросить. Безъ такого рода задней мысли, какъ извѣстно, духовныя лица со свѣтскими не заговариваютъ.

Но Чертопханову было не до дьякона, онъ едва отвѣчалъ на его поклонъ, и, промычавъ что-то сквозь зубы, уже взмахнулъ нагайкой....

— А какой у васъ конь богатѣйшій, поспѣшилъ прибавить дьяконъ: вотъ ужъ точно можно чести приписать. Истинно: вы мужъ ума чуднаго! просто: аки левъ. Отецъ дьяконъ славился краснорѣчіемъ—чѣмъ сильно досаждалъ отцу попу, которому даръ слова присущъ не былъ: даже водка не развязывала ему языкъ. — Одного живота, по навѣту злыхъ людей, лишились,—продолжалъ дьяконъ,—и нимало не унывая, а напротивъ болѣе надѣясь на божественный Промыслъ, пріобрѣли себѣ другого, нисколько не худшаго, а почитай даже что и лучшаго.... потому....

— Что ты врешь, сумрачно перебилъ Чертопхановъ, какой такой другой конь, Это тотъ же самый, это Малекъ-Адель.... Я его отыскалъ. Болтаетъ, зря....

— Э! э! э! э! промолвилъ съ разстановкой, какъ бы съ оттяжкой, дьяконъ, играя перстами въ бородѣ и озирая Чертопханова своими свѣтлыми, жадными глазами. Какъ же такъ, господинъ? Коня-то вашего, дай Богъ памяти, въ минувшемъ году недѣльки двѣ послѣ Покрова украли, а теперь у насъ ноябрь на исходѣ.

— Ну да, чтоже изъ этого?

Дьяконъ все продолжалъ играть перстами въ бородѣ.— Значитъ, слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ протёкъ, а конь вашъ, какъ тогда былъ сѣрый въ яблокахъ, такъ и теперь; даже словно темнѣе сталъ. Какъ же такъ. Сѣрыя-то лошади въ одинъ годъ много бѣлѣютъ.

Чертопхановъ дрогнулъ.... словно кто рогатиной толкнулъ его противъ сердца. И въ самомъ дѣлѣ: сѣрая масть-то вѣдь мѣняется. Какъ ему такая простая мысль до сихъ поръ въ голову не пришла!

— Пучóкъ анаѳемскій! отвяжись! гаркнулъ

онъ вдругъ, бѣшено сверкнувъ глазами — и мгновенно скрылся изъ виду у изумленнаго дьякона.

Ну! все кончено!

Вотъ когда дѣйствительно все кончено, все лопнуло, послѣдняя карта убита! Все разомъ рухнуло отъ одного этого слова: „бѣлѣютъ“!

Сѣрыя лошади бѣлѣютъ!

Скачи, скачи, проклятый! Не ускачешь отъ этого слова!

Чертопхановъ примчался домой и опять заперся на ключъ.

XII.

Что эта дрянная кляча не Малекъ-Адель, что между ею и Малекъ-Аделемъ не существовало ни малѣйшаго сходства, что всякій, мало-мальски путный человѣкъ долженъ былъ съ перваго разу это увидѣть, что онъ, Нантелей Чертопхановъ, самымъ пошлымъ

образомъ обманулся—нѣтъ! что онъ нарочно, преднамѣренно надулъ самаго себя, напустилъ на себя этотъ туманъ—во всемъ этомъ теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія! Чертопхановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одинаковымъ образомъ поворачиваясь на пяткахъ у каждой стѣны, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Самолюбіе его страдало невыносимо, но не одна боль уязвленнаго самолюбія терзала его: отчаяніе овладѣло имъ, злоба душила его, жажда мести въ немъ загорѣлась. Но противъ кого? Кому отомстить! Жиду, Яффу, Машѣ, дьякону, вору-казаку, всѣмъ сосѣдямъ, всему свѣту, самому себѣ наконецъ! Умъ въ немъ мѣшался. Послѣдняя карта убита! (Это сравненіе ему нравилось). И онъ опять ничтожнѣйшій, презрѣннѣйшій изъ людей, общее посмѣшище, шутъ гороховый, зарѣзанный дуракъ, предметъ насмѣшки—для дьякона!!.. Онъ воображалъ, онъ ясно представлялъ себѣ, какъ этотъ мерзкій пучóкъ станетъ

разсказывать про сѣрую лошадь, про глупаго барина.... О проклятіе!!.. Напрасно Чертопхановъ старался унять расходившуюся желчь! напрасно онъ пытался увѣрить себя, что эта.... лошадь хотя и не Малекъ-Адель, однако все же.... добра, и можетъ много лѣтъ прослужить ему: онъ тутъ же съ яростью отталкивалъ отъ себя прочь эту мысль, точно въ ней заключалось новое оскорбленіе для *того* Малекъ-Аделя, передъ которымъ онъ ужъ и безъ того считалъ себя виноватымъ.... Еще бы! Тотъ одёръ, ту клячу онъ, какъ слѣпой, какъ олухъ, прировнялъ ему, Малекъ-Аделю! А что на счетъ службы, которую та кляча могла еще сослужить ему.... да развѣ онъ когда-нибудь удостоитъ сѣсть на нее верхомъ! Ни за что! Никогда!!.. Татарину ее отдать, собакамъ на снѣдь — другого она не стоитъ.... Да! Этакъ лучше всего!

Часа два слишкомъ бродилъ Чертопхановъ по своей комнатѣ.

— Перфишка! скомандовалъ онъ вдругъ. Сію минуту ступай въ кабакъ! полведра водки притащи! Слышишь! Полведра, да живо! Чтобы водка сію секунду тутъ у меня на столѣ стояла.

Водка не замедлила появиться на столѣ Пантелея Еремѣича, и онъ началъ пить.

XIII.

Кто бы тогда посмотрѣлъ на Чертопханова, кто бы могъ быть свидѣтелемъ того угрюмаго озлобленія, съ которымъ онъ осушалъ стаканъ за стаканомъ — тотъ навѣрное почувствовалъ бы невольный страхъ. Ночь наступила; сальная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Чертопхановъ пересталъ скитаться изъ угла въ уголъ; онъ сидѣлъ, весь красный, съ помутившимися глазами, которые онъ то опускалъ на полъ, то упорно устремлялъ въ темное окно; вставалъ, наливалъ себѣ водки, выпивалъ ее, опять садился,

опять уставлялъ глаза въ одну точку и не шевелился—только дыханіе его учащалось, и лицо все болѣе краснѣло. Казалось, въ немъ созрѣвало какое-то рѣшеніе, которое его самого смущало, но къ которому онъ постепенно привыкалъ; одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась все ближе и ближе, одинъ и тотъ же образъ рисовался все яснѣе и яснѣе впереди, а въ сердцѣ, подъ раскаляющимъ напоромъ тяжелаго хмѣля, раздраженіе злобы уже смѣнялось чувствомъ звѣрства, и зловѣщая усмѣшка появлялась на губахъ...

— Ну, однако пора, промолвилъ онъ какимъ-то дѣловымъ,, почти скучливымъ тономъ—будетъ прохлаждаться-то.

Онъ выпилъ послѣдній стаканъ водки, досталъ надъ кроватью пистолетъ—тотъ самый пистолетъ, изъ котораго выстрѣлилъ въ Машу, зарядилъ его, положилъ на ,,всякій случай" нѣсколько пистоновъ въ карманъ—и отправился на конюшню.

Сторожъ побѣжалъ-было къ нему, когда онъ сталъ отворять дверь, но онъ крикнулъ на него: „Это я! Аль не видишь? Отправляйся.“ Сторожъ отступилъ немного въ сторону. „Спать отправляйся!“ опять крикнулъ на него Чертопхановъ; „нечего тебѣ тутъ стеречь. Экую невидаль, сокровище какое.“ Онъ вошелъ въ конюшню. Малекъ-Адель... ложный Малекъ-Адель лежалъ на постилкѣ. Чертопхановъ толкнулъ его ногою, промолвивъ: „Вставай, ворона.“ Потомъ отвязалъ недоуздокъ отъ яслей, снялъ и сбросилъ на землю попону—и, грубо повернувъ въ стойлѣ послушную лошадь, вывелъ ее вонъ на дворъ, а со двора въ поле, къ крайнему изумленію сторожа, который никакъ не могъ понять, куда баринъ отправляется ночью, съ невзнузданною лошадью въ поводу? Спросить его—онъ, разумѣется, побоялся, а проводилъ его глазами, пока онъ не исчезъ на поворотѣ дороги, ведущей къ сосѣднему лѣсу.

XIV.

Чертопхановъ шелъ большими шагами, не останавливаясь и не оглядываясь; Малекъ-Адель — будемъ называть его этимъ именемъ до конца — покорно выступалъ за нимъ слѣдомъ. Ночь была довольно свѣтлая; Чертопхановъ могъ различить зубчатый очеркъ лѣса, чернѣвшаго впереди сплошнымъ пятномъ. Охваченный ночнымъ холодомъ, онъ бы навѣрное захмѣлѣлъ отъ выпитой имъ водки, если бы... если бы не другой, болѣе сильный хмѣль, который обуялъ его всего. Голова его отяжелѣла, кровь раскатисто стучала въ горло и въ уши, но онъ шелъ твердо и зналъ, куда шелъ.

Онъ рѣшился убить Малекъ-Аделя; цѣлый день онъ только объ этомъ думалъ.... Теперь онъ рѣшился.

Онъ шелъ на это дѣло не то, чтобы спокойно, а самоувѣренно, безповоротно, какъ идетъ человѣкъ, повинующійся чувству дол-

га. Ему эта „штука“ казалась очень „простою“: уничтоживъ самозванца, онъ разомъ поквитается со „всѣмъ“, и самаго себя казнитъ за свою глупость, и передъ настоящимъ своимъ другомъ оправдается, и цѣлому свѣту докажетъ (Чертопхановъ очень заботился о „цѣломъ свѣтѣ“), что съ нимъ шутить нельзя.... а главное: самого себя онъ уничтожитъ вмѣстѣ съ самозванцемъ, ибо, на что ему еще жить? Какъ это все укладывалось въ его головѣ, и почему это казалось такъ просто—объяснить не легко, хотя и не совсѣмъ невозможно: обиженный, одинокій, безъ близкой души человѣческой, безъ гроша мѣднаго, да еще съ кровью, зажженной виномъ, онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству, а нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ самыхъ нелѣпыхъ выходкахъ людей помѣшанныхъ есть, на ихъ глаза, своего рода логика и даже право. Въ правѣ своемъ Чертопхановъ былъ во всякомъ случаѣ вполнѣ увѣренъ; онъ не коле-

бался, онъ спѣшилъ исполнить приговоръ надъ виновнымъ, не отдавая себѣ впрочемъ яснаго отчета: кого онъ собственно обзывалъ этимъ именемъ?... Правду говоря, онъ размышлялъ мало о томъ, что собирался сдѣлать. „Надо, надо кончить“, вотъ что онъ твердилъ самому себѣ, тупо и строго; „кончить надо“!

А безвинный виновный трусилъ покорной рысцой за его спиною... Но въ сердцѣ Чертопханова не было жалости.

XV.

Недалеко отъ опушки лѣса, куда онъ привелъ свою лошадь, тянулся небольшой оврагъ, до половины заросшій дубовымъ кустарникомъ. Чертопхановъ спустился туда... Малекъ-Адель спотыкнулся и чуть не упалъ на него.

— Аль задавить меня хочешь, проклятый! вскрикнулъ Чертопхановъ — и, словно защи-

щаясь, выхватилъ пистолетъ изъ кармана. Уже не ожесточеніе испытывалъ онъ, а ту особенную одеревенѣлость чувства, которая, говорятъ, овладѣваетъ человѣкомъ передъ совершеніемъ преступленія. Но собственный голосъ испугалъ его—такъ дико прозвучалъ онъ подъ навѣсомъ темныхъ вѣтвей, въ гнилой и спертой сырости лѣснаго оврага! Къ тому же, въ отвѣтъ на его восклицаніе, какая-то большая птица внезапно затрепыхалась въ верхушкѣ дерева надъ его головою.... Чертопхановъ дрогнулъ. Точно онъ разбудилъ свидѣтеля своему дѣлу — и гдѣ же? въ этомъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не долженъ былъ встрѣтить ни одного живого существа....

— Ступай, чортъ, на всѣ четыре стороны! проговорилъ онъ сквозь зубы — и выпустивъ поводъ Малекъ-Аделя, съ размаху ударилъ его по плечу прикладомъ пистолета, Малекъ-Адель немедленно повернулся назадъ, выкарабкался вонъ изъ оврага.... и побѣ-

жалъ. Но недолго слышался стукъ его копытъ. Поднявшійся вѣтеръ мѣшалъ и застилалъ всѣ звуки.

Въ свою очередь Чертопхановъ медленно выбрался изъ оврага, достигъ опушки и поплелся по дорогѣ домой. Онъ былъ недоволенъ собою; тяжесть, которую онъ чувствовалъ въ головѣ, въ сердцѣ, распространилась по всѣмъ членамъ; онъ шелъ сердитый, темный, неудовлетворенный, голодный, словно кто обидѣлъ его, отнялъ у него добычу пищу...

Самоубійцѣ, которому помѣшали исполнить его намѣреніе, знакомы подобныя ощущенія.

Вдругъ что-то толкнуло его сзади, между плечъ. Онъ оглянулся... Малекъ-Адель стоялъ посреди дороги. Онъ пришелъ слѣдомъ за своимъ хозяиномъ, онъ тронулъ его мордой... доложилъ о себѣ...

— А! закричалъ Чертопхановъ, — ты самъ, самъ за-за смертью пришелъ! Такъ на-же!

Въ мгновенье ока онъ выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ, приставилъ дуло ко лбу Малекъ-Аделя, выстрѣлилъ...

Бѣдная лошадь шарахнулась въ сторону, взвилась на дыбы, отскочила шаговъ на десять и вдругъ рухнулась и захрипѣла, судорожно валяясь по землѣ...

Чертопхановъ зажалъ себѣ уши обѣими руками и побѣжалъ. Колѣна подгибались подъ нимъ. И хмѣль, и злоба, и тупая самоувѣренность — все вылетѣло разомъ. Осталось одно чувство стыда и безобразія — да сознаніе, сознаніе несомнѣнное, что на этотъ разъ онъ и съ собой покончилъ.

XVI.

Недѣль шесть спустя казачокъ Перфишка почелъ долгомъ остановить проѣзжавшаго мимо Безсоновской усадьбы становаго пристава.

— Чего тебѣ? спросилъ блюститель порядка.

— Пожалуйте, ваше благородіе, къ намъ въ домъ, отвѣтилъ казачокъ съ низкимъ поклономъ; Пантелей Еремѣичъ, кажись, умирать собираются; такъ вотъ я и боюсь.

— Какъ? умирать? переспросилъ становой.

— Точно такъ-съ. Сперва они кажинный день водку кушали, а теперь вотъ въ постель слегли и ужъ оченно они худы стали. Я такъ полагаю, они теперь и понимать-то ничего не понимаютъ. Безъ языка совсѣмъ.

Становой слѣзъ съ телѣги.—Что же ты за священникомъ, по крайней мѣрѣ, сходилъ? Исповѣдался твой баринъ? Причастился?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Становой нахмурился.—Какъ же ты это такъ, братецъ? Развѣ этакъ можно—а? Или ты не знаешь, что за это... отвѣтственность бываетъ большая—а?

— Да я ихъ и третьяго дня и вчерась спрашивалъ, подхватилъ оробѣвшій казачокъ—не прикажите-ли, говорю, Пантелей Еремѣичъ, за священникомъ сбѣгать? —Мол-

чи , говоритъ, дуракъ. Не въ свое дѣло не суйся. А сегодня, какъ я сталъ докладывать— только посмотрѣли на меня—да усомъ повели.

— И много онъ пилъ водки? спросилъ становой.

— Дюже много!—Да вы ужъ сдѣлайте милость, ваше благородіе, пожалуйте къ нимъ въ комнату.

— Ну, веди! — проворчалъ становой, и послѣдовалъ за Перфишкой.

Удивительное зрѣлище его ожидало.

Въ задней комнатѣ дома, сырой и темной, на убогой кровати, покрытой конскою попоной, съ дохматой буркой вмѣсто подушки, лежалъ Чертопхановъ, уже не блѣдный, а изжелтазеленый, какъ бываютъ мертвецы, со ввалившимися глазами подъ глянцевитыми вѣками, съ заостреннымъ, но все еще красноватымъ носомъ надъ взъерошенными усами. Лежалъ онъ одѣтый въ неизмѣнный свой архалукъ съ патронами на груди и въ

черкесскіе синіе шаровары. Папаха съ малиновымъ верхомъ закрывала ему лобъ до самыхъ бровей. Въ одной рукѣ Чертопхановъ держалъ охотничью нагайку—въ другой шитый кисетъ, послѣдній подарокъ Маши. На столѣ возлѣ кровати стоялъ пустой штофъ; а въ головахъ, прищипленные булавками къ стѣнѣ, виднѣлись два акварельныхъ рисунка: на одномъ, сколько можно было понять, былъ предетавленъ толстый человѣкъ съ гитарой въ рукахъ—вѣроятно Недопюскинъ; другой изображалъ скачущаго всадника... Лошадь походила на тѣхъ сказочныхъ животныхъ, которыхъ рисуютъ дѣти на стѣнахъ и заборахъ? но старательно оттушеванные яблоки ея масти и патроны на груди всадника, острые носки его сапоговъ и гомадные усы не оставляли мѣста сомнѣнію: этотъ рисунокъ долженствовалъ изобразить Пантелея Еремѣича верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Изумленный становой не зналъ, что пред-

принять. Мертвая тишина царствовала въ комнатѣ. „Да ужъ онъ скончался“, подумалъ онъ, и, возвысивъ голосъ, промолвилъ:— Пантелей Еремѣичъ? А Пантелей Еремѣичъ.

Тогда произошло нѣчто необыкновенное. Глаза Чертопханова медленно раскрылись, потухшіе зрачки двинулись сперва справа налѣво, потомъ слѣва направо, остановились на посѣтителѣ, увидали его... Что-то замерцало въ ихъ тусклой бѣлизнѣ, подобіе взора въ нихъ проявилось? — посинѣвшія губы постепенно расклеились и послышался сиплый, ужъ точно гробовой голосъ:

— Столбовой дворянинъ Пантелей Чертопхановъ умираетъ? кто можетъ ему препятствовать?—Онъ никому не долженъ, ничего не требуетъ... Оставьте его люди? Идите.

Рука съ нагайкой попыталась приподняться... Напрасно? Губы опять склеились, глаза закрылись — и попрежнему лежалъ Чертопхановъ на своей жесткой кровати, вытянувшись какъ пластъ и сдвинувъ подошвы.

— Дай знать, когда скончается, шепнулъ, выходя изъ комнаты, становой Перфишкѣ. — а за попомъ, я полагаю, сходить и теперь можно. Надо-жъ порядокъ соблюсти, особоровать его.

Перфишка въ тотъ же день сходилъ за попомъ, а на слѣдующее утро ему пришлось дать знать становому: Пантелей Еремѣичъ скончался въ ту же ночь.

Когда его хоронили, гробъ его провожали два человѣка: казачокъ Перфишка да Мешель Лейба. Вѣсть о кончинѣ Чертопханова какимъ-то образомъ дошла до жида — и онъ не преминулъ отдать послѣдній долгъ своему благодѣтелю.

Живыя мощи *).

Французская поговорка гласитъ: „сухой рыбакъ и мокрый охотникъ являютъ видъ печальный“. Не имѣвъ никогда пристрастія къ рыбной ловлѣ, я не могу судить о томъ, что испытываетъ рыбакъ въ хорошую ясную погоду и на сколько, въ ненастное время, удовольствіе, доставляемое ему обильной добычей, перевѣшиваетъ непріятность

*) Наброски двухъ отрывковъ изъ „Записокъ Охотника“: „Живыя мощи“ и „Стучитъ“! были найдены авторомъ въ черновыхъ его бумагахъ въ 1874 году— и тогда-же дописаны, одинъ для „Складчины“, другой для —изданія Салаевыхъ. — Въ первое собраніе „Записокъ Охотника“ они не были включены по той причинѣ, что не имѣли прямаго отношенія къ главной мысли, руководившей тогда авторомъ.

быть мокрымъ. Но для охотника дождь—сущее бѣдствіе. Именно такому бѣдствію подверглись мы съ Ермолаемъ въ одну изъ нашихъ поѣздокъ за тетеревами въ Бѣлевскій уѣздъ.—Съ самой утренней зари дождь не переставалъ. Ужъ чего-чего мы ни дѣлали, чтобы отъ него избавиться? И резинковые плащики чуть не на самую голову надѣвали, и подъ деревья становились, чтобы поменьше капало... Непромокаемые плащики, не говоря уже о томъ, что мѣшали стрѣлять, пропускали воду самымъ безстыднымъ образомъ? а подъ деревьями—точно, на первыхъ порахъ, какъ будто и не капало, но потомъ вдругъ накопившаяся въ листвѣ влага прорывалась, каждая вѣтка обдавала насъ какъ изъ дождевой трубы, холодная струйка забиралась подъ галстукъ и текла вдоль спиннаго хребта... А ужъ это послѣднее дѣло? какъ выражался Ермолай. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, воскликнулъ онъ наконецъ, Эвакъ нельзя?... Нельзя

сегодня охотиться. Собакамъ *чучье* заливаетъ, ружья осѣкаются.... Тьфу. Задача.

— Что же дѣлать? спросилъ я.

— А вотъ что. — Поѣдемте въ Алексѣевку. Вы можетъ не знаете — хуторокъ такой есть, — матушкѣ вашей принадлежитъ; отсюда верстъ восемь. Переночуемъ тамъ, а завтра....

— Сюда вернемся?

— Нѣтъ, не сюда..... Мнѣ за Алексѣевкой мѣста извѣстны..... многимъ лучше здѣшнихъ для тетеревовъ!

Я не сталъ разспрашивать моего вѣрнаго спутника, зачѣмъ онъ не повезъ меня прямо въ тѣ мѣста, и въ тотъ же день мы добрались до матушкина хуторка, существованія котораго я, признаться сказать, и не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ. При этомъ хуторкѣ оказался флигелекъ, очень ветхій, но нежилой и потому чистый; я провелъ въ немъ довольно спокойную ночь.

На слѣдующій день я проснулся ранёхонь-

ко. Солнце только что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня. — Пока мнѣ закладывали тарантайку, я пошелъ побродить по небольшому, нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной глушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они навѣрно унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно — всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высились, Богъ вѣдаетъ откуда занесенные, остроконечные стебли темнозеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый ямшаникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно; тихо, сухо, пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста, повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, подмостковъ.

Я приблизился — и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое!

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать ни взять — икона

старинnаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать,—только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь пристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое,—но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу—силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — произноситъ опять голосъ? онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ.—Да и гдѣ узнать!—Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей въ Спасскомъ водила... помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья! воскликнулъ я.—Ты ли это? Возможно-ли?

— Я, да, баринъ,—я. Я—Лукерья.

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно-ли? Эта мумія—Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ,—высокая, полная, бѣдая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья! Лукерья. умница Лукерья, за которою ухаживали всѣ наши молодые парни, по которой я самъ втайнѣ вздыхалъ, я — шестнадцатилѣтній мальчикъ!

— Помилуй, Лукерья, проговорилъ я наконецъ,—что это съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастіемъ моимъ,—сядьте вонъ на кадушечку—поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь я, какая голосистая стала!... Но, ужъ и рада же я, что увидала васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но безъ остановки.

— Меня Ермолай-охотникъ сюда завезъ. Но разскажи же ты мнѣ.

— Про бѣду-то мою разсказать? — Извольте, баринъ. — Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только-что помолвили за Василья Полякова—помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый, — еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было; въ Москву уѣхали учиться. — Очень мы съ Василіемъ слюбились, изъ головы онъ у меня не выходилъ, а дѣло было весною. Вотъ разъ ночью.... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится, соловей въ саду таково удивительно поетъ: сладко!... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается.... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: — Луша!.. Я глядь въ сторону, да знать съ просонья—оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ—да о землю

хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому—скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумило меня собственно то, что она, разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не на-прашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, продолжала Лукерья, стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже—ногами владѣть, ни стоять, ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется, все хуже, да хуже. Матушка ваша по добротѣ своей и лекарямъ меня показывала, и въ больницу посылала. Однако облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лекарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣ-

лали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали — и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ-конецъ.... Вотъ и порѣшили господа, что лечить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно.... ну, и переслали меня сюда — потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять усилилась улыбнуться.

— Это однакоже ужасно, твое положеніе! воскликнулъ я.... и не зная, что прибавить, спросилъ: а что же Поляковъ Василій? — Очень глупъ былъ этотъ вопросъ.

Лукерья отвела глаза немного всторону.

— Что Поляковъ?—Потужилъ, потужилъ —да и женился на другой: на дѣвушкѣ изъ Глиннаго. Знаете Глинное? Отъ насъ недалече. Аграфеной ее звали. Очень онъ меня любилъ,—да вѣдь человѣкъ молодой — не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я ему могла быть подруга? А жену

онъ нашелъ себѣ хорошую, добрую, — и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ у сосѣда въ прикащикахъ живетъ: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

— И такъ, ты все лежишь да лежишь? спросилъ я опять.

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станетъ — меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобой ходитъ? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть-то почитай что не ѣмъ ничего, а вода—вонъ она въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть сиротка; нѣтъ, нѣтъ да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ

была..... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насъ нѣтъ,—были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу—сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ! А иной—слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется—я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый. Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу.

Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить?—многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: тебя, молъ, исповѣдывать нечего: развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь?—Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка?—Ну, говоритъ, а самъ смѣется—это грѣхъ не великій.

—Да я, должно быть, и этимъ самымъ мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна, продолжала Лукерья,—потому я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того—не вспоминать. Время скорѣй проходитъ.

Я, признаюсь, удивился.—Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

—Ой-нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всег-

да могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ... а такъ лежу я себѣ, лежу полеживаю—и не думаю; чую, что жива, дышу—и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на насѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! — Одна влетитъ, къ гнѣздышку припадетъ, дѣтокъ накормитъ— и вонъ. Глядишь—ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ—ну пищать, да клювы раззѣвать... Я ихъ и на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-

то она, ласточка, не больше жука.... Какіе вы, господа охотники, злые.

— Я ласточекъ не стрѣляю, поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, начала опять Лукерья, вотъ смѣху-то было. Заяцъ забѣжалъ, право. Собаки что-ли за нимъ гнались,—только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ.... Сѣлъ близехонько—и долго таки сидѣлъ,—все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ. И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогъ оглянулся — да и былъ таковъ. Смѣшной такой.

Лукерья взглянула на меня... аль, молъ, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книгъ здѣсь

нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь; да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ. — Вотъ тутъ-то хорошо, не думать:

— А то я молитвы читаю, продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья. Только немного я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ—значитъ онъ меня любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳистъ Всѣмъ Скорбящимъ,—да и опять полеживаю себѣ безо всякой думочки. И ничего.

Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанья и не шевелился на узенькой кадушкѣ, служившей мнѣ сидѣньемъ. Жестокая, камен-

ная неподвижность лежавшаго передо мною живаго, несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Послушай, Лукерья, началъ я наконецъ. Послушай, какое я тебѣ предложеніе сдѣлаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя въ больницу перевезутъ, въ хорошую городскую больницу. Кто знаетъ, быть можетъ, тебя еще вылечатъ. Во ксякомъ случаѣ ты одна не будешь ...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями. — Охъ, нѣтъ, баринъ, промолвила она озабоченнымъ шопотомъ, не переводите меня въ больницу, не трогайте меня. Я тамъ только больше муки приму. — Ужъ куда меня лѣчить!... Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда пріѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа-ради. Куда, переворачивать меня сталъ, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говоритъ: это я для учености дѣлаю; на то я служащій человѣкъ, ученый. И ты, говоритъ, не

моги мнѣ противиться, потому что мнѣ за мои труды орденъ на шею данъ, и я для васъ же, дураковъ, стараюсь. Потормошилъ, потормошилъ меня, назвалъ мнѣ мою болѣзнь—мудрено таково—да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣтъ, не всегда. Ко мнѣ ходятъ. Я смирная — не мѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, поговорятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Кіевъ, про святые города, мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей, ей!... Баринъ, нетрогайте меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ.

—Ну, какъ хочешь, какъ хочешь, Лукерья. Я вѣдь для твоей же пользы полагалъ...

—Знаю, баринъ, что для моей пользы. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ се-

бѣ человѣкъ помогай! Вы вотъ не повѣрите— а лежу я иногда такъ-то одна.... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я—живая! И чудится мнѣ, будто что̀ меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышленіе—даже удивительно.

— О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать; не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было — не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди—ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула съ трудомъ. Грудь ей не повиновалась, также, какъ и остальные члены.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ, начала она снова, очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право. Я

вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!... знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?... Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія. Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою Въ теперешнемъ моемъ званіи—оно не годится.

— Какъ же ты поешь ихъ... про себя?

— И про себя, и голосомъ. Громко-то не могу, а все—понять можно. Вотъ я вамъ сказывала — дѣвочка ко мнѣ ходитъ. Сиротка, значитъ, понятливая. Такъ вотъ я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постойте, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ.... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить сло-

во, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. „Во лузяхъ“ пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить.... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ не могу, проговорила она вдругъ,— силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня— и ея темныя вѣки, опушенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, онѣ заблистали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился по прежнему.

— Экая я! проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой, и раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу.—Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось.... съ самаго того дня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ да разговаривалъ — ну, ничего; а какъ ушелъ онъ—поплакала я таки въ одиночку! Откуда бралось!... Да вѣдь у нашей сестры слезы некупленныя.—Баринъ, прибавила Лукерья, чай у васъ платочекъ есть.... не Побрезгуйте, утрите мнѣ глаза.

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе — и платокъ ей оставилъ. Она сперва отказывалась... на что, молъ, мнѣ такой подарокъ? Платокъ былъ очень простой, но чистый и бѣлый, Потомъ она схватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала ихъ болѣе. Привыкнувъ къ темнотѣ, въ которой мы оба находились, я могъ ясно различить ея черты,

могъ даже замѣтить тонкій румянецъ, проступившій сквозь бронзу ея лица, могъ открыть въ этомъ лицѣ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, — слѣды его бывалой красоты.

— Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня, заговорили опять Лукерья, — сплю-ли я. Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ сны вижу; хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу; такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько — анъ я вся, какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая... И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣся-

цемъ должна я эту самую рожь сжать дочиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпитъ, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался — такъ вотъ я себѣ вѣнокъ сперва совью: жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ таютъ, хоть ты что. И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ слышу — кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: Луша! Луша!... Ай, думаю, бѣда — не успѣла. Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь — по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорехонько — только не Вася — а самъ Христосъ. И почему я узнала, что это Христосъ — сказать не

могу, — такимъ его не пишутъ, — а только онъ. Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ, — только поясъ золотой, — и ручку мнѣ протягиваетъ. — „Не бойся, говоритъ, невѣста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія“. — И я къ его ручкѣ какъ прильну! — собачка моя сейчасъ меня за ноги... Но тутъ мы взвились. Онъ впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки, — и я за нимъ. И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка — болѣзнь моя и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ.

Лукерья умолкла на минуту.

— А то еще видѣла я сонъ, начала она снова, а быть можетъ это было мнѣ видѣніе — я ужъ не знаю. Почудилось мнѣ будто я въ самой этой плетушкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мнѣ низко,

а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? А за тѣмъ, говорятъ, что такъ какъ ты на семъ свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила; теперь наши грѣхи побѣждаешь. И сказавши это, родители мнѣ опять поклонились— и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мною было. Даже батюшкѣ на духу разсказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину.

— А то вотъ еще какой мнѣ былъ сонъ, продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я эдакъ будто на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу отруганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана— какъ есть странница! И идти мнѣ куда-то

далеко-далеко на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся; а она вдругъ верть — да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: кто ты? — А она мнѣ говоритъ: „Я смерть твоя“. Мнѣ чтобы испугаться, а я напротивъ — рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: „Жаль мнѣ тебя, Лукерья, — но взять я тебя съ собою не могу. — Прощай.“ Господи, какъ мнѣ тутъ грустно стало?... „Возьми меня“, говорю, „матушка, голубушка, возьми.“ — И смерть моя обернулась ко мнѣ,

стала мнѣ выговаривать.... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неявственно.... Послѣ, молъ, Петровокъ.... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные.

Лукерья подняла глаза кверху.... задумалась....

— Только вотъ бѣда моя: случается, цѣлая недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня да и дала мнѣ скляночку съ лекарствомъ противъ безсонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и какъ его получить?

Проѣзжавшая барыня очевидно дала Лукерьѣ опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять-таки не могъ не подивиться вслухъ ея терпѣнью.

— Эхъ, баринъ! — возразила она. Что вы это. Какое терпѣніе? Вотъ Симеона Стол-

пника терпѣніе было великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетникъ: была нѣкая страна и ту страну Агаряне завоевали, и всѣхъ жителей они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявись тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на Агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть. — И Агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ. А я что.

Подивился я тутъ про себя, куда и въ какомъ видѣ зашла легенда объ Іоаннѣ д'Аркъ, и помолчавъ немного, спросилъ Лукерью: сколько ей лѣтъ.

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будетъ. Да что ихъ считать, года-то. Я вамъ еще вотъ что доложу... Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, замѣтилъ я ей, — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда, прошептала она едва слышно, — разговоркѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лекарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ — не нужно ли ей чего.

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила. Земли у нихъ недостаточно, угодій

нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу, и подходилъ уже къ дверямъ... она подозвала меня опять.

— Помните, баринъ, сказала она — и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ — какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ. Я долго не рѣшалась... Эдакіе волосы!... Но гдѣ жъ ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!... Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала.., Да... Ну, простите, баринъ. Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали „Живыя Мощи“, что впрочемъ отъ нея никакого не видать безпокойства; ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. — „Сама ничего не требуетъ, а напротивъ — за все благодарна; тихоня, какъ есть ти-

хоня, такъ сказать надо. Богомъ убитая“ — такъ заключилъ десятскій — „стало быть за грѣхи, но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее — нѣтъ, мы ее не осуждаемъ. Пущай ее!“

Нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и „послѣ Петровокъ“. Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничный. Впрочемъ Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а „сверху“. — Вѣроятно она не посмѣла сказать: съ неба.

Изъ приведенныхъ нами двухъ разсказовъ Ивана Сергѣевича Тургенева, ясно видно что не много найдется у насъ такихъ даровитыхъ писателей—и дѣйствительно И. С. болѣе всѣхъ другихъ писателей пользуется симпатіей публики. Изданія его сочиненій расходятся у насъ одно за другимъ и вы не найдете самой маленькой частной библіотеки, гдѣ-бы небыло Тургенева; его произведенія переводятся на иностранные языки немедленно по ихъ выходѣ въ свѣтъ и чрезвычайно интересуютъ иностранцевъ. Что причиною этому — неподражаемая-ли художественность формы, или та способность жить согласно жизни русскаго образованнаго общества и съ истинно геніальною чуткостію воспринимать и передавать ея явленія? Надо думать, что то и другое вмѣстѣ. Какъ-бы небылъ великъ талантъ художника, но кросата формы не можетъ замѣнить содержанія, и на оборотъ: въ художественномъ произведеніи и мысль должна быть

выражена художественнымъ образомъ, иначе она теряетъ свою силу, а произведеніе свой интересъ. Изображаемые имъ люди, судьба которыхъ должна была возбудить участіе, состраданіе, ужасъ или же негодованіе, ненависть и отвращеніе, являются среди его великолѣпныхъ описаній природы, какъ будто-бы что-то второстепенное, въ родѣ человѣческихъ фигуръ на ландшафтахъ; но онъ очень хорошо понималъ что человѣкъ прежде всего интересуется человѣкомъ же, и поэтому раньше или позже обратилъ на него вниманіе. Въ „Запискахъ Охотника", наши селы и деревни и бытъ ихъ обитателей, на которыхъ И. С. смотрѣлъ съ чувствомъ искренней любви, глазами живописца и описалъ перомъ вдохновеннаго поэта — стоятъ передъ нами какъ живыя.

Помѣщаемъ здѣсь еще два хорошенькіе разсказа И. С. Тургенева: „Яковъ Пасынковъ и „Странная Исторія“:

ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ.

I.

Дѣло было въ Петербургѣ, зимой, въ первый день масляницы. Меня пригласилъ къ себѣ обѣдать одинъ мой пансіонерскій товарищъ, слывшій въ молодости за красную дѣвицу и оказавшійся въ послѣдствіи человѣкомъ вовсе не застѣнчивымъ. Онъ уже теперь умеръ, какъ бо́льшая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, обѣщали прійдти къ обѣду нѣкто Константинъ Александровичъ Асановъ, да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконецъ записку, что не будетъ,

а на мѣсто ея явился маленькій, бѣлокурый господинъ, одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ незваныхъ гостей, которыми Петербургъ изобилуетъ.

Обѣдъ продолжался долго; хозяинъ не жалѣлъ винъ, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый изъ насъ таилъ у себя на душѣ — а кто не таитъ чего-нибудь на душѣ? — выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выраженіе; глаза его нагло заблистали и пошлая усмѣшка скривила его губы; бѣлокурый господинъ смѣялся какъ-то дрянно, съ глупымъ визгомъ; но Асановъ больше всѣхъ удивилъ меня. Этотъ человѣкъ всегда отличался чувствомъ приличія, а тутъ началъ вдругъ проводить рукою по лбу, ломаться, хвастать ся своими связями, безпрестанно упоминать о какомъ-то дядюшкѣ своемъ, очень важномъ человѣкѣ... Я рѣшительно не узнавалъ его;

онъ явно подтрунивалъ надъ нами.... онъ чуть не брезгалъ нашимъ обществомъ. Нахальство Асанова меня разсердило.

— Послушайте, сказалъ я ему: —если мы такъ ничтожны въ вашихъ глазахъ, ступайте къ вашему знатному дядюшкѣ. Но, можетъ-быть, онъ васъ не пускаетъ къ себѣ?

Асановъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и продолжалъ проводить рукою по лбу.

— И что это за люди! говорилъ онъ опять: — вѣдь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ не бываютъ, ни съ одной порядочной женщиной не знакомы, а у меня тутъ (воскликнулъ онъ, проворно вытащивъ изъ боковаго кармана бумажникъ и стуча по немъ рукой)—цѣлый пукъ писемъ отъ такой дѣвушки, какой въ цѣломъ мірѣ не найдешь подобной!

Хозяинъ и бѣлокурый господинъ не обратили вниманія на послѣднія слова Асанова; они оба держали другъ друга за пуговицу

и оба что-то разсказывали, но я навострилъ уши.

— Вотъ вы и схвастнули, г. племянникъ знатнаго лица! сказалъ я, придвинувшись къ Асанову:—писемъ у васъ никакихъ нѣтъ.

— Вы думаете? возразилъ онъ, свысока поглядѣвъ на меня:—а это что! Онъ раскрылъ бумажникъ и показалъ мнѣ около десятка писемъ, адресованныхъ на его имя.... „Знакомый почеркъ!“ подумалъ я....

Я чувствую, что румянецъ стыда выступаетъ на мои щеки.... мое самолюбіе страдаетъ сильно.... Кому охота сознаться въ неблагородномъ поступкѣ?... Но дѣлать нечего: начавъ свой разсказъ, я зналъ напередъ, что мнѣ придется покраснѣть до ушей. Итакъ, скрѣпя сердце, я долженъ сознаться, что....

Вотъ въ чемъ дѣло: я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшаго письма на залитую шампанскимъ скатерть

(у меня у самаго въ головѣ порядкомъ шумѣло) и быстро пробѣжалъ одно изъ этихъ писемъ....

Сердце во мнѣ сжалось.... Увы! я самъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая писала къ Асанову, и теперь ужъ я не могъ сомнѣваться въ томъ, что она его любитъ. Все письмо, написанное по-французски, дышало нѣжностью и преданностью....

Mon cher ami Constantin!“ такъ начиналось оно.... а кончалось словами: „будьте осторожны попрежнему, а я буду ничья, или ваша“.

Оглушенный, какъ громомъ, я нѣсколько мгновеній просидѣлъ неподвижно, однако наконецъ опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты....

Черезъ четверть часа я уже былъ на своей квартирѣ.

Семейство Злотницкихъ было одно изъ первыхъ, съ которымъ я познакомился послѣ переѣзда моего въ Петербургъ изъ Москвы. Оно состояло изъ отца, матери, двухъ дочерей и сына. Отецъ, уже сѣдой, но еще свѣжій мужчина, бывшій военный, занималъ довольно важное мѣсто, утромъ находился на службѣ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ игралъ въ карты въ клубѣ... Дома онъ бывалъ рѣдко, разговаривалъ мало и неохотно, посматривалъ изъ-подлобья не то угрюмо, не то равнодушно, и, кромѣ путешествій и географій, не читалъ ничего, а когда занемогалъ, раскрашивалъ картинки, запершись въ своемъ кабинетѣ, или дразнилъ стараго сѣраго попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, съ черными впалыми глазами и острымъ носомъ, по цѣлымъ днямъ не сходила съ дивана и все вышивала подушки по канвѣ; она, сколько я могъ замѣтить, побаивалась

мужа, точно она въ чемъ передъ нимъ когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая дѣвушка, лѣтъ восьмнадцати, все сидѣла у окна и разглядывала прохожихъ. Сынокъ воспитывался въ казенномъ заведеніи, являлся домой только по воскресеньямъ, и тоже не любилъ понапрасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та дѣвица, въ которую я влюбился, была свойства молчаливаго. Въ домѣ Злотницкихъ постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Пошки прерывали ее, но гости скоро привыкали къ нимъ и снова ощущали на себѣ тяжесть и гнетъ этой вѣчной тишины. Впрочемъ, гости рѣдко заглядывали къ Злотницкимъ: скучно было у нихъ. Самая мебель, красные съ желтоватыми разводами обои въ гостиной, множество плетенныхъ стульевъ въ столовой, гарусныя полинялыя подушки съ изображеніемъ дѣвицъ и собакъ по ди-

ванамъ, рогатыя лампы и сумрачные портреты на стѣнахъ—все внушало невольную тоску, отъ всего вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и кислымъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я почелъ долгомъ явиться къ Злотницкимъ: они доводились съ-родни моей матушкѣ. Я съ трудомъ высидѣлъ часъ и долго не возвращался; но понемногу сталъ ходить все чаще и чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мнѣ не понравилась и въ которую я, наконецъ, влюбился.

Это была дѣвушка небольшаго роста, стройная, почти худая, съ блѣднымъ лицомъ, густыми, черными волосами и большими, карими, всегда полузакрытыми глазами. Ея черты, строгія и рѣзкія, особенно ея сжатыя губы выражали твердость и силу воли. Въ домѣ знали ее за дѣвушку съ характеромъ.... „По старшей сестрѣ пошла, по Катеринѣ“, сказала однажды г-жа Злотницкая, сидя со мной наединѣ (при мужѣ

она не смѣла упоминать объ этой Катеринѣ). „Вы ея не знаете: она на Кавказѣ, замужемъ. Тринадцати лѣтъ, представьте, влюбилась въ своего теперешняго мужа, и тогда же намъ объявила, что за другаго не пойдетъ. Ужь мы что ни дѣлали—ничего не помогло! До двадцати трехъ лѣтъ ждала, отца прогнѣвила, и пошла таки за своего идола. Долго ли до грѣха и съ Соничкой! Сохрани ее Господь отъ такого упрямства! А боюсь я за нее, вѣдь ей только шестнадцать лѣтъ минуло, а ужь ея не переломишь“...

Вошелъ г. Злотницкій; жена его тотчасъ замолкла.

Собственно мнѣ Софья полюбилась не за силу воли—нѣтъ, но въ ней, при всей ея сухости, при недостаткѣ живости и воображенія, была своего рода прелесть, прелесть прямодушія, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважалъ ее, сколь-

ко любилъ.... Мнѣ казалось, что и она ко мнѣ благоволила, разочароваться въ ея привязанности, убѣдиться въ ея любви къ другому было мнѣ очень больно.

Неожиданное открытіе, сдѣланное мною, тѣмъ болѣе удивило меня, что г. Асановъ посѣщалъ домъ Злотницкихъ нечасто, гораздо рѣже меня, и никакого особаго предпочтенія Соничкѣ не оказывалъ. Это былъ красивый брюнетъ съ выразительными, хотя нѣсколько тяжелыми, чертами лица, съ блестящими глазами на-выкатѣ, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и пухлыми, красными губками подъ тонкими усами. Онъ держалъ себя весьма скромно, но строго, говорилъ и судилъ самоувѣренно, молчалъ съ достоинствомъ. Видно было, что онъ много о себѣ думалъ. Асановъ смѣялся рѣдко, и то сквозь зубы, и никогда не танцовалъ. Сложенъ онъ былъ довольно мѣшковато. Онъ когда-то служилъ въ....мъ полку и слылъ за дѣльнаго офицера.

„Странное дѣло!“ размышлялъ я, лежа на диванѣ: „какъ же это я ничего не замѣтилъ?“... „Будьте осторожны попрежнему“: эти слова Софьина письма вдругъ пришли мнѣ на память. „А! подумалъ я: вотъ что! Вишь, хитрая дѣвчонка! А я считалъ ее откровенной и искренной.... Ну, такъ постойте же, я покажу вамъ“....

Но тутъ я, сколько мнѣ помнится, заплакалъ горько и до утра не могъ заснуть.

На другой день, часу во второмъ, отправился я къ Злотницкимъ. Старика не было дома, и жена его не сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ: у ней, послѣ блиновъ, разболѣлась голова, и она пошла полежать къ себѣ въ спальню. Варвара стояла, прислонившись плечомъ къ окну, и глядѣла на улицу; Софья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ на груди руки; Попка кричалъ.

— А! здравствуйте! лѣниво проговорила

Варвара, какъ только я вошелъ въ комнату, и тотчасъ прибавила вполголоса: — а вонъ мужикъ идетъ съ лоткомъ на головѣ... (У ней была привычка произносить изрѣдка и, словно про себя, замѣчанія о прохожихъ).

— Здравствуйте, отвѣтилъ я: — здравствуйте, Софья Николаевна. А гдѣ Татьяна Васильевна?

— Пошла отдохнуть, возразила Софья, продолжая расхаживать по комнатѣ.

— У насъ блины были, замѣтила Варвара, не оборачиваясь. — Что вы не пришли?... Куда этотъ писарь идетъ?

— Да некогда было. — („На кра-улъ!" рѣзко закричалъ попугай.) — Какъ вашъ Попка сегодня кричитъ.

— Онъ всегда такъ кричитъ, промолвила Софья.

Всѣ мы помолчали.

— Зашелъ въ ворота, проговорила Варвара, и вдругъ встала на оконницу и отворила форточку,

— Что ты? спросила Софья.

— Ницій, отвѣтила Варвара, нагнулась, достала съ окна мѣдный пятакъ, на которомъ еще возвышался сѣренькой кучкой пепелъ курительной свѣчки, бросила пятакъ на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на полъ....

— А я вчера очень пріятно время провелъ, началъ я, садясь въ кресла:—я обѣдалъ у одного пріятеля; тамъ былъ Константинъ Александрычъ.... (Я посмотрѣлъ на Софью: у ней даже бровь не поморщилась.) — И, надобно сознаться, продолжалъ я:—мы-таки покутили: вчетверомъ бутылокъ восемь выпили.

— Вотъ какъ! спокойно произнесла Софья и покачала головой.

— Да, продолжалъ я, слегка раздраженный ея равнодушіемъ:—и знаете ли что Софья Николаевна? вѣдь точно не даромъ гласитъ пословица, что истина въ винѣ.

— А что?

— Константинъ Александрычъ насъ разсмѣшилъ. Представьте себѣ: вдругъ принялся этакъ рукою по лбу проводить и приговаривать: „какой я молодецъ! у меня дядя знатный человѣкъ!“....

— Ха-ха! раздался короткій, отрывистый смѣхъ Варвары.... „Попка! попка! попка!“ забарабанилъ ей въ отвѣтъ попугай.

Софья остановилась передо мною и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— А вы что говорили, спросила она: — не помните?

Я невольно покраснѣлъ.

— Не помню! должно-быть, и я хорошъ былъ. — Дѣйствительно, прибавилъ я съ значительной разстановкой: — пить вино опасно: какъ-разъ проболтаешься, и то скажешь, что бы никому не слѣдовало знать. Будешь раскаяваться послѣ, да ужь поздно.

— А вы развѣ проболтались? спросила Софья.

— Я не о себѣ говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнатѣ. Я глядѣлъ на нее и внутренно бѣсился. „Вѣдь вишь, думалъ я, ребенокъ, дитя, а какъ собой владѣетъ! Каменная, просто. Да вотъ постой“...

— Софья Николаевна... проговорилъ я громко.

Софья остановилась.

— Что вамъ?

— Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепьяно? Кстати, мнѣ вамъ нужно что-то сказать, прибавилъ я, понизивъ голосъ.

Софья, ни слова не говоря, пошла въ залу; я отправился вслѣдъ за ней. Она остановилась у рояля.

— Что же мнѣ вамъ сыграть? спросила она.

— Что хотите... ноктюрнъ Шопена.

— Софья начала ноктюрнъ. Она играла довольно плохо, но съ чувствомъ. Сестра ея

играла одни польки и вальсы, и то рѣдко. Подойдетъ, бывало, своей лѣнивой походкой къ роялю, сядетъ, спуститъ бурнусъ съ плечъ на локти (я не видалъ ея безъ бурнуса), заиграетъ громко одну польку, не кончитъ, начнетъ другую, потомъ вдругъ вздохнетъ, встанетъ и отправится опять къ окну. Странное существо была эта Варвара!

Я сѣлъ подлѣ Софьи.

— Софья Николаевна, началъ я, пристально посматривая на нее сбоку: — я долженъ вамъ сообщить одну непріятную для меня новость.

— Новость? какую?

— А вотъ какую... Я до сихъ поръ въ васъ ошибался, совершенно ошибался.

— Какимъ это образомъ? возразила она, продолжая играть и устремивъ глаза на свои пальцы.

— Я думалъ, что вы откровенны; я ду-

малъ, что вы не умѣете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить...

Софья приблизила лицо свое къ нотамъ.

— Я васъ не понимаю.

— А главное, продолжалъ я: — я никакъ не могъ вообразить, что вы, въ ваши годы, уже умѣете такъ мастерски разыгрывать роль...

Руки Софьи слегка дрожали надъ клавишами.

— Что вы это говорите? проговорила она, все не глядя на меня: — я разыгрываю роль?

— Да, вы. (Она усмѣхнулась... Злость меня взяла)... Вы притворяетесь равнодушной къ одному человѣку и... и пишете къ нему письма, прибавилъ я шопотомъ.

Щеки Софьи поблѣднѣли, но она не обернулась ко мнѣ, доиграла ноктюрнъ до конца, встала и закрыла крышу рояля.

— Куда же вы? спросилъ я ее не безъ смущенія. — Вы мнѣ не отвѣчаете.

— Что мнѣ вамъ отвѣчать Я не знаю о чемъ вы говорите... А притворяться я не умѣю-

Она начала укладывать ноты...

Кровь мнѣ бросилась въ голову.

— Нѣтъ, вы знаете, о чемъ я говорю, промолвилъ я, также вставая: — и хотите ли, я вамъ сейчасъ напомню нѣкоторыя ваши выраженія въ одномъ письмѣ: — „будьте осторожны по прежнему“...

Софья слегка вздрогнула.

— Я этого никакъ отъ васъ не ожидала, проговорила она наконецъ.

— И я никакъ не ожидалъ, подхватилъ: — что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашимъ вниманіемъ человѣка, который...

Софья быстро ко мнѣ обернулась; я невольно отступилъ отъ нея: глаза ея, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными и гнѣвно сверкали изъ подъ бровей.

— А! коли такъ, проговорила она: — знайте же, что я люблю этого человѣка и что мнѣ совершенно все-равно какого вы мнѣнія о немъ и моей любви къ нему. И съ чего вы взяли?... Какое вы имѣете право это говорить? А если я на что рѣшилась...

Она умолкла и проворно вышла вонъ изъ залы.

Я остался. Мнѣ вдругъ стало такъ неловко и такъ совѣстно, что я закрылъ лицо руками. Я понялъ все неприличіе, всю низость своего поведенія и, задыхаясь отъ стыда и раскаянія, стоялъ какъ опозоренный. „Боже мой!“ думалъ я: „что я надѣлалъ!“

— Антонъ Никитичъ, послышался голосъ горничной въ передней: — пожалуйте скорѣй стаканъ воды для Софьи Николаевны.

— А что? отвѣтилъ буфетчикъ.

— Кажись, плачутъ-съ...

Я содрогнулся и пошелъ въ гостинную за своей шляпой.

— О чемъ вы толковали съ Сонечкой? равнодушно спросила меня Варвара и, помолчавъ немного, прибавила вполголоса: — опять этотъ писарь идетъ.

Я началъ раскланиваться.

— Куда же вы? Погодите: маменька сейчасъ выйдетъ.

— Нѣтъ, ужь мнѣ нельзя, проговорилъ я: — ужь лучше въ другой разъ.

Въ это мгновеніе, къ ужасу моему, именно къ ужасу, Софья твердыми шагами вошла въ гостиную. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго и вѣки чуть-чуть покраснѣли. На меня она и не взглянула.

— Посмотри, Соня промолвила Варвара: — какой-то писарь все около нашего дома ходитъ.

— Шпіонъ какой-нибудь... холодно и презрительно замѣтила Софья.

Это ужь было слишкомъ! Я ушелъ и, право, не помню, какъ дотащился домой.

Мнѣ было очень тяжело, такъ тяжело и горько, что и описать невозможно. Въ одни сутки два такіе жестокіе удара. Я узналъ что Софья любитъ другаго, и навсегда лишился ея уваженія. Я чувствовалъ себя до того уничтоженнымъ и пристыженнымъ, что даже негодовать на себя не могъ. Лежа на диванѣ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, я съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ предавался первымъ порывамъ отчаянной тоски, какъ вдругъ услыхалъ шаги въ комнатѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ одного изъ самыхъ короткихъ моихъ друзей — Якова Пасынкова.

Я готовъ былъ разсердиться на каждаго человѣка, который вошелъ бы ко мнѣ въ комнату въ этотъ день, но на Пасынкова сердиться не могъ никогда; напротивъ, несмотря на пожиравшее меня горе, я внутренно обрадовался его приходу и кивнулъ ему головой. Онъ, по обыкновенію, про-

шелъ раза два по комнатѣ, кряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоялъ передо мною и молча сѣлъ въ уголъ.

Я зналъ Пасынкова очень давно, почти съ дѣтства. Онъ воспитывался въ томъ же частномъ пансіонѣ нѣмца Винтеркеллера, въ которомъ и я прожилъ три года. Отецъ Якова, бѣдный отставной майоръ, человѣкъ весьма честный, но нѣсколько поврежденный въ умѣ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ этому нѣмцу, заплатилъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы, да и пропалъ безъ вѣсти... Изрѣдка ходили о немъ темные, странные слухи. Только лѣтъ черезъ восемь узнали съ достовѣрностью, что онъ утонулъ въ половодьѣ, переправляясь черезъ Иртышъ. Что его занесло въ Сибирь — Господь вѣдаетъ. У Якова другихъ родныхъ не было; мать его давнымъ-давно умерла. Онъ такъ и остался на рукахъ Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная

родственница, тётка, но до того бѣдная, что сначала боялась ходить къ своему племяннику, какъ бы не навязали его ей на шею. Страхъ ея оказался напраснымъ: добродушный нѣмецъ оставилъ у себя Якова, позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ другими воспитанниками, кормилъ его (за столомъ его, однако, обносили дессертомъ по буднямъ) и платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ камлотовыхъ капотовъ (большей частью табачнаго цвѣта) своей матери, престарѣлой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и вообще вслѣдствіе подчиненнаго положенія Якова въ пансіонѣ, товарищи обращались съ нимъ небрежно, глядѣли на него свысока, и называли его то бабьимъ капотомъ, то племянникомъ чепца (тётка его постоянно носила весьма странный чепецъ съ торчавшимъ кверху пучкомъ желтыхъ лентъ въ видѣ артишока), то сыномъ Ерма-

ка (такъ-какъ отецъ его утонулъ въ Иртышѣ). Но не смотря на эти прозвища, несмотря на смѣшныя его платья, на его крайнюю бѣдность, всѣ его очень любили, да и невозможно было его не любить: болѣе доброй, благородной души, я думаю, и на свѣтѣ не было. Учился онъ также очень хорошо.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, ему было лѣтъ шестнадцать, а мнѣ только-что минулъ тринадцатый годъ. Я былъ очень самолюбивый и избалованный мальчикъ, выросъ въ довольно богатомъ домѣ и потому, поступивъ въ пансіонъ, поспѣшилъ сблизиться съ однимъ князькомъ, предметомъ особенныхъ попеченій Винтеркеллера, да еще съ двумя тремя маленькими аристократами, а со всѣми другими важничалъ. Насынкова я не удостоилъ даже вниманія. Этотъ длинный и неловкій малый, въ безобразной куртке и короткихъ панталонахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали толстые нитяные чул-

ки, казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ казачка изъ дворовыхъ, или мѣщанскаго сына. Пасынковъ былъ очень вѣжливъ и кротокъ со всѣми, хотя ни въ комъ никогда не заискивалъ; если его отталкивали — онъ не унижался, и не дулся, а держался въ сторонѣ какъ бы сожалѣя и выжидая. Такъ онъ поступилъ и со мной. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, въ лѣтній, ясный день, проходя, послѣ шумной игры въ лапту, со двора въ садъ, увидѣлъ я Пасынкова, сидѣвшаго на скамейкѣ, подъ высокимъ кустомъ сирени. Онъ читалъ книгу. Я взглянулъ мимоходомъ на переплетъ и прочиталъ на спинкѣ имя Шиллера: „Schiller's Werke". Я остановился.

— Развѣ вы знаете по-нѣмецки? спросилъ я Пасынкова...

Мнѣ до сихъ поръ становится совѣстно, когда я вспомню, сколько пренебреженія было въ самомъ звукѣ моего голоса... На

сынковъ тихо поднялъ на-меня свои небольшіе, но выразительные глаза, и отвѣтилъ:

— Да, знаю; а вы?

— Еще бы! возразилъ я, ужь обиженный, и хотѣлъ-было идти дальше, да что-то удержало меня.

— А что именно читаете вы изъ Шиллера? спросилъ я съ прежней надменностью.

— Теперь, я читаю „Resignation“; прекрасное стихотвореніе. Хотите, я вамъ его прочту? Сядьте вотъ здѣсь, подлѣ меня, на скамейкѣ.

Я немного поколебался, однако сѣлъ. Пасынковъ началъ читать. По нѣмецки онъ зналъ гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мнѣ смыслъ нѣкоторыхъ стиховъ; но я ужь не стыдился ни своего незнанія, ни его превосходства передо мною. Съ того дня, съ самаго того чтенія вдвоемъ въ саду, въ тѣни сирени, я всей душой полюбилъ Пасынкова, сблизился съ нимъ и подчинился ему вполнѣ.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочемъ, онъ и послѣ мало измѣнился. Онъ былъ высокаго роста, худъ, долговязъ и довольно неуклюжъ. Узкія плечи и впалая грудь придавали ему болѣзненный видъ, хотя онъ не могъ пожаловаться на свое здоровье. Его большая, кверху закругленная голова слегка склонялась набокъ, мягкіе русые волосы висѣли жидкими косицами вокругъ тонкой шеи. Лицо его не было красиво и даже могло показаться смѣшнымъ, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, какъ бы нависшему надъ широкими и прямыми губами; но открытый лобъ его былъ прекрасенъ, и когда онъ улыбался, его маленькіе сѣрые глазки свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ добродушіемъ, что, при взглядѣ на него, у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ. Помню я также его голосъ, тихій и ровный, съ какою-то особенно пріятной сипотой. Онъ

говорилъ вообще мало и съ замѣтнымъ затрудненіемъ; но когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно и — странное дѣло! — голосъ его становился еще тише, взоръ его какъ будто уходилъ внутрь и погасалъ, а все лицо слабо разгоралось. Въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его дѣломудренная душа во всякое время была готова предстать передъ „святыню красоты“, она ждала только привѣта, прикосновенія другой души... Пасынковъ былъ романтикъ, одинъ изъ послѣднихъ романтиковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣтиться. Романтики теперь, какъ ужъ извѣстно, почти вывелись; по крайней мѣрѣ, между нынѣшними молодыми людьми ихъ нѣтъ. Тѣмъ хуже для нынѣшнихъ молодыхъ людей!

Около трехъ лѣтъ провелъ я съ Пасын-

ковымъ, какъ говорится, душа въ душу. Я былъ повѣреннымъ его первой любви. Съ какимъ благодарнымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивалъ я его признанья! Предметомъ его страсти была племянница Винтеркелдера, бѣлокурая, миленькая нѣмочка, съ пухленькимъ, почти дѣтскимъ личикомъ и довѣрчиво нѣжными голубыми глазками. Она была очень добра и чувствительна, любила Маттиссона, Уланда и Шиллера и весьма пріятно произносила стихи ихъ своимъ робкимъ и звонкимъ голосомъ. Любовь Пасынкова была самая платоническая; онъ видѣлъ свою возлюбленную только по воскресеньямъ (она выѣзжала играть въ фанты съ Винтеркелдеровыми дѣтьми) и мало съ ней разговаривалъ; за-то, однажды, когда она ему сказала: „mein lieber, lieber Herr Jacob!“ онъ всю ночь не могъ заснуть отъ избытка благополучія. Ему и въ голову не пришло тогда, что она всѣмъ его товари-

щамъ говорила: „mein lieber“. Помню я также скорбь его и уныніе, когда вдругъ распространилось извѣстіе, что фрейлейнъ Фридерике (такъ ее звали) выходитъ замужъ за герра Книфтуса, владѣльца богатой мясной лавки, очень красиваго и даже образованнаго мужчину, и выходитъ не по одному повиновенію родительской волѣ, но и по любви. Очень тяжело было тогда Пасынкову, и особенно страдалъ онъ въ день перваго посѣщенія молодыхъ. Бывшая фрейлейнъ, теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять подъ именемъ lieber Herr Jacob, своему мужу, у котораго все блестѣло: и глаза, и завитые въ кокъ черные волосы, и лобъ, и зубы, и пуговицы на фракѣ, и цѣпочка на жилетѣ, и самые сапоги на довольно, впрочемъ, большихъ, носками врозь поставленныхъ, ногахъ. Пасынковъ пожалъ господину Книфтусу руку, и пожелалъ ему (и искренно пожелалъ — я

въ этомъ увѣренъ) полнаго и продолжительнаго счастья. Это происходило при мнѣ. Помню я, съ какимъ удивленіемъ и сочувствіемъ глядѣлъ я тогда на Якова. Онъ казался мнѣ героемъ!... И потомъ, какіе грустныя происходили между нами бесѣды!— „Ищи утѣшенія въ искусствѣ“, говорилъ я ему. — „Да“, отвѣчалъ онъ мнѣ: — “и въ поэзіи“. — „И въ дружбѣ“, прибавлялъ я.— „И въ дружбѣ“, повторялъ онъ. О, счастливые дни!...

Горестно было мнѣ разстаться съ Пасынковымъ! Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ онъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, послѣ переписки, часто забавной, досталъ наконецъ свои бумаги и поступилъ въ университетъ. Онъ продолжалъ состоять на иждивеніи Винтеркеллера, но, вмѣсто камлотовыхъ куртокъ и брюкъ, получалъ уже обыкновенную одежду, въ воздаяніе за уроки по разнымъ предметамъ, которые препода-

валъ младшимъ воспитанникамъ. Насынковъ не перемѣнилъ своего обращенія со мною до самаго конца моего пребыванія въ пансіонѣ, хотя разница въ годахъ между нами уже начинала сказываться, и я, помнится, принимался ревновать его къ нѣкоторымъ изъ его новыхъ товарищей-студентовъ. Вліяніе его на меня было самое благотворное. Къ сожалѣнію, оно не было продолжительно. Приведу одинъ только примѣръ. Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать... Передъ Яковомъ у меня языкъ не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ, или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читалъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ немедленно, понемногу, отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно прекрасный край.... Помню я

одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью одѣлись впотьмахъ и украдкой вышли „помечтать“. На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтерокъ дулъ повременамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили, много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленныя звѣзды. Яковъ поднялъ глаза я, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами....
А надъ звѣздами ихъ Творецъ ..

Благоговѣйный трепетъ пребѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу... Сердце переполнилось...

Гдѣ тѣ восторги? Увы! тамъ же, гдѣ и молодость.

Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Якова лѣтъ восемь спустя. Я только что опредѣлился на службу, и ему кто-то доставилъ мѣстечко въ какомъ-то департаментѣ. Встрѣча наша была самая радостная. Никогда мнѣ не забыть того мгновенья, когда я, сидя однажды у себя дома, услыхалъ внезапно въ передней его голосъ... Какъ я вздрогнулъ, съ какимъ біеніемъ сердца вскочилъ и бросился ему на шею, не давъ ему времени снять съ себя шубу и раскутать шарфъ? Какъ жадно глядѣлъ я на него сквозь невольныя, свѣтлыя слезы умиленія. Онъ немного постарѣлъ въ послѣднія семь лѣтъ; морщины, тонкія, какъ слѣдъ иглы, кой-гдѣ пробороздили лобъ его, щеки слегка впали и волосы порѣдѣли, но бороды почти не прибавилось, и удыбка его осталась та же; и смѣхъ его, милый, внутренній, словно задыхающійся смѣхъ, остался тотъ же...

Боже мой! чего, чего, мы не переговорили

въ тотъ день... Сколько любимыхъ стиховъ прочли мы другъ другу. Я началъ его упрашивать переѣхать ко мнѣ на житье, но онъ не согласился, за то обѣщалъ заходить ко мнѣ ежедневно и сдержалъ свое обѣщаніе.

И душою Пасынковъ яе измѣнился. Онъ предсталъ предо мною тѣмъ же романтикомъ, какимъ я зналъ его. Какъ ни охватывалъ его жизненный холодъ, горькій холодъ опыта — нѣжный цвѣтокъ, рано разцвѣтшій въ сердцѣ моего друга, уцѣлѣлъ во всей своей нетронутой красѣ. Даже грусти, даже задумчивости не проявлялось въ немъ: онъ попрежнему былъ тихъ, но вѣчно веселъ душою.

Въ Петербургѣ жилъ онъ какъ-бы въ пустынѣ, не размышляя о будущемъ и не знаясь почти ни съ кѣмъ, Я его свелъ съ Злотницкими. Онъ къ нимъ ходилъ довольно часто. Не будучи самолюбивъ, онъ не былъ застѣнчивъ; но и у нихъ, какъ и вездѣ,

говорилъ мало, однако полюбился имъ. Тяжелый старикъ мужъ Татьяны Васильевны, и тотъ обходился съ нимъ ласково, и обѣ молчаливыя дѣвушки скоро къ нему привыкли.

Бывало, онъ придетъ, принесетъ съ собою въ заднемъ карманѣ сюртука какое-нибудь вновь вышедшее сочиненіе и долго не рѣшаеся читать, все вытягиваетъ шею на бокъ, какъ птица, да высматриваетъ: можно ли? наконецъ умѣстится въ уголку (онъ вообще любилъ сидѣть по угламъ), достанетъ книжку и примется читать, сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, изрѣдка перерывая самого себя короткими сужденіями или восклицаніями. Я замѣчалъ, что Варвара охотнѣе сестры къ нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ея. Сидитъ бывало, передъ Пасынковымъ, опершись на руки подбородкомъ, глядитъ ему—

не въ глаза, а такъ, во все лицо и словечка не промолвитъ, только шумно вздохнетъ вдругъ. — По вечерамъ, мы играли въ фанты, особенно въ воскресенія и въ праздники. Къ намъ тогда присоединялись двѣ барышни, сестры, отдаленныя родственницы Злотницкихъ, маленькія, кругленькія, хохотуньи страшныя, да нѣсколько кадетовъ и юнкеровъ, очень добрыхъ и тихихъ мальчиковъ. Пасынковъ всегда садился подлѣ Татьяны Васильевны, и вмѣстѣ съ ней придумывалъ что дѣлать тому, чей фантъ вынется.

Софья не любила нѣжностей и поцѣлуевъ, которыми обыкновенно выкупаются фанты, а Варвара досадовала, когда ей приходилось что-нибудь отыскивать или отгадывать. Барышни знай себѣ хохотали — откуда у нихъ смѣхъ брался, — меня иногда досада разбирала на нихъ глядя, а Пасынковъ только улыбался и головой покачивалъ. Старикъ

Злотницкій въ наши игры не вмѣшивался и даже не совсѣмъ ласково посматривалъ на насъ изъ-за дверей своего кабинета. Разъ только, совершенно неожиданно, вышелъ онъ къ намъ и предложилъ, чтобы та особа, чей фантъ вынется, провальсировала вмѣстѣ съ нимъ; мы разумѣется согласились. Вышелъ фантъ Татьяны Васильевны: она вся покраснѣла, смѣшалась и застыдилась, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка — но мужъ ея тотчасъ приказалъ Софьѣ сѣсть за фортепьяно, подошелъ къ женѣ и сдѣлалъ съ ней два тура, по старинному, въ три темпа. Помню я, какъ его желчное и темное лицо, съ неулыбавшимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не мѣняя своего строгаго выраженія. Вальсируя, онъ широко шагалъ и подпрыгивалъ; а жена его быстро сѣменила ногами и прижималась, какъ бы отъ страха, лицомъ къ его груди. Онъ довелъ ее до ея мѣста, по-

клонился ей, ушелъ къ себѣ и заперся. Софья хотѣла было встать. Но Варвара попросила ее продолжать вальсъ, подошла къ Пасынкову и, протянувъ руку, съ неловкой усмѣшкой сказала: хотите? Пасынковъ удивился, однако вскочилъ — онъ всегда отличался утонченной вѣжливостью — взялъ Варвару за талью, но съ перваго же шага поскользнулся и, быстро отдѣлившись отъ своей дамы, покатился прямо подъ тумбочку, на которой стояла клѣтка попугая... Клѣтка упала, попугай испугался и закричалъ: на кра-улъ? Поднялся общій хохотъ... Злотницкій показался на порогѣ кабинета, поглядѣлъ сурово и захлопнулъ дверь. Съ тѣхъ поръ стоило только вспомнить при Варварѣ объ этомъ происшествіи и она тотчасъ начинала смѣяться и съ такимъ выраженіемъ поглядывала на Пасынкова, какъ будто умнѣе того, что онъ тогда сдѣлалъ, не возможно было ничего придумать.

Пасынковъ очень любилъ музыку. Онъ часто просилъ Софью сыграть ему что-нибудь, садился къ сторонкѣ и слушалъ, изрѣдка подтягивая тонкимъ голосомъ на чувствительныхъ ноткахъ. Особенно любилъ онъ „Созвѣздія“ Шуберта. Онъ увѣрялъ, что когда при немъ играли „Созвѣздія,“ ему всегда казалось, что вмѣстѣ съ звуками, какіе-то голубые длинные лучи лились съ вышины ему прямо въ грудь. Я еще до сихъ поръ, при видѣ безоблачнаго ночнаго неба съ тихо шевелящимися звѣздами, всегда вспоминаю мелодію Шуберта и Пасынкова... Приходитъ мнѣ еще на умъ одна загородная прогулка. Мы поѣхали цѣлымъ обществомъ въ двухъ ямскихъ четвероместныхъ каретахъ въ Парголово. Помнится, кареты взяли съ Владомірской; онѣ были очень стары, голубого цвѣта, на круглыхъ рессорахъ, съ широкими козлами и клочками сѣна внутри; бурыя разбитыя лошади везли

насъ тяжёлой рысью, хромая каждая на разную ногу. Мы долго гуляли по сосновымъ рощамъ вокругъ Порголова, пили молоко изъ глиняныхъ кувшинчиковъ и ѣли землянику съ сахаромъ. Погода была чудесная. Варвара не любила много ходить, она скоро утомлялась, но на этотъ разъ она отъ насъ не отставала. Она сняла шляпу, волосы ея развились, тяжелыя черты оживились и щёки покраснѣли. Встрѣтивши въ лѣсу двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ, она вдругъ сѣла на землю, подозвала ихъ и не приласкала, а усадила ихъ возлѣ себя. Софья посмотрѣла на нихъ издали съ холодной улыбкой и не подошла къ нимъ. Она гуляла съ Асановымъ, а Злотницкій замѣтилъ, что Варвара настоящая насѣдка. Варвара встала и пошла прочь. Въ теченіи прогулки она нѣсколько разъ подходила къ Пасынкову и говорила ему: „Яковъ Ивановичъ, я вамъ что-то хочу сказать“, но что

она хотѣла ему сказать — осталось не извѣстнымъ.

Впрочемъ пора мнѣ возвратиться къ моему разсказу.

Я обрадовался приходу Пасынкова; но когда вспомнилъ о томъ, что сдѣлалъ наканунѣ, мнѣ стало невыразимо совѣстно, и я поспѣшно отвернулся опять къ стѣнѣ. Погодя немного, Яковъ спросилъ меня, здоровъ ли я.

— Здоровъ, отвѣчалъ я сквозь зубы: — только голова болитъ.

Яковъ ничего не отвѣтилъ и взялъ книгу. Прошло болѣе часу; я ужь собирался во всемъ сознаться Якову.... вдругъ въ передней прозвенѣлъ колокольчикъ.

Дверь на лѣстницу растворилась..... я прислушался..... Асановъ спрашивалъ моего человѣка, дома ли я.

Пасынковъ всталъ; онъ не любилъ Асанова, и, сказавъ мнѣ шопотомъ, что пойдетъ полежать на моей постели, отправился ко мнѣ въ спальню.

Минуту спустя, вошелъ Асановъ.

По одному покраснѣвшему лицу его, по короткому и сухому поклону, я догадался, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ не спроста. „Что-то будетъ?“ подумалъ я.

— Милостивый государь, началъ онъ, быстро садясь въ кресло: — я явился къ вамъ для того, чтобъ вы разрѣшили мнѣ одно сомнѣніе.

— А именно?

— А именно: я желаю знать, честный ли вы человѣкъ?

Я вспыхнулъ.

— Это что значитъ? спросилъ я.

— А вотъ что это значитъ... возразилъ онъ, словно отчеканивая каждое слово: — вчера я вамъ показывалъ бумажникъ съ

письмами одной особы ко мнѣ. Сегодня вы съ упрекомъ — замѣтьте, съ упрекомъ — пересказывали этой особѣ нѣсколько выраженій изъ этихъ писемъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Я желаю знать, какъ вы это объясните?

— А я желаю знать, какое *вы* имѣете право меня разспрашивать? отвѣтилъ я, весь дрожа отъ бѣшенства и внутренняго стыда. — Вольно вамъ было щеголять вашимъ дядюшкой, вашей перепиской; я то тутъ что? Вѣдь всѣ ваши письма цѣлы?

— Письма-то цѣлы; но я былъ вчера въ такомъ состояніи, что вы легко могли....

— Однимъ словомъ, милостивый государь, заговорилъ я, нарочно какъ можно громче: — я прошу васъ оставить меня въ покоѣ, слышите ли? Я ничего знать не хочу и объяснять вамъ ничего не стану. Ступайте къ той особѣ за объясненіями! (Я чувствовалъ, что у меня голова начинала кружиться).

Асановъ устремилъ на меня взглядъ, которому видимо старался придать выраженіе насмѣшливой проницательности, пощипалъ свои усики и всталъ не спѣша.

— Я теперь знаю, что мнѣ думать, промолвилъ онъ: — ваше лицо — лучшая вамъ улика. Но я долженъ вамъ замѣтить, что благородные люди такъ не поступаютъ.... Прочесть украдкой письмо и потомъ идти къ благородной дѣвушкѣ безпокоить ее....

— Убирайтесь вы къ черту! закричалъ я, затопавъ ногами: — и присылайте мнѣ секунданта; съ вами я не намѣренъ разговаривать.

— Прошу не учить меня, холодно возразилъ Асановъ: — а секунданта я и самъ хотѣлъ къ вамъ прислать!

Онъ ушелъ. Я упалъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Кто-то тронулъ меня за плечо; я принялъ руки — передо мной стоялъ Пасынковъ.

— Что это? правда?... спросилъ онъ меня:—ты прочелъ чужое письмо?

Я не имѣлъ силъ отвѣтить ему, но качнулъ утвердительно головой.

Пасынковъ подошелъ къ окну и, стоя ко мнѣ спиною, медленно проговорилъ: — Ты прочелъ письмо одной дѣвушки къ Асанову. Кто же была эта дѣвушка?

— Софья Злотницкая, отвѣчалъ я, какъ подсудимый отвѣчаетъ судьѣ.

Пасынковъ долго не вымолвилъ ни слова.

— Одна страсть можетъ до нѣкоторой степени извинить тебя, началъ онъ наконецъ.—Развѣ ты влюбленъ въ Злотницкую.

— Да.

Пасынковъ опять помолчалъ.

— Я это думалъ. И ты сегодня пошелъ къ ней и началъ упрекать ее....

— Да, да, да..., проговорилъ я съ отчаяньемъ. — Ты теперь можешь меня презирать....

Пасынковъ прошелся раза два по комнатѣ.

— А она его любитъ? спросилъ онъ.

— Любитъ....

Пасынковъ потупился и долго смотрѣлъ неподвижно на полъ.

— Ну, этому надо помочь, началъ онъ, поднявъ голову: — этого нельзя такъ оставить.

И онъ взялся за шляпу.

— Куда же ты?

— Къ Асанову.

Я вскочилъ съ дивана.

— Да я тебѣ не позволю. Помилуй! какъ можно! что онъ подумаетъ?

Пасынковъ поглядѣлъ на меня.

— А по твоему развѣ лучше дать этой глупости ходъ, себя погубить, дѣвушку опозорить?

— Да что ты скажешь Асанову?

— Я постараюсь вразумить его, скажу, что ты просишь у него извиненія....

— Да я не хочу извиняться предъ нимъ!

— Не хочешь? Развѣ ты не виноватъ?

Я посмотрѣлъ на Пасынкова: спокойное и строгое, хотя грустное, выраженіе лица его меня поразило; оно было ново для меня. Я ничего не отвѣчалъ и сѣлъ на диванъ.

Пасынковъ вышелъ.

Съ какимъ мучительнымъ томленіемъ ожидалъ я его возвращенія! Съ какой жестокой медленностью проходило время. Наконецъ онъ вернулся—поздно.

— Ну, что? спросилъ я робкимъ голосомъ.

— Слава Богу! отвѣчалъ онъ:—все улажено.

— Ты былъ у Асанова?

— Былъ.

— Что онъ? чай, ломался? промолвилъ я съ усиліемъ.

— Нѣтъ, не скажу. Я ожидалъ больше.... Онъ... онъ не такой пошлый человѣкъ, какимъ я почиталъ его.

— Ну, а кромѣ его, ты ни у кого не былъ? спросилъ я, погодя немного.

— Я былъ у Злотницкихъ

— А!.... (Сердце у меня забилось. Я не смѣлъ взглянуть Пасынкову въ глаза.) — Чтожь она?

— Софья Николаевна — дѣвушка благоразумная, добрая... Да, она добрая дѣвушка. Ей сначала было немного неловко, но потомъ она успокоилась. Впрочемъ, весь нашъ разговоръ продолжался не болѣе пяти минутъ.

— И ты.... ей все сказалъ.... обо мнѣ.... все?

— Я сказалъ, что было нужно.

— Мнѣ ужь теперь нельзя будетъ больше ходить къ нимъ! проговорилъ я уныло.

— Отчего же? Нѣтъ, изрѣдка можно. Напротивъ, ты долженъ къ нимъ непремѣнно пойдти, чтобъ не подумали чего-нибудь....

— Ахъ, Яковъ, ты меня теперь прези-

рать будешь! воскликнулъ я, чуть сдерживая слезы.

— Я, презирать тебя?... (Его ласковые глаза затеплились любовью). Тебя презирать.... глупый человѣкъ! Развѣ тебѣ легко было? Развѣ ты не страдаешь?

Онъ протянулъ мнѣ руку, я бросился къ нему на шею и зарыдалъ.

Спустя нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ я могъ замѣтить, что Насынковъ былъ очень не въ духѣ, я рѣшился, наконецъ, пойдти къ Злотницкимъ. Что я чувствовалъ вступая къ нимъ въ гостиную, это словами передать трудно; помню, что я едва различалъ лица, и голосъ прерывался въ груди. И Софьѣ было не легче: она видимо принуждала себя заговаривать со мною, но глаза ея также избѣгали моихъ, какъ мои — ея, и въ каждомъ ея движеньи, во всемъ существѣ проглядывало принужденіе, смѣ-

шанное.... что таить правду? съ тайнымъ отвращеніемъ. Я постарался какъ можно скорѣе избавить и ее и себя отъ такихъ тягостныхъ ощущеній. Это свиданіе было, къ счастію, послѣднимъ.... передъ ея бракомъ. Внезапная перемѣна въ судьбѣ моей увлекла меня въ другой конецъ Россіи и я надолго простился съ Петербургомъ, съ семействомъ Злотницкихъ, и, что мнѣ было всего больнѣе, съ добрымъ Яковомъ Пасынковымъ.

II.

Прошло лѣтъ семь. Не считаю нужнымъ разсказывать, что именно происходило со мной въ теченіе всего этого времени. Помаялся я таки по Россіи, заѣзжалъ въ глушь и въ даль и слава Богу! Глушь и даль не такъ страшны, какъ думаютъ иные, и въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, подъ валежникомъ и дромомъ, растутъ душистые цвѣты.

Однажды, весной, проѣзжая по дѣламъ службы черезъ небольшой уѣздный городокъ одной изъ отдаленныхъ губерній Восточной Россіи, я, сквозь тусклое стеклышко тарантаса, увидѣлъ на площади, передъ лавкой, человѣка, лицо котораго мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ. Я вглядѣлся въ этого человѣка и, къ не малой своей радости, узналъ въ немъ Елисея, слугу Пасынкова.

Я тотчасъ велѣлъ ямщику остановиться, выскочилъ изъ тарантаса и подошелъ къ Елисею.

— Здравствуй, братъ! проговорилъ я, съ трудомъ скрывая волненье: — ты здесь съ своимъ бариномъ?

— Съ бариномъ, возразилъ онъ медленно и вдругъ воскликнулъ: — Ахъ, батюшка, это вы? Я и не узналъ васъ?

— Ты здѣсь съ Яковомъ Иванычемъ?

— Съ нимъ, батюшка, съ нимъ.... А то съ кѣмъ же?

— Веди меня скорѣй къ нему.

— Извольте, извольте! Сюда, пожалуйте сюда.... Мы здѣсь въ трактирѣ стоимъ.

И Елисей повелъ меня черезъ площадь, безпрестанно приговаривая: „Ну, какъ же Яковъ Иванычъ обрадуется“!

Этотъ Елисей, калмыкъ по происхожденію, человѣкъ на видъ крайне безобразный и даже дикій, но добрѣйшей души и не глупый, страстно любилъ Пасынкова и служилъ ему лѣтъ десять.

— Какъ здоровье Якова Иваныча? спросилъ я его.

Елисей обернулъ ко мнѣ свое темно-желтое личико.

— Ахъ, батюшка, плохо.... плохо, батюшка! Вы ихъ не узнаете.... Недолго имъ, кажется, остается на свѣтѣ пожить. Оттого-то мы здѣсь и засѣли, а то мы вѣдь въ Одессу ѣхали лечиться.

— Откуда же вы ѣдете?

— Изъ Сибири, батюшка.

— Изъ Сибири?

— Точно такъ-съ. Яковъ Иванычъ тамъ на службѣ состояли-съ. Тамъ они и рану свою получили-съ.

— Развѣ онъ въ военную службу поступилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ штатской служили-съ.

„Что за чудеса!“ подумалъ я. Между тѣмъ мы подошли къ трактиру, и Елисей побѣжалъ впередъ доложить обо мнѣ. Въ первые годы нашей разлуки мы съ Пасынковымъ переписывались довольно часто, но послѣднее письмо его я получилъ года четыре назадъ, и съ тѣхъ поръ ничего не зналъ о немъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ! кричалъ мнѣ Елисей съ лѣстницы:—Яковъ Иванычъ очень желаютъ васъ видѣть-съ.

Я поспѣшно вбѣжалъ по шаткимъ ступе-

нямъ, вошелъ въ темную маленькую комнату — и сердце во мнѣ перевернулось!.. На узкой постели, подъ шинелью, блѣдный какъ мертвецъ, лежалъ Насынковъ и протягивалъ мнѣ обнаженную, исхудалую руку. Я бросился къ нему и судорожно его обнялъ.

— Яша! воскликнулъ я наконецъ: — что съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ: — прихворнулъ немного. Ты какимъ случаемъ сюда попалъ?

Я сѣлъ на стулъ подлѣ постели Насынкова и, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ, началъ глядѣть ему въ лицо. Я узналъ дорогія мнѣ черты: выраженіе его глазъ, его улыбки не измѣнились; но что съ нимъ сдѣлала болѣзнь!

Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня.

— Я дня три не брился, промолвилъ онъ: — ну, да и не причесанъ, а то я... еще ничего.

— Скажи, пожалуйста, Яша, началъ я:— что это мнѣ сказалъ Елисей.... Ты раненъ?

— А! да это цѣлая исторія, возразилъ онъ.—Я тебѣ послѣ разскажу. Точно я раненъ и вообрази, чѣмъ? стрѣлой.

— Стрѣлой?

— Да, стрѣлой, только не миѳологической, не стрѣлою амура, а настоящей стрѣлой изъ какого-то прегибкаго дерева, съ искуснымъ остріемъ на концѣ.... Очень непріятное ощущеніе производитъ такая стрѣла, особенно когда попадетъ въ легкія.

— Да какимъ это образомъ? помилуй!...

— А вотъ какимъ. Ты знаешь; въ моей судьбѣ было всегда много смѣшнаго. Помнишь мою комическую переписку по дѣлу вытребованія бумагъ? Вотъ я и раненъ смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, какой порядочный человѣкъ, въ наше просвѣщенное столѣтіе, позволитъ себя ранить стрѣлой? И не случайно—замѣть, не во время какихъ-нибудь игрищъ, а на сраженіи.

— Да ты все мнѣ не говоришь....

— А вотъ постой, перебилъ онъ. — Ты знаешь, что меня скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга перевели въ Новгородъ. Въ Новгородѣ я провелъ довольно много времени и, признаться, скучалъ, хотя я и тамъ встрѣтился съ однимъ существомъ.... (Онъ вздохнулъ).... Но теперь не до того; а года два назадъ, вышло мнѣ прекрасное мѣстечко, правда, далеко немножко, въ Иркутской губерніи, да что за бѣда! Видно, намъ съ отцомъ на роду было написано посѣтить Сибирь. Славный край Сибирь! Богатый, привольный — это тебѣ всякій скажетъ. Очень мнѣ тамъ понравилось. Инородцы у меня подъ началомъ состояли; народъ смирный; да на мою бѣду, вздумалось имъ, человѣкамъ десяти, не больше, контрабанду провезти. Меня послали ихъ перехватить. Перехватить-то я ихъ перехватилъ, да одинъ изъ нихъ, съ дуру, должно-быть, захотѣлъ защищаться да и поподчивалъ

меня этой стрѣлой.... Я было чуть не умеръ, однако оправился. Теперь вотъ ѣду окончательно вылечиться.... Начальство, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, денегъ дало.

Пасынковъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку и умолкъ. Слабый румянецъ разлился по его щекамъ. Онъ закрылъ глаза.

— Много говорить не могутъ, проговорилъ вполголоса Елисей, не выходившій изъ комнаты.

Наступило молчаніе, только и слышалось, что тяжелое дыханіе больнаго.

— Да вотъ, продолжалъ онъ, опять открывъ глаза: вторую недѣлю сижу въ этомъ городишкѣ.... простудился, должно быть. Меня лечитъ здѣшній уѣздный врачъ — ты его увидишь; онъ, кажется, дѣло свое знаетъ. Впрочемъ, я очень этому случаю радъ, а то какъ бы я съ тобою встрѣтился (И онъ взялъ меня за руку. Его рука, еще недавно холодная, какъ ледъ, теперь пы-

лала).—Разскажи ты мнѣ что-нибудь о себѣ, заговорилъ онъ опять, откидывая отъ груди шинель: — вѣдь мы съ тобой Богъ знаетъ когда видѣлись.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе его, лишь бы не дать ему говорить, и принялся разсказывать. Онъ сперва слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, потомъ попросилъ пить, а тамъ опять началъ закрывать глаза и метаться головой по подушкѣ. Я посовѣтовалъ ему соснуть немного, прибавивъ, что не поѣду дальше, пока онъ не поправится, и помѣщусь въ комнатѣ съ нимъ рядомъ. — Здѣсь очень скверно.... началъ было Пасынковъ; но я зажалъ ему ротъ и тихо вышелъ. Елисей тоже вышелъ вслѣдъ за мной.

— Что же это, Елисей? вѣдь онъ умираетъ? спросилъ я вѣрнаго слугу.

Елисей только махнулъ рукой и отвернулся.

Отпустивъ ямщика и наскоро перебрав-

шись въ смежную комнату, я отправился посмотрѣть, не заснулъ ли Пасынковъ. У двери его я столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста, очень толстымъ и грузнымъ. Лицо его, рябое и пухлое, выражало лѣнь — и болѣе ничего; крохотные глазки такъ и слипались, и губы лоснились какъ послѣ сна.

— Позвольте узнать, спросилъ я его: — вы не докторъ ли?

Толстый человѣкъ посмотрѣлъ на меня, усиленно приподнявъ бровями свой нависшій лобъ.

— Точно такъ-съ, промолвилъ онъ наконецъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. докторъ, не угодно ли вамъ пожаловать сюда, ко мнѣ въ комнату? Яковъ Иванычъ, кажется, теперь спитъ; я его пріятель и желалъ бы поговорить съ вами о его болѣзни, которая меня очень безпокоитъ.

— Очень хорошо-съ, отвѣчалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто желая

сказать: „Охота тебѣ такъ много говорить; я бы и такъ попелъ“, и направился вслѣдъ за мной.

— Скажите, пожалуйста, началъ я, какъ только онъ опустился на стулъ: — состояніе моего пріятеля опасно? какъ вы находите?

— Да, спокойно отвѣчалъ толстякъ.

— И... очень оно опасно?

— Да, опасно.

— Такъ что онъ даже... умереть можетъ?

— Можетъ.

Признаюсь, я почти съ ненавистью посмотрѣлъ на моего собесѣдника.

— Такъ помилуйте, началъ я! — надобно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь мѣрамъ, консиліумъ созвать, что ли... Вѣдь нельзя же такъ... Помилуйте!

— Консиліумъ, можно. Отчего жь? Можно. Ивана Ефремыча позвать...

Докторъ говорилъ съ трудомъ и безпрестанно вздыхалъ. Желудокъ его замѣтно

приподнимался, когда онъ говорилъ, какъ бы выпирая каждое слово.

— Кто такой Иванъ Ефремычъ?

— Городовой врачъ.

— Не послать ли въ губернскій городъ — какъ вы думаете? Тамъ навѣрное есть хорошіе доктора.

— Чтожъ? можно.

— А кто тамъ лучшимъ врачемъ почитается?

— Лучшимъ? Былъ тамъ Кольрабусъ докторъ... только его чуть-ли не перевели куда-то. Впрочемъ, признаться, оно и не нужно посылать-то.

— Почему же?

— Вашему пріятелю и губернскій докторъ не поможетъ.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Да, таки-наткнулся.

— Чѣмъ же онъ собственно боленъ?

— Рану получилъ... Легкія, значитъ, пострадали... ну, тутъ еще простудился: сдѣ-

лался жаръ... ну и прочее. А запасной экономіи нѣтъ: безъ запасной экономіи, вы сами знаете, человѣку невозможно.

Мы оба помолчали.

— Развѣ гомеопатіей попробовать... проговорилъ толстякъ, искоса взглянувъ на меня.

— Какъ гомеопотіей? Вѣдь вы аллопатъ?

— Такъ чтожь что аллопатъ? Вы думаете, что я гомеопатію не знаю? Не хуже другого. Здѣсь, у насъ, аптекарь гомеопатіей лечитъ, а онъ и ученой степени ни какой не имѣетъ.

„Ну, подумалъ я: плохо дѣло!“... — Нѣтъ, г. докторъ, промолвилъ я: — вы ужь лучше лечите по вашей обыкновенной методѣ.

— Какъ угодно-съ.

Толстякъ всталъ и вздохнулъ.

— Вы идете къ нему? спросилъ я.

— Да, надо посмотрѣть.

И онъ вышелъ.

Я не пошелъ за нимъ: видѣть его у постели моего бѣднаго больнаго друга было

свыше силъ моихъ. Я кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему тотчасъ же ѣхать въ губернскій городъ, спросить тамъ лучшаго врача и привезти его непремѣнно. Что-то застучало въ корридорѣ; я быстро отворилъ дверь.

Докторъ уже выходилъ отъ Пасынкова.

— Ну, что? спросилъ я его шопотомъ.

— Ничего микстурку прописалъ.

— Я, г. докторъ, рѣшился послать въ губернскій городъ. Не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ, но вы знаете сами: умъ хорошо, а два лучше.

— Ну чтожъ, это похвально! возразилъ толстякъ и началъ спускаться по лѣстницѣ. Я ему видно надоѣдалъ.

Я вошелъ къ Пасынкову.

— Видѣлъ ты здѣшняго эскулапа? спросилъ онъ меня.

— Видѣлъ, откѣчалъ я.

— Мнѣ что нравится въ немъ, заговорилъ Пасынковъ: — это его удивительное спокой-

ствіе. Доктору слѣдуетъ быть флегматикомъ, не правда ли? Это очень ободрительно для больнаго.

Я разумѣется, не сталъ разувѣрять его.

Къ вечеру Пасынкову, противъ ожиданія моего, сдѣлалось легче. Онъ попросилъ Елисея поставить самоваръ, объявилъ мнѣ, что будетъ угощать меня чаемъ и самъ выпьетъ чашечку, и замѣтно повеселѣлъ. Я, однако, все-таки старался не давать ему разговаривать, и видя, что онъ никакъ не хочетъ угомониться, спросилъ его, не желаетъ ли онъ, чтобъ я ему прочелъ что-нибудь?

— Какъ у Винтеркеллера — помнишь? отвѣтилъ онъ: — ну, изволь, съ удовольствіемъ. Что жъ мы будемъ читать? Посмотрика тамъ у меня на окнѣ книги...

Я подошелъ къ окну и взялъ первую книгу, попавшуюся мнѣ подъ руку...

— Что это! спросилъ онъ.

— Лермонтовъ.

— А, Лермонтовъ! Прекрасно! Пушкинъ выше, конечно... Помнишь: „Снова тучи надо мною собирались въ тишинѣ“... или: „Въ послѣдній разъ твой образъ милый дерзаю мысленно ласкать“. Ахъ, чудо! чудо! Но и Лермонтовъ хорошъ. Ну, знаешь что, братъ, возьми, раскрой на-удачу и читай!

Я раскрылъ книгу и смутился; мнѣ попалось „Завѣщаніе“. Я хотѣлъ было перевернуть страницу, но Пасынковъ замѣтилъ мое движеніе и торопливо проговорилъ: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, читай что вскрылось“.

Дѣлать было нечего: я прочелъ „Завѣщаніе“.

— Славная вещь! проговорилъ Пасынковъ, какъ только я произнесъ послѣдній стихъ. — Славная вещь! А странно, прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — странно, что тебѣ именно „Завѣщаніе“ попалось... Странно?

Я началъ читать другое стихотвореніе, но Пасынковъ не слушалъ меня, глядѣлъ

куда-то въ сторону, и раза два еще повторилъ „странно!“

Я опустилъ книгу на колѣни.

— „Сосѣдка есть у нихъ одна“, прошепталъ онъ, и вдругъ обратившись ко мнѣ, спросилъ: — А что, помнишь ты Софью Злотницкую? Я покраснѣлъ.

— Какъ не помнить.

— Вѣдь она замужъ вышла....

— За Асанова, давнымъ-давно. Я тебѣ писалъ объ этомъ.

— Точно, точно, писалъ. Отецъ ее простилъ наконецъ.

— Простилъ, но Асанова не принялъ.

— Упрямый старикъ? Ну, а какъ слышно, счастливо они живутъ?

— Не знаю, право... кажется счастливо. Они въ деревнѣ живутъ, въ ***ой губерніи; я ихъ не видалъ, но проѣзжалъ мимо.

— И дѣти есть у нихъ?

— Кажется, есть... Кстати, Пасынковъ, спросилъ я.

Онъ взглянулъ на меня.

— Признайся, ты, помнится, тогда не хотѣлъ отвѣчать на мой вопросъ: вѣдь ты сказалъ ей, что я ее любилъ?

— Я все ей сказалъ, всю правду... Я ей всегда правду говорилъ. Скрытничать передъ ней — это былъ бы грѣхъ.

Пасынковъ помолчалъ.

— Ну, а скажи мнѣ, началъ онъ опять: — скоро ты разлюбилъ ее, или нѣтъ?

— Не скоро, но разлюбилъ. Что пользы вздыхать понапрасну.

Пасынковъ перевернулся ко мнѣ лицомъ.

— А я, братъ, началъ онъ — и губы его задрожали: — не тебѣ чета: я до сихъ поръ не разлюбилъ ее.

— Какъ! воскликнулъ я съ невыразимымъ изумленіемъ: — развѣ ты любилъ ее?

— Любилъ, медленно проговорилъ Пасынковъ, и занесъ обѣ руки за голову. — Какъ я ее любилъ, это извѣстно одному Богу. Никому я не говорилъ объ этомъ, никому

въ мірѣ, и не хотѣлъ говорить... да ужь такъ! „На свѣтѣ мало, говорятъ, мнѣ остается жить“... Куда не шло!

Неожиданное признаніе Пасынкова до того меня удивило, что я рѣшительно не могъ ничего сказать и только думалъ: „возможно ли? какъ же я этого не подозрѣвалъ?“

— Да, продолжалъ онъ, какъ-бы говоря съ самимъ собою: — я ее любилъ. Я не переставалъ ее любить даже тогда, когда узналъ, что сердце ея принадлежитъ Асанову. Но тяжело мнѣ было узнать это! Еслибъ она тебя полюбила, я бы, покрайней-мѣрѣ, за тебя порадовался; но Асановъ... Чѣмъ онъ могъ ей понравиться? Его счастіе! А измѣнить своему чувству, разлюбить она ужь не могла. Честная душа не мѣняется...

Я вспомнилъ посѣщеніе Асанова послѣ роковаго обѣда, вмѣшательство Пасынкова и невольно всплеснулъ руками.

— Ты отъ меня все это узналъ, бѣднякъ!

воскликнулъ я: — и ты же взялся пойдти къ ней тогда?

— Да, заговорилъ опять Пасынковъ: — это объясненіе съ ней... я его никогда не забуду. Вотъ когда я узналъ, вотъ когда я понялъ, что значитъ давно мною избранное слово: Resignation. Но все же она осталась моей постоянной мечтой, моимъ идеаломъ... А жалокъ тотъ, кто живетъ безъ идеала!

Я глядѣлъ на Пасынкова: глаза его, словно устремленные въ даль, блестѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Я любилъ ее, продолжалъ онъ: — я любилъ ее, ее спокойную, честную, недоступную, неподкупную; когда она уѣхала, я чуть не помѣшался съ горя... Съ тѣхъ поръ я ужь никого не любилъ...

И вдругъ отвернувшись, онъ прижалъ лицо къ подушкѣ и тихо заплакалъ.

Я вскочилъ, нагнулся къ нему и началъ утѣшать его...

— Ничего, промолвилъ онъ, приподнявъ

голову и встряхнувъ волосами: — это такъ; немножко горько стало, немножко жалко... себя то-есть... Но это все ничего. Все стихи виноваты. Прочти-ка мнѣ другіе, повеселѣе.

Я взялъ Лермонтова, сталъ быстро переворачивать страницы; но мнѣ, какъ нарочно, все попадались стихотворенія, которыя могли опять взволновать Пасынкова. Наконецъ я прочелъ ему „Дары Терека“.

— Трескотня реторическая! проговорилъ мой бѣдный другъ тономъ наставника: — а есть хорошія мѣста. Я, братъ, безъ тебя самъ попытался въ поэзію пуститься и началъ одно стихотвореніе: „Кубокъ жизни“ — ничего не вышло! Наше дѣло, братъ, сочувствовать, не творить... Однако, я что-то усталъ; сосну-ка я маленько — какъ ты полагаешь? Экая славная вещь сонъ, подумаешь. Вся жизнь наша сонъ, и лучшее въ ней опять-таки сонъ.

— А поэзія? спросилъ я.

— И поэзія сонъ, только райскій.

Пасынковъ закрылъ глаза.

Я постоялъ немного у его постели. Не думалъ я, чтобъ онъ могъ скоро уснуть, однако дыханіе его становилось ровнѣе и продолжительнѣе. Я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, вернулся въ свою комнату и легъ на диванъ. Долго думалъ я о томъ, что мнѣ сказалъ Пасынковъ, припоминалъ многое, дивился, наконецъ заснулъ самъ...

Кто-то толкнулъ меня; я очнулся; передо мной стоялъ Елисей.

— Пожалуйте къ барину, сказалъ онъ.

Я тотчасъ всталъ.

— Что съ нимъ?

— Бредитъ.

— Бредитъ? А прежде съ нимъ этого не бывало!

— Нѣтъ, и въ прошедшую ночь бредилъ, только сегодня что-то страшно.

Я вошелъ въ комнату Пасынкова. Онъ не лежалъ, а сидѣлъ на своей постели, наклонясь всѣмъ туловищемъ впередъ, тихо

разводилъ руками, улыбался и говорилъ, все говорилъ голосомъ беззвучнымъ и слабымъ какъ шелестъ тростника. Глаза его блуждали. Печальный свѣтъ ночника, поставленнаго на полу загороженнаго книгою, лежалъ недвижнымъ пятномъ на потолкѣ; лицо Пасынкова казалось еще блѣднѣе въ полумракѣ.

Я подошелъ къ нему, окликнулъ его — онъ не отозвался. Я сталъ прислушиваться къ его лепету: онъ бредилъ о Сибири, о ея лѣсахъ. По временамъ былъ смыслъ въ его бредѣ.

„Какія деревья!“ шепталъ онъ: „до самаго неба. Сколько на нихъ инею! Серебро... Сугробы... А вотъ слѣды маленькіе... то зайка скакалъ, то бѣлъ горностай... Нѣтъ, это отецъ пробѣжалъ съ моими бумагами. Вонъ онъ... Вонъ онъ! Надо идти; луна свѣтитъ. Надо идти сыскать бумаги... А! Цвѣтокъ, алый цвѣтокъ — тамъ Софья... Вотъ колокольчики звенятъ, то морозъ зве-

нитъ.... Ахъ нѣтъ; это глупые снигири по кустамъ прыгаютъ, свистятъ... Вишь, краснозобые! Холодно... А, вотъ Асановъ... Ахъ да, вѣдь онъ пушка — мѣдная пушка, и лафетъ у него зеленый. Вотъ отчего онъ нравится. Звѣзда покатилась? Нѣтъ, это стрѣла летитъ... Ахъ, какъ скоро и прямо мнѣ въ сердце!.. Кто это выстрѣлилъ? Ты, Соничка?“

Онъ нагнулъ голову и началъ шептать безсвязныя слова. Я взглянулъ на Елисея: онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и жалостно глядѣлъ на своего господина.

— А что, братъ, ты сдѣлался практическимъ человѣкомъ? — спросилъ онъ вдругъ, устремивъ на меня такой ясный, такой сознательный взглядъ, что я невольно вздрогнулъ и хотѣлъ-было отвѣтить, но онъ тотчасъ же продолжалъ: — А я, братъ, не сдѣлался практическимъ человѣкомъ, не сдѣлался, что ты будешь дѣлать? Мечтателемъ родился, мечтателемъ? Мечта, мечта... Что такое мечта? Мужикъ Собакевича — вотъ-мечта. Охъ!...

Почти до самаго утра бредилъ Пасынковъ; наконецъ онъ понемногу утихъ, опустился на подушку и задремалъ. Я вернулся къ себѣ въ комнату. Измученный жестокою ночью, я заснулъ крѣпко.

Елисей опять меня разбудилъ.

— Ахъ, батюшка! заговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ: мнѣ сдается, Яковъ Иванычъ помираетъ...

Я побѣжалъ къ Пасынкову. Онъ лежалъ неподвижно. При свѣтѣ начинавшагося дня онъ ужъ казался мертвецомъ. Онъ узналъ меня.

— Прощай, прошепталъ онъ: — поклонись ей, умираю...

— Яша! воскликнулъ я: — полно! ты будешь жить...

— Нѣтъ, куда! Умираю... Вотъ возьми себѣ на память... (Онъ указалъ рукой на грудь)...

— Что это? заговорилъ онъ вдругъ: — посмотри-ка: море... все золотое и по немъ

голубые острова, мраморные храмы, пальмы, ѳиміамъ...

Онъ умолкъ... потянулся...

Черезъ полчаса его не стало. Елисей съ плачемъ припалъ къ его ногамъ. Я закрылъ ему глаза.

На шеѣ у него была небольшая шелковая ладонка на черномъ шнуркѣ. Я взялъ ее къ себѣ.

На третій день его похоронили... Благороднѣйшее сердце скрылось навсегда въ могилѣ! Я самъ бросилъ на него первую горсть земли.

III.

Прошло еще полтора года. Дѣла заставили меня заѣхать въ Москву. Я поселился въ одной изъ хорошихъ тамошнихъ гостинницъ. Однажды, проходя по корридору, взглянулъ я на черную доску съ именами проѣзжихъ и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: противъ 12-го нумера, стояло, четко напи-

санное мѣломъ, имя Софьи Николаевны Асановой. Въ послѣднее время я случайно услышалъ много нехорошаго о ея мужѣ; узналъ, что онъ пристрастился къ вину, къ картамъ, раззорился, и вообще дурно ведетъ себя. О его женѣ отзывались съ уваженіемъ.., Не безъ волненія вернулся я къ себѣ въ комнату. Давнымъ-давно застывшая страсть какъ-будто шевельнулась въ сердцѣ, и оно забилось. Я рѣшился сходить къ Софьѣ Николаевнѣ. „Сколько времени протекло со дня нашей разлуки“, думалъ я: „она вѣроятно забыла все, что было тогда между нами.“

Я послалъ къ ней Елисея, котораго послѣ смерти Пасынкова взялъ къ себѣ въ услуженіе, съ моей визитной карточкой, и велѣлъ спросить, дома ли она и могу ли я ее видѣть. Елисей скоро вернулся и объявилъ, что Софья Николаевна дома и принимаетъ.

Я отправился къ Софьѣ Николаевнѣ. Когда я вошелъ къ ней, она стояла посреди комнаты и прощалась съ какимъ-то высокимъ

и плотнымъ господиномъ. „Какъ вы хотите“, говорилъ онъ густымъ и зычнымъ голосомъ: —„онъ не безвредный человѣкъ, онъ безполезный человѣкъ; а всякій безполезный человѣкъ въ благоустроенномъ обществѣ вреденъ, вреденъ, вреденъ!“

Съ этими словами высокій господинъ вышелъ. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Какъ давно мы не видались! проговорила она. — Сядьте, прошу васъ...

Мы сѣли. Я посмотрѣлъ на нее... Увидѣть, послѣ долгой разлуки, черты лица, нѣкогда дорогого, быть можетъ любимаго, узнавать ихъ и не узнавать, какъ будто сквозь прежній, все еще не забытый обликъ — выступилъ другой, хотя похожій, но чуждый; мгновенно, почти невольно замѣтить слѣды, наложенные временемъ — все это довольно грустно. „И я должно-быть, также измѣнился“, думаетъ каждый про-себя...

Впрочемъ, Софья Николаевна не очень постарѣла; но когда я видѣлъ ее въ пос-

лѣдній разъ — ей минулъ 16-й годъ, а съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Черты лица ея стали еще правильнѣе и строже; онѣ по прежнему выражали искренность чувствъ и твердость; но, вмѣсто прежняго спокойствія, въ нихъ высказывались какая-то затаенная боль и тревога. Глаза ея немного углубились и потемнѣли. Она стала походить на свою мать...

Софья Николаевна первая начала разговоръ.

— Перемѣнились мы оба, начала она. — Гдѣ вы были все это время?

— Скитался кой-гдѣ... отвѣтилъ я. — А вы все въ деревнѣ жили?

— Большею частью въ деревнѣ. Я и теперь здѣсь только проѣздомъ.

— Что ваши родители?

— Матушка моя скончалась, а батюшка все въ Петербургѣ; братъ на службѣ; Варя съ ними живетъ.

— А вашъ супругъ?

— Мой мужъ?... заговорила она нѣсколько торопливымъ голосомъ: — онъ теперь въ Южной Россіи, на ярмаркахъ. Онъ, вы знаете, всегда любилъ лошадей, и конскій заводъ у себя завелъ... такъ вотъ для этого... онъ лошадей теперь покупаетъ.

Въ это мгновенье вошла въ комнату дѣвочка лѣтъ восьми, причесанная покитайски, съ очень острымъ и живымъ личикомъ, съ большими темно-сѣрыми глазами. Увидѣвъ меня, она тотчасъ отставила свою маленькую ножку, проворно присѣла и подошла къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, рекомендую вамъ, моя дочка, сказала Софья Николаевна, тронувъ дѣвочку пальцемъ подъ кругленькій подбородокъ: — никакъ не хотѣла дома остаться — упросила меня взять ее съ собой.

Дѣвочка окинула меня своими быстрыми глазами и чуть-чуть прищурилась.

— Она у меня молодецъ, продолжала Софья Николаевна: — ничего не боится. И

учится хорошо; за это я должна ее похвалить.

— Comment se nomme monsieur? спросила вполголоса дѣвочка, нагнувшись къ матери.

Софья Николаевна назвала меня. Дѣвочка опять на меня взглянула.

— Васъ какъ зовутъ? спрочилъ я ее.

— Меня зовутъ Лидіей, отвѣтила дѣвочка, смѣло глядя мнѣ въ глаза.

— Васъ, должно быть, балуютъ, замѣтилъ я.

— Кто меня балуетъ?

— Какъ кто? да я думаю всѣ, начиная съ вашихъ родителей. (Дѣвочка молча посмотрѣла на свою матъ). Я воображаю, Константинъ Александрычъ, продолжалъ я...

— Да, да, подхватила Софья Николаевна, между тѣмъ какъ дочка ея не спускала съ нея внимательнаго взора: — мужъ мой конечно... онъ очень любитъ дѣтей.

Странное выраженіе промелькнуло на умномъ личикѣ Лидіи. Ея губки слегка надулись; она потупилась.

— Скажите, поспѣшно прибавила Софья Николаевна: — вѣдь вы здѣсь по дѣламъ?

— По дѣламъ... И вы также?

— И я... Въ отсутствіи мужа, вы понимаете, по неволѣ займешься дѣлами.

— Maman! начала было Лидія...

— Quoi, mon enfant?

—Non—rieo... Je te dirai aprés.

Софья Николаевна усмѣхнулась и пожала плечемъ.

Мы оба помолчали, а Лидія съ важностью скрестила руки на груди.

— Скажите, пожалуйста, начала опять Софья Николаевна: — помнится, у васъ былъ пріятель... какъ его бишь звали? такое доброе у него было лицо... онъ все стихи читалъ; такой восторженный...

— Не Пасынковъ ли?

— Да, да, Пасынковъ... гдѣ онъ теперь?

— Онъ умеръ.

— Умеръ? повторила Софья Николаевна: — какъ жаль!...

— Я его видала? спросила торопливымъ шопотомъ дѣвочка.

— Нѣтъ, Лидія, не видала. Какъ жаль! повторила Софья Николаевна.

— Вы жалѣете о немъ... началъ я: — Чтожъ, еслибъ вы его знали, какъ я зналъ его?... Но позвольте спросить: почему вы заговорили именно о немъ?

— Такъ, не знаю право... (Софья Николаевна опустила глаза). — Лидія, прибавила она: — ступай къ своей нянѣ.

— Ты меня позовешь, когда можно будетъ? спросила дѣвочка.

— Позову.

Дѣвочка вышла. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, все, что вы знаете о Пасынковѣ.

Я началъ разсказывать. Я очертилъ въ краткихъ словахъ всю жизнь моего друга постарался, на сколько съумѣлъ, изобразить

душу его, описалъ его послѣднюю встрѣчу со мною, его кончину.

— И вотъ какой человѣкъ, воскликнулъ я, оканчивая свой разсказъ: — отошелъ отъ насъ, незамѣченный, почти неоцѣненный! И это бы еще не бѣда. Что значитъ людская оцѣнка? Но мнѣ больно, мнѣ обидно то, что такой человѣкъ, съ такимъ любящимъ и преданнымъ сердцемъ, умеръ, не испытавъ ни разу блаженства взаимной любви, не возбудивъ участія ни въ одномъ женскомъ сердцѣ, его достойномъ?... Пускай нашъ братъ не извѣдаетъ этого блаженства: онъ его и не стоитъ: но Пасынковъ?... И притомъ, развѣ не встрѣчалъ я на своемъ вѣку тысячу людей, которые ни въ какомъ отношеніи не могли съ нимъ сравниться, и которыхъ любили? Не уже-ли же должно думать, что нѣкоторые недостатки въ человѣкѣ — самоувѣренность, напримѣръ, или легкомысліе — необходимы для того, чтобъ женщина къ нему привязалась? Или любовь боится

совершенства, возможнаго на землѣ совершенства, какъ чего-то чуждаго и страшнаго для нея?

Софья Николаевна выслушала меня до конца, не спуская съ меня своихъ строгихъ и проницательныхъ глазъ и не разжимая губъ; только брови ея изрѣдка морщились.

— Почему вы полагаете, промолвила она, помолчавъ немного; — что вашего друга ни одна женщина не полюбила?

— Потому-что я это знаю, знаю навѣрное.

Софья Николаевна хотѣла было что-то сказать и остановилась. Она, казалось, боролась сама съ собой.

— Вы ошибаетесь, заговорила она наконецъ: — я знаю женщину, которая горячо полюбила вашего покойнаго друга; она любитъ и помнитъ его до-сихъ поръ... и вѣсть о его кончинѣ поразитъ ее глубоко.

— Кто эта женщина? позвольте узнать.

— Моя сестра, Варя.

— Варвара Николаевна! воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Да.

— Какъ? Варвара Николаевна? повторилъ я: — эта....

— Я договорю вашу мысль, продолжала Софья Николаевна: — эта холодная, равнодушная, вялая, по вашему, дѣвушка любила вашего друга: оттого она не вышла замужъ и не выйдетъ. До нынѣшняго дня я одна про это знала: Варя умерла бы скорѣе, чѣмъ выдать свою тайну. Въ нашей семьѣ мы умѣемъ молчать и терпѣть.

Я долго и пристально посмотрѣлъ на Софью Николаевну, невольно размышляя о горькомъ значеніи ея послѣднихъ словъ.

— Вы меня удивили, промолвилъ я наконецъ. — Но знаете ли, Софья Николаевна, еслибъ я не боялся возбудить въ васъ непріятныхъ воспоминаній, я тоже, въ свою очередь, могъ бы удивить васъ....

— Я васъ не понимаю, возразила она медленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Вы точно меня не понимаете, сказалъ

я, поспѣшно вставая: —и потому позвольте мнѣ, вмѣсто словеснаго объясненія, прислать вамъ одну вещь....

— Но что такое? спросила она.

— Не безпокойтесь, Софья Николаевна, рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Я поклонился, вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ ладонку, снятую мною съ Пасынкова, и послалъ ее къ Софьѣ Николаевнѣ съ слѣдующей запиской:

„Ладонку эту покойный мой другъ носилъ постоянно на груди и скончался съ нею. Въ ней находится одна ваша записка къ нему, совершенно незначительная по содержанію; вы можете прочесть ее. Онъ носилъ ее потому, что любилъ васъ страстно, въ чемъ онъ признался мнѣ только наканунѣ своей смерти. Теперь, когда онъ умеръ, почему вамъ не узнать, что и его сердце вамъ принадлежало?“

Елисей скоро вернулся и принесъ мнѣ обротно ладонку.

— Что? спросилъ я: — она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Ничего-съ.

Я помолчалъ.

— Прочла она мою записку?

— Должно-быть прочитали-съ; ихняя дѣвушка къ нимъ носила.

„Недоступная!“ подумалъ я, вспомнивъ послѣднія слова Пасынкова. — Ну, ступай, промолвилъ я громко.

Елисей улыбнулся какъ-то странно и не вышелъ.

— Къ вамъ-съ... началъ онъ: — пришла одна дѣвушка.

— Какая дѣвушка?

Елисей помолчалъ.

— Вамъ покойный баринъ ничего не говорили-съ?

— Нѣтъ... Что такое?

— Они, какъ въ Новгородѣ были, продолжалъ онъ, трогая рукой притолку: — съ одной, примѣрно сказать, дѣвушкой знаком-

ство свели. Такъ вотъ эта дѣвушка васъ видѣть желаютъ-съ. Я ее намедни на улицѣ встрѣтилъ. Я ей сказалъ: „приходи; коли баринъ прикажетъ, я пущу“.

— Проси, проси ее, разумѣется. Да что.... какая она?

— Простая-съ.... изъ мѣщанокъ-съ.... русская.

— Покойный Яковъ Иванычъ любилъ ее?

— Ничего.... любили-съ. Ну и она.... Какъ узнала, что баринъ скончался, очень убивалась. Дѣвушка, ничего, хорошая-съ.

— Проси ее, проси.

Елисей вышелъ и тотчасъ-же возвратился. За нимъ шла дѣвушка въ ситцевомъ пестромъ платьѣ и съ темнымъ платкомъ на головѣ, до половины закрывавшимъ ея лицо. Увидѣвъ меня, она застыдилась и отвернулась.

— Чего ты? сказалъ ей Елисей: — ступай, не бойся.

Я подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ я ее.

— Машей, отвѣчала она тихимъ голосомъ, украдкой взглянувъ на меня.

На видъ она казалась лѣтъ 22-хъ или 23-хъ; лицо имѣла круглое, довольно простое, но пріятное, нѣжныя щеки, кроткіе голубые глаза и маленькія, очень красивыя и чистыя руки. Одѣта она была опрятно.

— Вы знавали Якова Иваныча? продолжалъ я.

— Знавала-съ, проговорила она, подергивая кончики платка, и слезы выступили на ея вѣки.

Я попросилъ ее сѣсть.

Она тотчасъ сѣла на край стула, не чинясь и не жеманясь. Елисей вышелъ.

— Вы съ нимъ въ Новгородѣ познакомились?

— Въ Новгородѣ-съ, отвѣчала она, заложивъ обѣ руки подъ платокъ. — Я только третьяго дня отъ Елисея Тимоѳеича узнала о ихъ кончинѣ-съ. Яковъ Иванычъ, какъ

въ Сибирь отъѣхали, писать обѣщались, и два раза писали, а больше не писали-съ. Я бы за ними и въ Сибирь поѣхала, да они не хотѣли-съ.

— У васъ въ Новгородѣ есть родственники?

— Есть.

— Вы съ ними жили?

— Я жила съ матушкой и съ сестрой замужней; а послѣ матушка на меня прогнѣвалась, да и сестрѣ тѣсно стало: у нихъ дѣтей много; я и переѣхала. Я всегда надѣялась на Якова Иваныча и ничего не желала, какъ только его видѣть, а они со мной завсегда были ласковы—спросите хоть Елисея Тимофеича.

Маша помолчала.

— У меня и письма ихъ есть, продолжала она. — Вотъ посмотрите-съ.

Она достала изъ кармана нѣсколько писемъ и подала мнѣ: — прочтите-съ, прибавила она.

Я развернулъ одно письмо и узналъ руку Пасынкова,

„Милая Маша! (писалъ онъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ) ты вчера прислонилась своей головкой къ моей головѣ, и когда я спросилъ: зачѣмъ ты это дѣлаешь, ты мнѣ сказала: хочу послушать, о чемъ вы думаете. Я тебѣ скажу о чемъ я думалъ: какъ хорошо бы выучиться Машѣ грамотѣ! Она бы вотъ это письмо разобрала“....

Маша заглянула въ письмо.

— Это они мнѣ еще въ Новгородѣ писали-съ, проговорила она: — когда они меня грамотѣ учить собирались. Посмотрите другія-съ. Тамъ есть одно изъ Сибири-съ. Вотъ то прочтите-съ.

Я прочелъ письма. Всѣ они были очень ласковы, даже нѣжны. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ первомъ письмѣ изъ Сибири, Пасынковъ называлъ Машу своимъ лучшимъ другомъ, обѣщался выслать ей деньги на поѣздку въ Сибирь, и кончалъ слѣдую-

щими словами: „Цалую твои хорошенькія ручки; у здѣшнихъ дѣвушекъ такихъ ручекъ нѣту; да и головы ихъ не чета твоей, и сердца тоже.... Читай книжки, которыя я тебѣ подарилъ, и помни меня, а я тебя не забуду. Ты одна, одна меня любила: такъ и я жь тебѣ одной принадлежать хочу“....

— Я вижу, онъ къ вамъ очень былъ привязанъ, сказалъ я, возвращая ей письма.

— Они меня очень любили, возразила Маша, тщательно укладывая письма въ карманъ, и слезы тихонько потекли по ея щекамъ. — Я всегда на нихъ надѣялась; еслибъ Господь продлилъ имъ вѣку, они бы не оставили меня. Дай Богъ ему царство небесное!...

Она утерла глаза кончикомъ платка.

— Гдѣ же вы теперь живете? спросилъ я.

— Теперь я здѣсь, въ Москвѣ; пріѣхала съ барыней, а теперь безъ мѣста. Къ Яковъ Иванычевой тетенькѣ ходила, да онѣ сами очень бѣдны. Мнѣ Яковъ Иванычъ часто

объ васъ говаривали-съ, прибавила она вставая и кланяясь: — они очень васъ всегда любили и помнили. Я вотъ Елисея Тимофеича третьяго дня встрѣтила и подумала: не захотите ли вы помочь мнѣ, такъ-какъ я безъ мѣста теперь стала....

— Съ большимъ удовольствіемъ, Марья... позвольте спросить, какъ васъ по отчеству?

— Петрова, отвѣтила Маша и потупилась.

— Все сдѣлаю для васъ, что могу, Марья Петровна, продолжалъ я: — мнѣ жаль только что я здѣсь проѣздомъ, мало знаю домовъ хорошихъ.

Маша вздохнула.

— Мнѣ хоть бы какое-нибудь мѣсто-съ.... Кроить я не умѣю, а сшить, такъ все сошью.... ну, за дѣтьми ходить тоже могу.

„Денегъ ей дать“, подумалъ я: „но какъ это сдѣлать?“

— Послушайте, Марья Петровна, началъ я не безъ замѣшательства: — вы, пожалуйста, извините меня, но вы изъ словъ Па-

сынкова знаете, какъ я былъ съ нимъ друженъ.... Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ.... на первый случай небольшую сумму?....

Маша взглянула на меня.

— Чего-съ? спросила она.

— Не нужно ли вамъ денегъ? проговорилъ я.

Маша покраснѣла вся и наклонила голову.

— На что деньги? прошептала она: — лучше мнѣ мѣсто достаньте-съ.

— Мѣсто я вамъ постараюсь достать, но навѣрное отвѣчать не могу; а вамъ грѣшно совѣститься, право.... Вѣдь я для васъ не чужой какой-нибудь.... Пріймите это отъ меня на память о нашемъ другѣ....

Я отвернулся, поспѣшно досталъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій и подалъ ей.

Маша стояла неподвижно, еще ниже потупивъ голову.

— Возьмите же, твердилъ я.

Она тихо возвела на меня свои глаза, посмотрѣла мнѣ въ лицо печальнымъ взо-

ромъ, тихо высвободила блѣдную руку изъ-подъ платка и протянула ее мнѣ.

Я положилъ ассигнаціи на ея холодные пальцы. Она молча спрятала руку опять подъ платокъ и опустила глаза.

— Вы и впередъ, Марья Петровна, продолжалъ я: — если вамъ что-нибудь будетъ нужно, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мнѣ. — Я вамъ доставлю мой адресъ.

— Покорно благодарствуйте-съ, проговорила она и, помолчавъ немного, прибавила: — Они съ вами обо мнѣ не говорили-съ?

Я съ нимъ встрѣтился наканунѣ его смерти, Марья Петровна. Впрочемъ, не помню.... кажется говорилъ.

Маша провела рукой по волосамъ, слегка подперла щеку, подумала и, сказавъ: „Прощайте-съ“, пошла вонъ изъ комнаты.

Я сѣлъ у стола и принялся думать горькую думу. Эта Маша, ея сношенія съ Насынковымъ, его письма, скрытая любовь къ нему сестры Софьи Николаевны.... „Бѣднякъ! бѣднякъ!“ шепталъ я, тяжело вздыхая

хая. Я вспомнилъ всю жизнь Пасынкова, его дѣтство, его молодость, фрейлейнъ Фридерику.... „Вотъ“, думалъ я: „много дала тебѣ судьба! многимъ тебя порадовала!“

На другой день я опять пошелъ къ Софьѣ Николаевнѣ. Меня заставили подождать въ передней, и когда я вошелъ, Лидія уже сидѣла рядомъ съ своею матерью. Я понялъ, что Софья Николаевна не желала возобновлять вчерашняго разговора.

Мы начали толковать — право, не помню о чемъ, о городскихъ слухахъ, о дѣлахъ.... Лидія часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала. Забавная важность проявлялась вдругъ на ея подвижномъ личикѣ.... Умная дѣвочка, должно быть, догадывалась, что мать нарочно посадила ее подлѣ себя.

Я всталъ и началъ прощаться. Софья Николаевна проводила меня до двери.

— Я вамъ ничего не отвѣчала вчера, сказала она, остановясь на порогѣ: — да и что было отвѣчать? Наша жизнь не отъ

насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Я безмолвно наклонилъ голову въ знакъ согласія, и простился съ молодой пуританкой.

Весь этотъ вечеръ остался я дома, но я не думалъ о ней: я думалъ, все думалъ о моемъ миломъ, незабвенномъ Пасынковѣ — объ этомъ послѣднемъ изъ романтиковъ, а чувства, то грустныя, то нѣжныя, проникали съ сладостной болью въ грудь мою, звучали въ струнахъ еще несовсѣмъ устарѣвшаго сердца... Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ и которые, можетъ быть, даже посмѣются теперь надъ твоею тѣнью, дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, на перекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!

Странная исторія.

Разсказъ.

...Лѣтъ пятнадцать тому назадъ — началъ г-нъ Х..., обязанности службы заставили меня прожить нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ Т... Я остановился въ порядочной гостинницѣ, устроенной за полгода до моего пріѣзда разбогатѣвшимъ портнымъ изъ евреевъ. Говорятъ — она процвѣтала недолго, что у насъ весьма обыкновенно; но я засталъ ее еще въ полномъ блескѣ: новыя мебели стрѣляли по ночамъ какъ изъ пистолетовъ, постельное бѣлье, скатерти и салфетки пахли мыломъ, а отъ крашеныхъ половъ несло олифой, что впрочемъ, по мнѣнію полового, человѣка весьма изящнаго, хоть и не совсѣмъ опрятнаго, препятствовало распространенію насѣкомыхъ. Половой этотъ, бывшій камердинеръ князя Г., отли-

чался развязностію обращенія и самоувѣренностію; ходилъ постоянно во фракѣ съ чужого плеча и стоптанныхъ башмакахъ, носилъ подъ мышкой салфетку и множество угрей на щекахъ, и свободно размахивая потными руками, произносилъ короткія, но внушительныя рѣчи. Онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторое покровительство, какъ человѣку способному оцѣнить его образованность и знаніе свѣта; но на собственную судьбу взиралъ нѣсколько разочарованнымъ окомъ. —„Извѣстно, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — какое наше теперь положеніе. За хвостъ, да на солнце!“ Звали его Ардаліономъ.

Мнѣ предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ чиновнымъ лицамъ города. Тотъ-же Ардаліонъ досталъ мнѣ коляску и лакея, одинаково развинченныхъ и истертыхъ; но на лакеѣ была ливрея — а коляску украшали гербы. Окончивъ всѣ оффиціальныя посѣщенія, я заѣхалъ къ одному помѣщику, старинному знакомому моего отца, съ давнихъ

норъ поселившемуся въ городѣ Т... Я съ нимъ лѣтъ двадцать не видался; онъ успѣлъ жениться, развести порядочное семейство, овдовѣть и разбогатѣть. Онъ занимался откупами, то-есть, ссуждалъ откупщиковъ залогами за крупные проценты.., „Рискъ — благородное дѣло!“ впрочемъ, и риску было мало. Въ теченіи нашей бесѣды, въ комнату, нерѣшительными, но легкими шагами, словно на цыпочкахъ, вошла дѣвушка лѣтъ семнадцати, тоненькая и худенькая. „Вотъ, сказалъ мнѣ мой знакомый, старшая моя дочь, Софи, рекомендую; замѣнила мнѣ покойницу; хозяйничаетъ въ домѣ, за братьями и сестрами наблюдаетъ“. Я вторично поклонился вошедшей дѣвушкѣ (она между тѣмъ, молча, опустилась на стулъ), и подумалъ про себя, что на хозяйку, на воспитательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсѣмъ дѣтское, круглое, съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами; голубые глазки, подъ высокими, тоже неподвижными бровями, глядѣли внимательно.

почти изумленно, точно они начинали замѣчать что-то для нихъ неожиданное; пухлый ротикъ съ приподнятой верхней губой, не только не улыбался, но казалось, не имѣлъ этой привычки вовсе; на щекахъ нѣжными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь подъ тонкой кожей. Пушистые бѣлокурые волосы висѣли легкими гроздьями съ обѣихъ сторонъ небольшой головы. Грудь дышала тихо и руки какъ-то неловко и строго прижимались къ узкому стану. Голубое платье падало безъ складокъ — по-дѣтски — на маленькія ножки. Общее впечатлѣніе, происводимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное. Я видѣлъ передъ собою не просто робѣвшую провинціальную барышню, но существо съ особеннымъ, для меня неяснымъ отпечаткомъ. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполнѣ понималъ и только чувствовалъ, что мнѣ еще не удавалось встрѣтить болѣе искреннюю душу. Жалость... да!

жалость возбуждала во мнѣ эта молодая-серьезная, настороженная жизнь — Богъ вѣ, даетъ почему! „Не отъ земли сея“, думалось мнѣ, хотя собственно въ выраженіи лица не было ничего „идеальнаго“, и хотя въ гостиную mademoiselle Sophie очевидно появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекалъ ея отецъ.

Онъ началъ говорить о жизни въ городѣ Т., объ общественныхъ удовольствіяхъ и удобствахъ, доставляемыхъ ею. „У насъ смирно, замѣтилъ онъ; губернаторъ меланхоликъ, губернскій предводитель — холостякъ. А впрочемъ, послѣ-завтра въ дворянскомъ собраніи большой балъ. Совѣтую съѣздить: здѣсь не безъ красавицъ. Ну и всю нашу *интеллигенцію* вы увидите“.

Мой знакомый, какъ человѣкъ нѣкогда обучавшійся въ университетѣ, любилъ употреблять выраженія ученыя. Онъ произносилъ ихъ съ ироніей, но и съ уваженіемъ. Притомъ извѣстно, что занятіе откупами,

вмѣстѣ съ солидностію, развивало въ людяхъ нѣкоторое глубокомысліе.

— Позвольте спросить, вы будете на этомъ балѣ? обратился я къ дочери моего знакомаго. Мнѣ хотѣлось услыхать звукъ ея голоса.

— Папенька намѣренъ поѣхать, отвѣчала она, и я съ нимъ.

Голосъ у ней оказался тихій и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумѣвала.

Въ такомъ случаѣ позвольте пригласить васъ на первую кадриль. — Она наклонила голову въ знакъ согласія, но и тутъ не улыбнулась.

Я вскорѣ удалился, и, помнится, взглядъ ея глазъ, пристально на меня устремленныхъ, показался мнѣ до того страннымъ, что я невольно посмотрѣлъ себѣ черезъ плечо, ужъ не видитъ ли она кого-нибудь, или что нибудь у меня за спиною?

———

Вернувшись въ гостинницу и пообѣдавъ неизмѣннымъ „супъ-жульенъ“, котлетами съ

горошкомъ и просушеннымъ до черноты рябчикомъ, я присѣлъ на диванъ и предался размышленіямъ. Предметомъ ихъ была эта Софія, эта загадочная дочь моего знакомаго; но убиравшій со стола Ардаліонъ растолковалъ по своему мою задумчивость. Онъ приписалъ ее скукѣ.

— Оченно у насъ въ городѣ мало развлеченій для господъ проѣзжающихъ, заговорилъ онъ съ обычной развязной снисходительностію, въ то же время продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкамъ стульевъ; это похлопываніе, какъ извѣстно, свойственно однимъ лишь образованнымъ слугамъ. „Очень мало!“ Онъ помолчалъ, а громадные стѣнные часы, съ лиловой розой на бѣломъ циферблатѣ, своимъ однообразнымъ и сиплымъ чиканіемъ то же какъ бы подтверждали его слова. „О..чень! о-чень!“ щелкали они. „Ни концертовъ никакихъ, ни театровъ“, продолжалъ Ардаліонъ (онъ ѣздилъ съ своимъ барином за границу, и чуть ли не побывалъ въ Пари-

жѣ; онъ хорошо зналъ, что о́дни мужики говорятъ: кіятръ), „ни танцевъ напримѣръ или вечернихъ пріемовъ между господами дворянами, ничего этого не существуетъ“. (Онъ остановился на мгновеніе, вѣроятно для того, чтобы дать мнѣ замѣтить отборность своего слога). „Даже другъ друга видятъ рѣдко. Сидитъ каждый у себя на тычкѣ, какъ „кетикъ“ какой. И выходитъ, что заѣзжимъ посѣтителемъ дѣваться бываетъ — просто некуда“.

Ардаліонъ глянулъ на меня изкоса.

— Развѣ вотъ что, продолжалъ онъ съ разстановкой. Въ случаѣ, если имѣется такое ваше расположеніе...

Онъ вторично глянулъ на меня, даже усмѣхнулся, но, должно быть, надлежащаго расположенія во мнѣ не замѣтилъ.

Изящный слуга подошелъ къ двери, подумалъ, вернулся, и, помявшись немного на мѣстѣ, нагнулся къ моему уху и съ игривой улыбкой промолвилъ:

— Не желаете ли вы мертвыхъ видѣть?

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, продолжалъ онъ уже шопотомъ; у насъ есть тутъ такой человѣкъ. Изъ простыхъ мѣщанъ и даже безграмотный, а дѣла совершаетъ чудныя. Если, напримѣръ, вы къ нему отъявитесь и пожелаете увидать какого-ни-на-есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Это ужъ его секретъ. Потому хотя онъ и человѣкъ безграмотный, прямо сказать: безсловесный, но въ божественности очень силенъ! Большое отъ купечества къ нимъ уваженіе!

— И всѣмъ это въ городѣ извѣстно?

— Кому нужно — знаютъ-съ; ну, а конечно, отъ полиціи опасеніе соблюдается. Потому, что ни толкуй, дѣла все-таки запрещенныя, и для простого народа—соблазнъ; простой народъ — чернь, значитъ, извѣстно: сейчасъ въ кулаки!

— Вамъ онъ мертвецовъ показывалъ? спросилъ я Ардаліона. Такого образованнаго смертнаго я не рѣшался „тыкать“.

Ардаліонъ качнулъ головою. — Показывалъ-съ; родителя какъ живого представилъ.

Я уставился на Ардаліона. Онъ посмѣивался и поигрывалъ салфеткой—и снисходительно, но съ твердостью, поглядывалъ на меня.

— Да это очень любопытно! воскликнулъ я наконецъ. Нельзя ли мнѣ съ этимъ мѣщаниномъ познакомиться?

— Съ ними прямо никакъ нельзя-съ; а черезъ ихнюю маменьку нужно дѣйствовать. Старушка почтенная; на мосту моченными яблоками торгуетъ. Если прикажете, я ее спрошу-съ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Ардаліонъ кашлянулъ въ руку. — И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумѣется, то же ей вручить слѣдуетъ, той самой старушкѣ. А я съ своей стороны ей доложу-съ, что опасаться васъ нечего, такъ какъ вы господинъ заѣзжій, баринъ—ну и конечно можете понимать, что сіе есть тайна, и до непріятности ни въ какомъ случаѣ ее не доведете.

Ардаліонъ взялъ подносъ въ одну руку и, граціозно виляя и собственнымъ станомъ и подносомъ, направился къ двери.

— Такъ я могу на васъ надѣяться? крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Будьте благонадежны! раздался его самоувѣренный голосъ. Побесѣдуемъ со старушкой и отвѣтъ вамъ передадимъ къ аккуратѣ.

Не стану распространяться о томъ, какія мысли возбудилъ во мнѣ необычайный фактъ, сообщенный Ардаліономъ; но готовъ сознаться, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго отвѣта. Поздно вечеромъ вошелъ ко мнѣ Ардаліонъ и объявилъ свою досаду: онъ не могъ отыскать старушку. Я все-таки, въ видахъ поощренія, вручилъ ему трехъ-рублевую бумажку. На слѣдующее утро онъ снова, и съ радостнымъ лицомъ, явился въ мою комнату: старушка согласилась на свиданіе со мною.

— Эй! мальчуга! крикнулъ Ардаліонъ въ корридоръ; мастеровой! Поди-ка сюда! Во-

шелъ младенецъ лѣтъ шести, весь перепачканный въ сажѣ какъ котенокъ, съ остриженной, мѣстами даже голой головой, въ изорванномъ полосатомъ халатѣ и огромныхъ калошахъ на босу ногу. — Вотъ ты ихъ проведешь, куда знаешь, промолвилъ Ардаліонъ, обращаясь къ „мастеровому“ и указывая на меня. — А вы, господинъ, какъ придете, спросите Мастридію Карповну.

Мальчикъ издалъ сиплый звукъ, и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощенымъ улицамъ города Т.; наконецъ, въ одной изъ нихъ, едвали не самой пустынной и унылой, мой вожатый остановился передъ ветхимъ двухъ-этажнымъ деревяннымъ домикомъ и, утеревъ носъ всѣмъ рукавомъ халата, проговорилъ:

„Здѣся; на право ступайте“. Я вошелъ черезъ крылечко въ сѣни, толкнулся на право низенькая дверь завизжала на ржавыхъ петляхъ, и я увидѣлъ передъ собою толстую старушку въ коричневой, зайцемъ подбитой

кацавейкѣ и пестромъ платочкѣ на головѣ.

— Мастридія Карповна? спросилъ я.

— Она самая и есть, отвѣчала мнѣ старушка пискливымъ голосомъ. Милости просимъ. На стульчикъ не угодно-ли?

Комната, въ которую ввела меня старушка, была до того завалена всякимъ хламомъ, тряпьемъ, подушками, перинами, мѣшками, что повернуться въ ней почти не было возможности. Солнечный свѣтъ едва пробивался сквозь два запыленные окошка; въ одномъ углу, за грудой наставленныхъ другъ на дружку коробовъ, слабо охалъ и жаловался.... неизвѣстно кто: быть можетъ, больной ребенокъ, а быть можетъ — щенокъ. Я усѣлся на стулъ, а старушка стала прямо передъ мною. Лицо у ней было желтое, полупрозразное, какъ восковое; губы до того ввалились- что среди множества морщинъ представляли одну, поперечную; клокъ бѣлыхъ волосъ торчалъ изъ-подъ головнаго платка, но воспаленные, сѣрые глазки умно и бойко выглядывали изъ-подъ нависшей

лобовой кости; а заостренный носикъ такъ и выдавался шиломъ, такъ и нюхалъ воздухъ; плутъ-молъ я!—Ну! ты баба не промахъ! подумалось мнѣ; притомъ же отъ нея попахивало водочкой.

Я объяснилъ ей причину моего посѣщенія, которая, впрочемъ, какъ я замѣтилъ, должна была ей быть извѣстной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще востръе выдвинула свой носъ, словно клюнуть имъ собиралась.

— Такъ-съ, такъ-съ заговорила она наконецъ; Ардаліонъ Матвѣичъ намъ сказывались-съ, точно-съ; вамъ сыночка моего, Васиньки, искусство понадобилось... Только сумлѣваемся мы, государь мой...

— Отчего же? перебилъ я. На мой счетъ вы можете быть совершенно спокойны... Я не доносчикъ.

— Охъ, батюшка вы мой, поспѣшно подхватила старушка; что вы это! Смѣемъ мы про ваше благородіе такое думать! Да и доносить-то на насъ съ какой стати. Развѣ

мы что грѣшное затѣваемъ. Не таковскій мой сыночекъ, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дѣло согласиться... или какимъ колдовствомъ баловаться... да сохрани Богъ, мать пресвятая Богородица! (Старушка три раза перекрестилась). По всей губерніи первый постникъ и молельщикъ; первый, батюшка вы мой, ваше благоордіе! А это точно — милость его посѣтила великая. Чтожъ! Это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да.

— Такъ вы согласны? спросилъ я; когда я могу съ вашимъ сыномъ повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепехнула скатанный носовой платокъ изъ рукава въ рукавъ. — Охъ, государь мой, сумлѣваемся мы....

— Позвольте, Мастридія Карповна, вручить вамъ слѣдующее, перебилъ я ее, и подалъ ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчасъ схватила ее своими пухлыми кривыми пальцами, напоминавшими мясистыя когти совы, проворно засунула ее

въ рукавъ, подумала немного и, какъ бы внезапно рѣшившись, хлопнула себя обѣими ладонями по ляшкамъ.

— Приходи сюда сегодня вечеромъ, въ восьмомъ часу, заговорила она не своимъ обычнымъ, а другимъ, болѣе важнымъ и тихимъ голосомъ: только не въ эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этажъ; и будетъ тебѣ дверь на лѣво, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородіе, въ пустую комнату и въ той комнатѣ увидишь стулъ. Сядь ты на этотъ стулъ и жди; и что бы ты ни видѣлъ, никакихъ словъ не произноси и не дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ то же не изволь разговаривать; потому — онъ еще младъ, да онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, эловно цыпленокъ какой.... бѣда!

Я посмотрѣлъ на Мастридію. — Вы говорите онъ молодъ, но коли онъ вашъ сынъ....

— По духу, батюшка, по духу! Много у меня сиротъ-то! прибавила она, мотнувъ

головою въ направленіи угла, откуда раздавался жалобный пискъ. — О-охъ, Господи Боже ты мой, пресвятая мать Богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродственниковъ или знакомыхъ, царство имъ небесное! увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ, и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ!

— А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно...

— Ни, ни, батюшка, ни единаго слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что ему нужно. А вы только знакомца вашего хорошенько въ умѣ держите; да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте — стаканчика два, три; винцо никогда не мѣшаетъ. Старуха разсмѣялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

— Такъ въ половинѣ восьмого? спросилъ я, поднимаясь со стула.

— Въ половинѣ восьмого, батюшка, ваше благородіе; въ половинѣ восьмого, успокоительно отвѣчала Мастридія Карповна.

Я простился со старухой и вернулся въ гостинницу. Я не сомнѣвался въ томъ, что меня собирались одурачить, но какимъ образомъ? вотъ что возбуждало мое любопытство. Съ Ардаліономъ я помѣнялся всего двумя, тремя словами. „Допустила?“ спросилъ онъ меня, нахмуривъ брови, и на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: „Баба министръ!“ Я принялся, по совѣту „министра“, перебирать своихъ покойничковъ. Послѣ довольно долгихъ колебаній, я остановился наконецъ на одномъ давно умершемъ старичкѣ, французѣ, бывшемъ моемъ гувернерѣ. Я выбралъ именно его не потому, чтобы чувствовалъ особенное къ нему влеченіе; но вся фигура его была такъ оригинальна, такъ не походила на современныя фигуры, что поддѣлаться подъ нее было совершенно невозможно. Онъ имѣлъ огром-

ную голову, зачесанные назадъ пушистые бѣлые волосы, густыя черныя брони, крючковатый носъ и двѣ большія бородавки лиловаго цвѣта посрединѣ лба, носилъ зеленый фракъ съ мѣдными гладкими пуговицами, полосатый жилетъ со стоячимъ воротникомъ, жабо и манжетки. Коли онъ мнѣ моего старика Дессера покажетъ, подумалъ я, ну, надо будетъ согласиться, что онъ колдунъ!

За обѣдомъ я, по совѣту старухи, выпилъ бутылку лафиту, первѣйшаго сорта по увѣренію Ардаліона, но съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки.

Ровно въ половинѣ восьмого я находился передъ домомъ, въ которомъ бесѣдовалъ съ почтенной Мастридіей Карповной. Всѣ ставни оконъ были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошелъ въ домъ, взобрался по шаткой лѣстницѣ во второй этажъ, и, отворивъ дверь на лѣво, очутился, какъ мнѣ предсказывала старушка, въ совершенно

пустой, довольно просторной комнатѣ; сальная свѣчка, поставленная на подоконникъ, тускло ее освѣщала; у стѣны, напротивъ двери, стоялъ плетеный стулъ. Я снялъ со свѣчки, которая порядкомъ успѣла нагорѣть, усѣлся на стулъ и началъ ждать.

Первыя десять минутъ прошли довольно скоро; въ самой комнатѣ рѣшительно ничего не могло привлечь мое вниманіе; но я прислушивался къ каждому шороху, внимательно глядѣлъ на закрытую дверь... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другія; потомъ полчаса, три четверти часа — и хоть бы что пошевельнулось кругомъ! Я нѣсколько разъ кашлинулъ, чтобы дать знать о моемъ присутствіи; я начиналъ скучать, сердиться: *этакимъ* образомъ быть одураченнымъ не входило въ мои разсчеты. Я уже собирался подняться со стула и, взявъ свѣчку съ окна, пойти внизъ... Я посмотрѣлъ на нее; свѣтильня опять нагорѣла грибомъ; но отведши взоры отъ окна къ двери, я невольно вздрогнулъ: прислонясь

къ этой самой двери, стоялъ человѣкъ. Онъ такъ проворно и безъ шума вошелъ, что я ничего не слышалъ.

На немъ была простая синяя чуйка, роста онъ былъ средняго и довольно плотенъ. Закинувъ руки за спину и потупивъ голову, онъ уставился на меня. При тускломъ свѣтѣ свѣчки, я не могъ хорошенько разглядѣть его черты: я видѣлъ только косматую гриву спутанныхъ волосъ, падавшихъ на лобъ, да крупныя, слегка искривленныя губы, да бѣлесоватые глаза. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ, но вспомнилъ наставленіе Мастридіи и закусилъ губы. Вошедшій человѣкъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и, странное дѣло! въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха и, словно по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ. *Тотъ* все стоялъ у двери и дышалъ усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднималъ, а глаза его

какъ будто расширялись, какъ будто приближались ко мнѣ — и неловко мнѣ становилось подъ ихъ упорнымъ, тяжелымъ, грознымъ взоромъ; по временамъ эти глаза загорались зловѣщимъ внутреннимъ огонькомъ; подобный огонекъ замѣчалъ я у борзой собаки, когда она „воззрится“ въ зайца, и подобно борзой собакѣ, *тотъ* весь устремлялся *своимъ* взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я „дѣлалъ угонку“, т. е. пробовалъ отвести глаза въ сторону.

Такъ прошло не знаю сколько времени; быть можетъ, минута: быть можетъ, четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ и все думалъ о моемъ французѣ. Раза два я попытался сказать самому себѣ: что за вздоръ! что за комедія! попытался улыбнуться, пожать плечомъ... Напрасно! Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ „застывало“; я другого слова подобрать не умѣю. Мною овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе.

Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-чуть подпрыгнулъ обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе.... Потомъ еще... потомъ еще; а грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мнѣ эти прыжки показались смѣшными, но и жутко мнѣ становилось и, что я уже никакъ понять не могъ, сонливость вдругъ начала находить на меня. Вѣки мои слипались.... косматая фигура съ бѣлесоватыми глазами въ синей чуйкѣ задвоилась передо-мной — и вдругъ совсѣмъ исчезла!... Я встрепенулся: *онъ* опять стоялъ между дверью и мною но уже гораздо ближе... Потомъ онъ опять исчезъ — словно туманъ набѣжалъ на него; опять появился... исчезъ опять... появился опять... и все ближе, ближе... его трудное, почти храпѣвшее дыханіе уже добѣгало до меня... Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ,

кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера! Да; вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ! Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ и жабо... Я вскрикнулъ, я приподнялся... Старикъ исчезъ, и на мѣстѣ его я снова увидѣлъ человѣка въ синей чуйкѣ. Онъ подошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: „Чаю!“ Откуда ни возьмись Мастридія, подскочила къ нему, и приговаривая: „Васинька, Васинька“, принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица. Я было-приблизился къ ней, но она такъ убѣдительно, такимъ раздирающимъ голосомъ воскликнула: „Ваше благородіе! отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!“ что я повиновался; а она снова обратилась къ своему сыночку. „Кормилецъ, голубчикъ, успокоивала она его; сейчасъ

тебѣ будетъ чай, сейчасъ. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте!“ крикнула она мнѣ въ слѣдъ.

Вернувшись домой, я послушался Маст ридіи, и велѣлъ подать себѣ чаю; я чувствовалъ усталость — даже слабость. — Ну что-съ? спросилъ меня Ардаліонъ; были-съ? видѣли-съ?

— Онъ мнѣ, точно, показалъ что-то... чего я, признаюсь, не ожидалъ, отвѣталъ я.

— Великой премудрости человѣкъ! замѣтилъ Ардаліонъ, вынося самоваръ; отъ купечества къ нимъ—ба-альное уваженіе.

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной исторіи, и наконецъ вообразилъ, что добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ несомнѣнно обладалъ значительной магнетической силой; дѣйствуя, конечно непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ образъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ наконецъ показалось, что я

его вижу передъ глазами... Науки извѣстны подобныя „метастазы“ — перестановленія ощущеній. Прекрасно; но сила, способнаяо производить такія дѣйствія все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ. „Что ни говори, думалъ я—я видѣлъ, своими глазами видѣлъ покойнаго моего гувернера!“

На слѣдующій день происходилъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Отецъ Софи заѣхалъ ко мнѣ и напомнилъ мнѣ приглашеніе, которое я сдѣлалъ его дочери. Въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ рядомъ съ нею посреди залы, освѣщенной множествомъ мѣдныхъ лампъ и готовился выдѣлывать немудреные па французской кадрили подъ громогласныя завыванія военнаго оркестра. Народу съѣхалося пропасть; особенно много было дамъ, и прехорошенькихъ: но пальма первенства между ними непремѣнно осталась бы за моей дамой, еслибы не нѣсколько странный, нѣсколько даже дикій ея взоръ.

Я замѣтилъ, что она очень рѣдко мигала; несомнѣнное выраженіе искренности въ ея глазахъ не выкупало того, что въ нихъ было необычнаго. Но сложена она была прелестна и двигалась граціозно, хоть и застѣнчиво. Когда она вальсировала, и, немного перегнувъ назадъ свой станъ, наклоняла тонкую шею къ правому плечу, какъ бы желая отдалиться отъ своего танцора, ничего болѣе трогательно-молодаго и чистаго нельзя было себѣ представить. Она была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ крестикомъ на черной ленточкѣ.

Я пригласилъ ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвѣчала мало и неохотно, а слушала внимательно, съ тѣмъ же выраженіемъ задумчиваго изумленія, которое поразило меня въ первое мое свиданіе съ нею. Никакой тѣни кокетства въ ея лѣта, съ ея наружностію, и отсутствіе улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные въ глаза собесѣдника — эти глаза, которые въ то же время какъ будто видятъ

что-то другое, чѣмъ-то другимъ озабочены. Что за странное существо! Не зная, наконецъ, чѣмъ расшевелить ее, я вздумалъ разсказать ей мое вчерашнее приключеніе.

Она выслушала меня до конца съ видимымъ любопытствомъ, но, чего я никакъ не ожидалъ, не удивилась моему разсказу и только спросила меня, не Василіемъ ли зовутъ *его?* Я вспомнилъ, что старуха при мнѣ назвала его „Васинькой". — Да; его имя Василій, отвѣчалъ я; развѣ вы его знаете?

— Здѣсь живетъ одинъ богоугодный человѣкъ, котораго зовутъ Васильемъ, промолвила она; я подумала, не онъ ли?

— Богоугодность тутъ ни къ чему, замѣтилъ я; это простое дѣйствіе магнитизма— фактъ, интересный для докторовъ и естествоиспытателей. Я принялся излагать свои воззрѣнія на ту особенную силу, которую зовутъ магнитизмомъ, на возможность подчиненія воли одного человѣка воли другаго

и т. п.; но мои, правда, нѣсколько сбивчивыя объясненія, казалось, не производили впечатлѣнія на мою собесѣдницу. Софи слушала, уронивъ на колѣни скрещенныя руки съ неподвижно-лежащимъ на нихъ вѣеромъ; она не играла имъ, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовалъ, что всѣ мои слова отскакивали отъ нея, какъ отъ каменной статуи. Она понимали ихъ, но у ней видимо были свои, незыблемыя и неискоренимыя убѣжденія.

— Не допускаете же вы чудесъ! воскликнулъ я.

— Конечно, допускаю, спокойно промолвила она. Да и какъ возможно не допускать ихъ? Развѣ не сказано въ Евангеліи, что у кого на одно горчишное сѣмя вѣры, тотъ можетъ горы поднимать съ мѣста? Нужно только вѣру имѣть, чудеса будутъ.

— Видно, мало вѣры въ наше время стало, возразилъ я: что-то не слыхать про чудеса!

— Однако вотъ бываютъ же; вы сами

видѣли. Нѣтъ; вѣра не перевелась въ наше время; а начало вѣры...

— Начало премудрости страхъ Божій! перебилъ я.

—Начало вѣры, продолжала Софи, нисколько не смутившись: самоотверженіе... уничиженіе!

— Даже уничиженіе? спросилъ я.

— Да. Гордость человѣческая, гордыня, высокомѣріе, вотъ что надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ... ее-то и надо сломить.

Я окинулъ взоромъ всю фигуру молоденькой дѣвушки, произносившей такія рѣчи... „А вѣдь этотъ ребенокъ не шутитъ!“ подумалось мнѣ. Я взглянулъ на нашихъ сосѣдей по мазуркѣ: они также взглянули на меня, и мнѣ показалось, что мое удивленіе ихъ забавляло; одинъ изъ нихъ даже улыбнулся мнѣ сочувственно, какъ вы желая сказать: „А? что? какова у насъ барышня-чудачка? здѣсь всѣ ее за такую знаютъ“.

— Вы попытались сломать свою волю? обратился я снова къ Софи.

— Всякій обязанъ дѣлать то, что ему кажется правдой, отвѣчала она какимъ-то догматическимъ тономъ.

— Позвольте васъ спросить, началъ я послѣ небольшаго молчанія, вѣрите ли вы въ возможность вызывать мертвыхъ?

Софи тихо покачала головою.

— Мертвыхъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Душъ мертвыхъ нѣтъ; онѣ безсмертны и могутъ всегда явиться, когда захотятъ... Онѣ постоянно окружаютъ насъ.

— Какъ? Вы полагаете, что, напримѣръ, подлѣ того гарнизоннаго маіора съ краснымъ носомъ, можетъ въ эту минуту витать безсмертная душа?

— Почему же нѣтъ? Солнечный свѣтъ освѣщаетъ же его и его носъ—а развѣ солнечный свѣтъ, всякій свѣтъ, не отъ Бога. И что такое наружность? Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти! наставника найти.

— Да позвольте, позвольте, вмѣшался

я, признаюсь, не безъ злорадства. Вы желаете наставника... а духовникъ нашъ на что?

Софи холодно посмотрѣла на меня.

— Вы, кажется, хотите смѣяться надо мною. Батюшка мой духовный говоритъ мнѣ, что я должна дѣлать; но мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собою!

Она подняла глаза къ потолку. Своимъ дѣтскимъ лицомъ и этимъ выраженіемъ неподвижной задумчивости, тайнаго, постояннаго изумленія, она напоминала мнѣ до-Рафаэлевскихъ мадоннъ...

— Я читала гдѣ-то, продолжала она не оборачиваясь ко мнѣ и едва шевеля губами, что одинъ вельможа велѣлъ себя похоронить подъ папертью церковною для того, чтобы всѣ приходившіе люди ногами попирали его, топтали... Вотъ это надо еще при жизни сдѣлать...

Бумъ! бумъ! тра-ра-рахъ гремѣли съ хоровъ литавры... Признаюсь, подобный разговоръ на балѣ показался мнѣ черезчуръ

эксцентричнымъ; онъ невольно возбуждалъ во мнѣ мысли... свойства, совершенно противоположнаго религіозному. Я воспользовался приглашеніемъ моей дамы на одну изъ фигуръ мазурки, чтобы уже не возобновлять нашихъ quasi-богословскихъ преній.

Четверть часа спустя я отвелъ mademoiselle Sophie къ ея родителю, а дня черезъ два я покинулъ городъ Т., и образъ дѣвушки съ дѣтскимъ лицомъ и непроницаемой, точно каменной душой, скоро изгладился изъ моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть передо мною. А именно: я разговаривалъ съ однимъ сослуживцемъ, только-что вернувшимся изъ поѣздки по южной Россіи. Онъ прожилъ нѣсколько времени въ городѣ Т. и сообщалъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о тамошнемъ обществѣ. — Кстати! воскликнулъ онъ, вѣдь ты, кажется, хорошо знакомъ съ В. Г. Б?

— Какъ-же, знакомъ.

— И дочь его, Софью, ты знаешь?

— Я видѣлъ ее раза два.

— Представь: сбѣжала!

— Какъ такъ?

— Да также. Вотъ уже три мѣсяца, какъ безъ вѣсти пропала. И удивительно то, что никто не можетъ сказать, съ кѣмъ она сбѣжала. Представь, никакой догадки, ни малѣйшаго подозрѣнія! Она всѣмъ женихамъ отказывала. И поведенія была самаго скромнаго. Ужъ эти мнѣ тихони, да богомолки! Скандалъ по губерніи ужасный! Б. въ отчаяніи... И какая ей была нужда бѣжать? Отецъ во всемъ исполнялъ ея волю. Главное, непостижимо то, что всѣ губернскіе ловеласы на лицо, всѣ до единаго!

— И ея до сихъ поръ не отыскали?

— Говорятъ, тебѣ, какъ въ воду канула! Одной богатой невѣстой на свѣтѣ меньше, вотъ что скверно.

Извѣстіе это меня очень удивило. Оно никакъ не вязалось съ тѣмъ воспоминаніемъ, которое я сохранилъ о Софіи Б. Но мало-ли чего не бываетъ!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебнымъ дѣламъ, судьба закинула въ С...кую губернію, находящуюся, какъ извѣстно, рядомъ съ губерніей Т...ской. Погода стояла дождливая и холодная; измученныя почтовыя лошадёнки едва тащили мой легонькій тарантасъ по растворившемуся чернозему большой дороги. Помнится, одинъ день выдался особенно неудачный: раза три пришлось „сидѣть“ въ грязи по ступицу; ямщикъ мой то-и-дѣло бросалъ одну колею и съ гиканіемъ и завываніемъ переползалъ въ другую; но и въ той не было легче. Словомъ, къ вечеру я такъ измучился, что добравшись до станціи, рѣшился переночевать на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели комнатку съ деревяннымъ продавленнымъ диваномъ, покривившимся поломъ и оборванными бумажками по стѣнамъ; въ ней пахло квасомъ, рогожей, лукомъ и даже скипидаромъ, и мухи роями сидѣли повсюду; но по крайней мѣрѣ отъ непогоды можно было укрыться; а дождь, какъ гово-

рится, зарядилъ на цѣлыя сутки. Я велѣлъ поставить самоваръ и, присѣвъ на диванъ, предался тѣмъ дорожнымъ, нерадостнымъ, думамъ, которыя такъ знакомы путешественникамъ на Руси.

Онѣ были прерваны тяжелымъ стукомъ, раздавшимся въ общей избѣ, отъ которой моя комната отдѣлялась досчатой перегородкой. Стукъ этотъ сопровождался, отрывочнымъ, зычнымъ бряцаніемъ, подобнымъ лязгу цѣпей, и внезапно гаркнулъ грубый мужской голосъ: „Благослови Богъ всѣхъ сущихъ *у дому сему*. Благослови Богъ! Благослови Богъ! Аминь, аминь, разсыпься!“ повторилъ голосъ, какъ-то нескладно и дико вытягивая послѣдній слогъ каждаго слова... Послышался шумный вздохъ, и грузное тѣло съ тѣмъ же бряцаньемъ опустилось на лавку.

— Акулина! Раба божія, подь сюда! заговорилъ опять голосъ; зри, яко нагъ, яко благъ.... Ха-ха-ха, Тьфу! Господи Боже мой, Господи Боже мой, Господи Боже мой,

загудѣлъ голосъ, какъ дьячокъ на клиросѣ — Господи Боже мой, Владыка живота моего, воззри на окаянство мое... О хо-хо, Ха-ха-.. Тьфу! Адому сему благодать въ часъ седьмый!

— Кто это? спросилъ я тароватую мѣщанку-хозяйку, вошедшую ко мнѣ съ самоваромъ.

— А это, батюшка вы мой, отвѣчала она мнѣ торопливымъ шопотомъ — блаженный, божій человѣкъ. Въ нашихъ краяхъ недавно проявился: вотъ и насъ посѣтить изволилъ. Въ экую непогодь! Такъ съ него, голубчика, ручьями и льетъ! И вериги вы бы посмотрѣли на немъ какія—страсть!

— Благослови Богъ! Благослови Богъ! раздался снова голосъ. Акулина! А Акулина! Акулинушка—другъ! И гдѣ нашъ рай! Рай нашъ прекрасный! Въ пустынѣ нашъ рай.... рай... А дому сему, на починѣ вѣку сего... радости велiи.., о... о... о... Голосъ забормоталъ что-то невнятное, и вдругъ, велѣдъ за протяжнымъ зѣвкомъ, опять по

слышался сиплый хохотъ. Хохотъ этотъ вырывался всякій разъ какъ бы невольно, и всякій разъ послѣ него слышалось негодующее плеваніе.

— Эхъ-ма! Степаныча нѣтъ! вотъ наше горе-то! словно про-себя промолвила хозяйка, со всѣми признаками глубочайшаго вниманія остановившаяся у двери. Словцо какое спасительное скажетъ, а мнѣ бабѣ и не вдомёкъ! Она проворно вышла.

Въ перегородкѣ была щель; я приложился къ ней глазомъ. Юродивый сидѣлъ на лавкѣ ко мнѣ задомъ: я видѣлъ только его громадную, какъ пивной котелъ, косматую голову, да широкую, сгорбленную спину подъ заплатаннымъ мокрымъ рубищемъ. Передъ нимъ, на земляномъ полу, стояла на колѣняхъ тщедушная женщина въ старомъ, тоже мокромъ, мѣщанскомъ шушункѣ съ темнымъ платкомъ, надвинутымъ на самые глаза. Она силилась стащить сапогъ съ ноги юродиваго, пальцы ея скользили по загрязне-н

ной, осклизлой кожѣ. Хозяйка стояла возлѣ нея со сложенными на груди руками, и благоговѣйно взирала на „божьяго человѣка“. Онъ по прежнему бурчалъ какія-то невнятныя рѣчи.

Наконецъ, женщинѣ въ шушунѣ удалось сдернуть сапогъ. Она чуть навзничь не упала, однако справилась и принялась разматывать онучи юродиваго. На подъемѣ ноги оказалась рана... Я отвернулся.

— Чайкомъ не прикажешь-ли поподчивать, родимый? послышался подобострастный голосокъ хозяйки.

— Что выдумала! отозвался юродивый. Грѣшное тѣло баловать... Охо-хо! всѣ кости ему сокрушить... а она — чай! Охъ, охъ, старица почтенная, сатана въ насъ силенъ! На него гладъ, на него хладъ, на него хляби небесныя, дожди проливные, пронзительные, а онъ ничего, живучъ! Помни день покрова Богородицы! Будетъ тебѣ, будетъ много!

Хозяйка легонько даже ахнула отъ удивленія.

— Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будутъ, а ты отдай! Потому, Богъ видитъ! Али крышу долго разметать? Далъ онъ тебѣ Милостивецъ, хлѣба, ну и сажай его въ печь! А онъ все видитъ! Ви...и...ди,..итъ! Глазъ въ трехъугольникѣ чей? сказывай... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась подъ косынкой.

— Древлій врагъ, адамантъ! А...да... мант! А...да...мантъ, повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ. Древлій змій! Но да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду...Ха-ха-ха! Тьфу!

— Маслица нѣтъ-ли у васъ, произнесъ другой, едва слышный голосъ; дайте на ранку приложить... тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянулъ сквозь щель: женщина въ шушунѣ все еще возилась съ больной

ногой юродиваго.. „Магдалина!“подумалъ я.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, промолвила хозяйка и, войдя ко мнѣ въ комнату, достала ложечкой масла изъ лампадки передъ образомъ.

— Кто это ему прислуживаетъ спросилъ я.

— А не знаемъ батюшка, кто такая; то же спасается, чай грѣхи заслуживаетъ. Ну да ужъ и святой же человѣкъ!

— Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, твердилъ между тѣмъ юродивый, и вдругъ заплакалъ.

Стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ женщина возвела на него свои глаза... Боже мой, гдѣ видѣлъ я эти глаза?

Хозяйка подошла къ ней съ ложечкой масла. Та кончила свою операцію и, поднявшись съ полу, спросила, нѣтъ-ли чистаго чуланчика, да сѣнца немного... „Василій Никитичъ на сѣнѣ почивать любитъ“, прибавила она.

— Какъ не быть, пожалуйте, отвѣчала хозяйка; пожалуй, родименькій, обратилась

она къ юродивому; обсушись, отдохни. Тотъ закряхтѣлъ, медлительно поднялся съ лавки— его вериги опять звякнули, и обернувшись ко мнѣ лицомъ и поискавъ образовъ глазами, началъ креститься большимъ крестомъ на отмашъ.

Я тотчасъ узналъ его: это былъ тотъ самый мѣщанинъ Василій, который нѣкогда показалъ мнѣ моего покойнаго гувернера!

Черты его мало измѣнились; только выраженіе ихъ стало еще необычнѣе, еще страшнѣе... Нижняя часть опухшаго лица обросла взъерошенною бородою. Оборванный, грязный, одичалый, онъ внушалъ мнѣ еще больше отвращенія чѣмъ ужаса. Онъ пересталъ креститься, но продолжалъ блуждать безсмысленнымъ взоромъ по угламъ, по полу, словно ждалъ чего-то...

— Василій Никитичъ, пожалуйте, промолвила съ поклономъ женщина въ шушукѣ. Онъ вдругъ всмахнулъ головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался... Спутница его тотчасъ къ нему подскочила и поддержала,

его подъ мышку. Судя по голосу, да по стану, она казалась еще молодою женщиной: лица ея почти невозможно было видѣть.

— Акулинушка другъ! проговорилъ еще разъ юродивый какимъ-то потрясающимъ голосомъ, и широко раскрывъ ротъ и ударивъ себя кулакомъ въ грудь, простоналъ глухимъ, со дна души поднявшимся стономъ. Оба вышли изъ комнаты вслѣдъ за хозяйкой.

Я легъ на свой жесткій диванъ, и долго размышлялъ о томъ что видѣлъ. Мой магнитизёръ сталъ окончательно юродивымъ. Вотъ куда повернула его та сила, которую нельзя же было не признать въ немъ!

На слѣдующее утро я собрался въ путь. Дождь лилъ по вчерашнему, но я не могъ долѣе мѣшкать. На лицѣ моего слуги, подававшаго мнѣ умываться, играла особенная, сдержанно-насмѣшливая улыбочка. Я хорошо понималъ эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узналъ что-нибудь невыгодное или даже неприличное на счетъ господъ. Онъ видимо сгаралъ нетерпѣніемъ сообщить мнѣ это.

— Ну, что такое? спросилъ я наконецъ.

— Вчерашняго юродивца изволили видѣть? немедленно заговорилъ мой слуга.

— Видѣлъ; что же далѣе?

— А товарку ихнюю тоже видѣли-съ?

— Видѣлъ и ее.

— Она-съ барышня; дворянскаго происхожденія.

— Какъ?

— Истину вамъ докладываю-съ; купцы сегодня изъ Т. проѣзжали; признали ее. Фамилію даже называли; только я незапамятовалъ-съ.

Меня какъ молніей освѣтило. — Юродивый еще здѣсь, или уже ушелъ? спросилъ я.

— Кажись, еще неуходилъ. Давича сидѣлъ подъ воротами и мудреное такое творилъ, что и постигнуть невозможно. Благуетъ съ жиру; потому, выгоду въ томъ себѣ находитъ.

Слуга мой принадлежалъ къ тому же разряду образованныхъ дворовыхъ, какъ и Ардаліонъ.

— И барышня съ нимъ?

— Съ ними-съ; дежурятъ тоже.

Я вышелъ на крыльцо, и увидѣлъ юродиваго. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами, и упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ на право и на лѣво понуренную голову, ни дать ни взять дикій звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и моталисъ изъ стороны въ сторону, такъ же какъ и отвисшія губы... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ. Спутница его только что умылась изъ висѣвшаго на жердочкѣ кувшинка и, не успѣвъ еще накинуть платокъ себѣ на голову, пробиралась назадъ къ воротамъ по узкой дощечкѣ, положенной черезъ темныя лужицы навознаго двора. Я взглянулъ на эту, теперь со всѣхъ сторонъ открытую голову, и невольно всплеснулъ руками отъ изумленія... Передо мной была Софи Б!

Она быстро обернулась и уставила на

меня свои голубые, по прежнему неподвижные глаза. Она очень похудѣла, кожа загрубѣла и приняла изжелта-красный оттѣнокъ загара, носъ заострился и губы обозначились рѣзче. Но она не подурнѣла; только къ прежнему, задумчиво-изумленному выраженію присоединилось другое, рѣшительное, почти смѣлое, сосредоточенно-восторженное выраженіе. Дѣтскаго въ этомъ лицѣ уже не оставалось ни слѣда.

Я приблизился къ ней. — Софья Владиміровна, воскликнулъ я, неужели это вы? Въ этомъ платьѣ... въ этомъ обществѣ...

Она вздрогнула, еще пристальнѣе взглянула на меня, какъ бы желая узнать, кто съ ней заговариваетъ, и не отвѣтивъ мнѣ ни слова, такъ и бросилась къ своему товарищу.

— Акулинушка, залепеталъ онъ, тяжело вздохнувъ, грѣхи наши, грѣхи...

— Василій Никитичъ, идемте сейчасъ! Слышите, сейчасъ, сейчасъ, промолвила она, одной рукой надергивая платокъ себѣ на

любъ, а другой подхватывая юродиваго подъ локоть; идемте, Василій Никитичъ. Здѣсь опасно.

— Иду, матушка, иду, покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, приподнялся съ лавочки. — Вотъ только цѣпочечку-то подвязать...

Я еще разъ подошелъ къ Софьѣ, я назвалъ себя, я началъ умолять ее выслушать меня, сказать мнѣ одно слово, я указывалъ ей на дождь, который полилъ какъ изъ ведра, я попросилъ ее пощадить собственное здоровье, здоровье ея товарища, я упомянулъ объ ея отцѣ... Но ею овладѣло какое-то злое, какое-то безпощадное одушевленіе. Не обращая на меня никакого вниманія, стиснувъ зубы и прерывисто дыша, она въ полголоса, короткими повелительными словами, понукала растерявшагося юродиваго, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный дѣтскій картузъ съ изломаннымъ козырькомъ, всунула ему палку въ руки, накинула самой

себѣ на плечи котомку и вышла съ нимъ за ворота, на улицу... Остановить ее самое я не имѣлъ права, да оно ни къ чему бы и не послужило; а на послѣдній мой отчаянный возгласъ она даже не обернулась. Поддерживая „божьяго человѣка“ подъ руку, она проворно шагала по черной уличной грязи, и черезъ нѣсколько мгновеній, сквозь тусклую мглу туманнаго утра, сквозь частую сѣтку падавшаго дождя, въ послѣдній разъ мелькнули передо мною обѣ фигуры юродиваго и Софьи... Онѣ завернули за уголъ выдавшейся избы, и исчезли навсегда.

Я вернулся къ себѣ въ комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понималъ; я не понималъ какъ могла такая хорошо воспитанная, молодая, богатая дѣвушка бросить все и всѣхъ, родной домъ, семью, знакомыхъ, махнуть рукой на всѣ удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти во слѣдъ полусумасшедшему бродягѣ, чтобъ сдѣлаться его прислужницей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на изданіе въ 1882—83 год.

Дѣтской Библіотеки

выходящей ежемѣсячно 1-го и 15 числа, подъ редакціею Н. Савича. **Цѣна** съ пересылкою каждой серіи (состоящей изъ 10 томовъ) **шесть рублей,** при этомъ каждому подписавшемуся на 10 томовъ **безплатно выдается одна изъ слѣдующихъ цѣнныхъ вещей:** 1. Женскій несессеръ. 2. Самоучитель рисованія. 3. Альбомъ. 4. Свѣтящійся составъ. 5. Волшебныя фонари. или 6. Микроскопъ. На пересылку четырехъ первыхъ преміи прилагается 1 р. на пересылку 5 или 6 преміи 1 р. 50 к.

Требованія адресовать въ Москву, на имя издательницы Д. Б. **А. Юдиной** (Кузнецкій мостъ, домъ Хомякова, противъ театра Солодовникова).

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.

1. Дѣтство И. С. Тургенева 5
2. Первыя произведенія Тургенева 7
3. „Хорь и Калинычъ“ разсказъ 9
4. „Бѣжинъ лугъ“. 33
5. „Чертопхановъ“ 78
6. „Смерть Чертопханова“ 108
7. „Живыя Мощи“. 173
8. Полное развитіе таланта И. С. Тургенева. 205
9. „Яковъ Пасынковъ“ разсказъ 207
10. „Странная Исторія“ 305

2015147568